

КОСТЁР

ISSN 0130—2574

10

ОКТЯБРЬ 1985

КОСТЁР

10
ОКТАБРЬ

1985

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

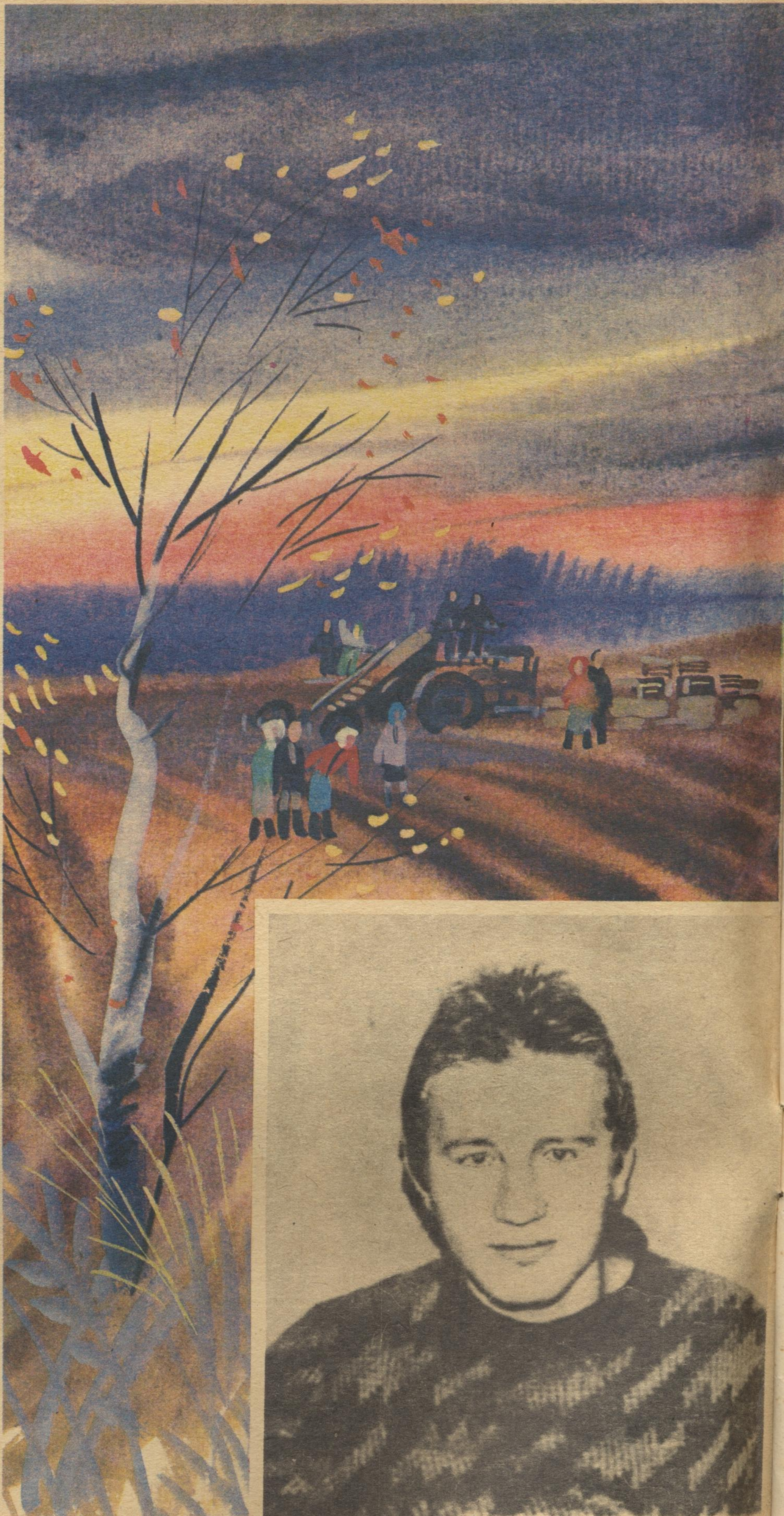
Издается с 1936 года

© «Костер», 1985 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Его звали Снежок очерк А. Крестинского	1
В валенках по весне повесть С. Цымбаленко	4
Пятилетка в красном галстуке	11
Флаг на корабле очерк А. Гостомыслова	12
Барабан	14
Память очерк Е. Матвеевой	18
Митькин рассказ Т. Пономаревой	20
Полуостров звездных ливней очерк Т. Гаген	24
Электроник	26
Семь подвигов во имя любви рассказ Р. Шорина	31
В городке все спокойно очерк Е. Александровой	35
АРЧЕБЕК	37
Веселый звонок	38
Зеленые страницы	40
Спортклуб «Кузнечик»	42
Необыкновенные приключения итальянская сказка	44
Морская газета	46

На обложке рисунок
А. Ивашенцовой

ЕГО ЗВАЛИ СНЕЖОК

...Это случилось в Дубровенском районе Витебской области. Студенты Оршанского педагогического училища работали на уборке картофеля. Внезапно на ленту транспортера комбайна вместе с картошкой, травой, камнями выполз черный, покрытый ржавчиной артиллерийский снаряд. Миша Мороз стоял на мостике комбайна с самого края и первым увидел снаряд. Медлить нельзя: несколько секунд — и снаряд попадет на вибратор, а на комбайне шесть человек, да и вокруг люди...

Сквозь густую пыль, окружавшую работающий комбайн, остальные ребята не сразу увидели, что произошло. Витя Вавилов, стоявший рядом с Мишей, услышал, что тот зовет его. Обернулся и сквозь пелену пыли увидел, как Миша осторожно спускается с комбайна на землю. Потом разглядел снаряд у него на руках. «Витя, к оврагу... Иди вперед... Близко

не подходи...» — отрывисто говорил Миша, медленно ступая по глинистой, скользкой от бесконечных осенних дождей земле.

До Липова оврага он не дошел нескольких шагов. Раздался взрыв. Миша был тяжело ранен. Три долгих дня боролись лучшие хирурги республики за его жизнь. Спасти Мишу не удалось.

В его комсомольском билете сделана запись: «Вынес с поля боевой снаряд, отвел от людей беду ценой собственной жизни». Боевой орден Красного Знамени — посмертная награда герою...

Я работал над поэмой больше двух лет, ездил на Гомельщину, в деревню Бережцы, где родился и вырос Миша. Познакомился с его друзьями, учителями, родными и близкими.

Он был такой же, как большинство ребят его возраста. Крепкий, спокойный, веселый

сельский парень. Хорошо плавал. Любил рыбалку, баскетбол, футбол. Возился с кроликами и голубями. Отлично водил отцовский мотоцикл. Готовился стать учителем. Когда сам учился в школе, не прочь был и созорничать.

Впрочем, так можно рассказывать о любом человеке. А чем отличался Миша от других? Чем выделялся среди сверстников?

Он был необычайно трудолюбив. Подчеркиваю — необычайно. Потому что трудолюбие, уважение к труду для большинства сельских ребят — дело обычное, с малых лет помогают они старшим в огороде, дома... Миша был трудолюбив в особой степени.

Вот, скажем, приезжает он во время каникул в гости к товарищу-студенту и, вместо того чтобы валяться на солнышке или пропадать на рыбалке, работает на ферме, да так рабо-

тает, что до сих пор о нем вспоминают в той деревне.

Стоило ему приехать домой из училища — на неделю, на месяц — работа кипит в руках: то сено косит, то в поле в бригаде трудится, то дрова заготавливает.

Ольга Ивановна, Мишина мама, рассказывала мне, как во время последних каникул отвез он ее с младшими братьями на мотоцикле в лес — чернику собирать. Сам воротился домой, а вечером приехал за ними. Вот вернулись они в село, входят в хату — а там все полы блестят, сверкают! Мама стала его хвалить, а он только рукой махнул: «Да чего там, я привык, мы в общежитии все сами делаем».

Видел я Мишины книги, тетради, учебники, чертежи. Черчение давалось ему с трудом, но он старался, чертил упорно, и с каждым разом все лучше. Я видел и другое: белье для кукол, которое Миша шил на швейной машинке. Вы спросите: зачем? Но ведь он готовился стать учителем труда. А учитель труда должен учить не

только мальчиков, но и девочек. Преподаватели спрашивали Ольгу Ивановну: «Вы учили его шить?» — «Нет, просто иногда шила при нем». — «Ну, знаете, у него строчка, как у опытной портнихи».

— Когда он начал помогать вам? — спросил я Ольгу Ивановну.

— В два года. Возьмет хвостину и корову загоняет. Потом подрост немного — Ваня родился. Миша нянчил его. И кормил, и поил, и колыбельку качал, да так ловко все, так хорошо...

Мишины друзья, теперь уже молодые учителя, вспоминают, как в училище зимой заболел кочегар, котлы остыли, и Миша со своим другом Яшей Штрубом отправились вечером в кочегарку. Всю ночь там работали, а утром вместе со всеми пошли на занятия.

Что-то привлекало к нему людей. И одноклассов, и помладше. Жил, например, на другом конце Бережцов мальчик один, тоже Мишей звали. Дружили они. Вместе ухаживали за кроликами, приручали го-

лубей... Тот Миша каждый день к Морозам приходил, а то и два раза на дню. Как-то он признался Ольге Ивановне: «Когда я к вам не приду, я просто жить не могу».

Вы понимаете, что это признание относится не только к самому Мише Морозу, но и ко всему дому Морозов, ко всей семье.

Семья дружная, добрая, дом гостеприимный, открытый. Недаром почти все, кто учился с Мишей в Орше, перебивали у него в гостях. Скольких людей приглашал он в Бережцы!..

Тысячи писем пришли в дом Морозов, когда страна узнала о Мишином подвиге, о его гибели. Все эти письма, как и многое другое, связанное с Мишиной жизнью, судьбой, хранятся теперь в музее его имени минской школы-интерната № 4.

Миша всколыхнул в людях сокровенное: веру в добро, чувство связи между всеми нами, готовность помочь...

Разные есть натуры. Одни при встрече с трудностями ждут, когда кто-нибудь другой с ними справится. Иные — на-

РЯБИНА НАД ПОЛЕМ

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Война посеяла в полях
Железное зерно.
Земле зерно внушает страх —
Чем прорастет оно?..

Среди корней темным-темно,
Молчит подземный свод,
Вот-вот проклюнется зерно
И пламенем взойдет.

Поникла нежная трава,
Дрожит живой листок,
Летит тревожная молва
На запад,
На восток.

Гудит угрюмо темный лес,
Печален волчий вой,
И ворон вещий до небес
Возвысил голос свой.

Застыла реченька с тоски
И почернел овраг,
К земле припали колоски
И чуют — рядом враг!

Не торопись, остановись,
Послушай, человек,
О чем трубят и даль и высь,
Что шепчут дождь и снег...

Полю, перепаханному войной,
Снится последний бой.
Сколько лет уже тишина вокруг,
Но пашет, пашет памяти плуг,
Неутомимый плуг.

Горе сдавило грудь Земли.
Помнит всех, что здесь полегли.
Лучших не стало в краю родном,
Ноет осколок в сердце земном,
В самом сердце земли...

На мостике комбайна
Вчетвером
Стояли мы.

А пыль была такая,
Что только ленту видишь
Впереди бегущую.

оборот — все берут на себя. Не раздумывая. Тотчас. Молча.

Вот главная Мишина черта — способность брать на себя.

Витя Старинский рассказывал мне: «Мы с Мишей шли через мост, на занятия шли, это в Орше было, там речка Оршица. Вдруг видим — человек упал в воду. Миша тотчас разделся, мне одежду сунул — и в воду! Вытащил того дядьку...»

Одна девушка прислала из Орши письмо Мишиным родителям. Она увидела в газете Мишину фотографию и узнала в нем человека, который защитил ее на танцплощадке от подвыпивших юнцов.

Повадились как-то в общежитие педагогического училища местные парни. Ходят по комнатам и отнимают деньги у тех, кто послабее. Один раз кто-то побежал за Мишей. Миша пришел и сказал пришельцам несколько слов. Пальцем никого не тронул, не ругал, просто сказал тихо несколько слов. Но так сказал, что его послушались.

Нечто похожее было однажды в походе, когда к их туристской группе привязались какие-то хулиганы. И тут пригodiлось Мишино умение улаживать конфликты словом, шуткой... Мне кажется, он обладал даром убеждать людей, что-то было в его личности весомое, сильное, с чем нельзя было не считаться.

Ясно, почему у него было столько друзей. Он был надежен. На него всегда можно было опереться.

А знаете, какое прозвище было у него в училище? Снежок. Наверное, по аналогии с фамилией Мороз. Точнее, по контрасту. Вот и представьте себе: широкоплечий, мужественный парень и — Снежок. А ведь это не случайно. Вы, наверное, замечали: сильные люди часто бывают добрыми, ласковыми.

...Поле, на котором погиб Миша, носит его имя. Там, где взорвался снаряд, положен памятный камень. Сеять и убирать урожай на Мишином по-

ле доверяют лучшим молодым колхозникам.

Мишино поле... Во время Великой Отечественной войны фронт стоял здесь, на Витебщине, долгих девять месяцев. Вдоль автомагистрали Минск—Москва сосредоточены были крупные силы и мощные укрепления фашистов. Около двадцати тысяч наших солдат похоронены в братских могилах по обе стороны шоссе. А сколько саперов погибло, обезвреживая те поля! А сколько местных жителей подорвалось на минах уже в мирные годы!..

Мишиным останется это поле теперь уже навсегда. И это самый главный памятник ему.

А если доведется вам побывать летом на Днепре под Киевом или на реке Сож под Гомелем, может, посчастливится и вы увидите с высокого берега мчащуюся по реке ракету «Михаил Мороз». Помашите тогда ей рукой и пожелайте счастливого плавания.

А поэму, посвященную Мише, я закончил совсем недавно.

Лишь успевай
Хватать с нее траву
Да комья глины.
Там некогда смотреть
По сторонам.
Я слышу — Михаил меня зовет.
Гляжу сквозь пыль —
Снаряд он держит ржавый...

— Иди вперед,
Показывай дорогу, —
Он мне сказал.
С комбайна он сходил не торопясь,
Все под ноги глядел.
Он повторил:
— Показывай дорогу.
Потом сказал:
— Не подходи так близко.
Еще сказал:
— Спускайся в ров.
Нет ли кого, взгляни...
Я прыгнул в ров.
А наверху — рвануло.

Когда снаряд взорвался,
Дождь пошел.

Все утро собирался
И пошел,
Когда снаряд взорвался.

Прощайте мама,
Мама, прощайте,
Руку
Со лба моего
Не убирайте.

Прощайте, мама,
Мама, прощайте,
Дому
Поклон от меня
Передайте.

Не болейте, мама,
Братьев растите.
Простите, мама,
Простите...

Словно перышко
от воробышка,
Вдоль по воздуху
не спеша
Полетела
к родному полюшку
Молодая его
душа.

А. КРЕСТИНСКИЙ

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

Сергей ЦЫМБАЛЕНКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

3.

Дед уехал на какой-то сбор ученых. Лешкин класс сегодня учится в первую смену. Так что скучать я начал с самого утра. Когда появляется Лешка, я даже не прячусь. Нет настроения. А Лешка сияет, как всегда. Даже еще больше.

— Вовка, на улице тает! Лужи кругом! — кричит он.

Вот здорово! Но я не хочу так просто прощаться с плохим настроением, презрительно пожимаю плечом.

— Ну и что?

— А я в валенках!

Брат счастливо смеется.

— Пошли, — говорю я и решительно натягиваю валенки.

— Куда?

— По лужам.

На улице светло и шумно. Все мальчишки высыпали из домов. Они бегают за щепками-кораблями, которые несутся по ручью и терпят кораблекрушения.

В валенках, кроме нас, никого. Мы гордо шагаем в них прямо по лужам. Лешка находит деревянный брусок и пытается приладить что-то вроде паруса из бересты. Вот и наш кораблик отправляется в путь, чуть покачиваясь на волнах. Мы идем следом.

Брат смотрит вперед, прищурившись:

— Далеко-далеко. Наверное, в море.

— Да ну?

— Если идти, идти, наверно, выйдешь прямо к нему. А море — оно знаешь какое!

— Какое?

Глаза у Лешки становятся большими.

— Огромное-преогромное... Без берегов. И синее.

— Как небо?

— Еще синей.

— А ты видел? — подозрительно спрашиваю я.

— Нет. До него идти очень далеко.

Я хоть и не слишком верю Лешке, он меня заворожил. Большое и синее море. Я представляю, как всплывает в него наша щепка — и становится настоящим парусным кораблем.

Лешка тянет меня за рукав.

— Смотри, кораблик унесло.

— Бежим! — предлагаю я.

— Нет, Вовка, домой пошли... Сейчас ребята придут.

Все ясно. Они собираются куда-то, а я должен дома сидеть.

Лешка виновато опускает голову.

Я внутренне смиряюсь, только молчу. Пусть помучается. Потом объявляю решение:

— Иди. Я сам пойду домой.

— Не заблудишься?

Смешно. Наш дом отовсюду видно. Он выше всех.

Лешка уходит. А я разыскиваю кораблик. Он застрял в куче веток, образовавших плотину. Приходится брать кораблик на руки и переносить. Он ловко вырывается из рук и снова плывет. Я иду за ним.

Кораблик несколько раз беспомощно тыкается о преграды, и я спасаю его. Ведь он еще маленький, глупый. Ему без меня нельзя. У всех кораблей должны быть капитаны.

Я совсем перестаю огорчаться из-за плотов. Оглядываюсь назад — наш дом почти скрылся в гуще других, будто голову пригнул. Но возвращаться не хочется. Кораблик беззаботно несется вперед. Кажется, пройдешь еще немного — и небо превратится в море. Я зажмуриваюсь до синевы и трясусь головой. Кажется, совсем рядом рокочут волны. Я иду все быстрее и быстрее и не могу остановиться, как на спуске с крутой горы. Вот только валенки мешают. Они намокли и стали тяжелыми.

За первым пригорком моря не оказывается, но, может, оно за другим? Немного страшно убежать из дома. Ой-е-ей, что я делаю!..

Вдруг темная стена преграждает путь.

— Володенька, ты что?..

Это я нечаянно натолкнулся на женщину, а она оказывается маминой знакомой. Откуда она здесь? Ведь я ушел далеко...

— Что с тобой? Боже, да ты весь промок!

Меня хватают за руку и тянут куда-то. Я покорно плетусь. Зачем? Ведь море было совсем рядом.

4.

У меня уже каникулы, а Лешку ожидает в понедельник решающая контрольная, но до нее два дня. Мама очень волнуется. Лешка успокаивает:

— Не бойся. Мы завтра в поход идем, с ночевкой. Там и подготовимся.

— Что?!

— Нам учительница советовала заниматься на свежем воздухе. Вот мы и...

Про поход ребята при мне сговаривались, но меня не пригласили. Можно было спросить, но я побоялся. Вдруг откажут. А так оставалась какая-то надежда. Стараюсь не показывать тревогу. Серdito спрашиваю Лешку:

— В поход собираетесь?

Он удивленно смотрит на меня:

— Да... Ты же знаешь.

— А я пойду?

В Лешкиных глазах появляются смешинки.

— Ты что, не слышал, как Петька считал, сколько нас будет? Рядом ведь стоял. Или тебе особое приглашение нужно?

Лешка будит меня рано, а я не могу проснуться. Вспоминаю про поход — и сразу соскакиваю. Свет уже наполняет комнату.

— Не опоздаем? — беспокоюсь я.

Мне кажется, Лешка слишком долго возится с рюкзаком.

— Все в норме.

Мама тоже просыпается и говорит:

— Поешьте как следует на дорожку и оденьтесь потеплее. Ночи еще холодные.

Лешка улыбается.

— Ладно, мам. Ты не волнуйся.

Мама сразу успокаивается.

Приятно вышагивать в легких кедах по дороге, когда солнце еще не высоко. Воздух влажный, прохладный. Если распахнуть рубашку, совсем хорошо. Будто в воде плывешь.

Петька болтает без умолку то с одним, то с другим. Оглушил всех. Женька пыхтит под рюкзаком. Мы один на всех взяли, тяжелый получился. Хотели попеременно нести, а Женька сказал:

— Сам понесу.

Это он из-за Славки, который Женьку слабаком дразнит. Славка и сейчас губы кривит, щурится.

Лешка смотрит вокруг бездумными глазами. Опять сочиняет что-нибудь.

Мне все кажется, что мы плетемся кое-как. Вот бы оттолкнуться сейчас от земли и пронестись по воздуху. Хоть немного! Потом еще и еще... Я во сне часто так бегаю. Получается, будто летаю. Жаль, что на самом деле все не так.

У Женьки ноги заплетаться начинают. Я подхожу сзади и чуть придерживаю рюкзак. Женька резко поворачивается и чуть не падает.

— Чего лезешь?!

Петька удивленно смотрит на него, потом подходит и тянет рюкзак на себя. Женька не дает.

— Давай, тебе говорят.

Женька отворачивается. Потом говорит:

— Я еще немного понесу. Ладно?

Петька качает головой и отходит. А Славка смотрит с ухмылкой. Ну и гад! Вымахал — и думает, теперь ему всех презирать можно.

Говорю:

— После Женьки я рюкзак понесу.

Петька мотает головой и кричит:

— С ума сошел, да?

Лешка непонятно улыбается...

Когда добираемся до Щучьего озера, солнце палит вовсю. Бросаемся в прохладную воду. Уста-

лость улетучивается. Будто я и не тащил тяжеленный рюкзак.

Заваливаюсь на траву. Она еще маленькая, мягкая, очень зеленая. Солнце высушивает капли и начинает жечь кожу. Бросаемся в воду, потом загораем.

Хворосту в этих местах мало, а без хорошего костра неинтересно. Славка предлагает сухие ветки с сосен обламывать.

Ветки начинаются высоко. Я все ноги исцарапал, пока по стволу карабкался. Все равно интересно. Стукнешь ногой по сухой ветке — она вниз летит. Треск такой, будто медведь через чащу ломится. Я забираюсь высоко, а веток внизу не остается, почти все сломал... Пробую скользить по стволу и расцарапываю живот, чуть не падаю. Хорошо, что никто не видит, а то не пустят больше. Нужно было сначала забраться повыше, а потом вниз спускаться, обламывая ветки. Хочу поделиться открытием, но Славка еще интересней штуку придумывает. Повиснет на ветке — она хрустнет, и Славка летит вниз вместе с ней. Говорит, как на парашюте получается. Лешка мне кулаком грозит, чтобы не пробовал. Да я и сам не сумасшедший.

Когда весь хворост собираем вместе, огромная куча получается. Здорово Славка придумал. Только хвалить его не хочется — еще больше зазнается.

На нос падает капля. Откуда?

— Ой, что сейчас будет! — вопит Петька, показывая на черную тучу.

— Нужно одежду в рюкзак спрятать, — говорит Лешка.

Мы запикиваем туда брюки и рубашки, укрываем под деревом ветками. Костер большущий разводим. Напрасно дождь хлещет его. Огонь не сдается, пышет жаром то на живот, то на спину. Это мы ворочаемся, чтобы не продрогнуть. Вроде индейского танца получается. Дождь перестал.

Туча несется дальше, а у нас уже солнце. Все мгновенно высыхает.

Делать теперь нечего... Скучно. Славка зовет по скалам лазить. Я сначала радуюсь, а потом думаю: раз Славка предлагает, значит, дело небезопасное.

Скалы оказываются громадными, почти отвесными.

— Тут не залезешь, — авторитетно заявляю я, пытаюсь скрыть страх.

Но Славка с легкостью забирается на вершину. За ним остальные. Значит, и мне нужно. Смотрю на скользкие камни и не могу решиться. Сейчас кто-нибудь скажет: «Что же ты? Давай к нам». Что я отвечу?

Никто не зовет, даже Славка не дразнится. Все равно не по себе. Нахмурившись, ухожу к костру.

Со стороны скал доносятся крики: «Ура!»

Я лезу на сосну, прямую, как стрела, почти без веток. И не страшно. Почему на скалах испугался?

Вижу, как ребята спускаются. Притихли. Спус-

катся труднее, чем подниматься. С дерева тоже. Но мне не страшно. Кора шершавая хорошо держит. И запах у нее знакомый: когда ручьи бегут, из такой коры кораблики делают. А у скал запаха нет...

Углей в костре уже много, ребята картошку печь закладывают. Делают вид, что ничего не случилось, но мне все равно кажется: презируют. Стараюсь не смотреть на них. Если не залезу на скалы, не прощу себе. Я потихоньку начинаю продвигаться в сторону леса.

Стемнело. Скалы кажутся выше и неприступней. Я хожу вокруг, собираюсь с духом. Рассматриваю камни. Оказывается, на них много выступов, трещин.

Я ставлю ногу на камень, рукой хватаюсь за другой. Еще шаг, еще. Я уже высоко, но путь преграждает пузатый камень. Навис надо мной, не перелезть. Придется спускаться. Смотрю вниз — и глаза закрываю. Подо мной острые камни торчат. Голова кружится. Я прижимаюсь к скале. Но долго так не прстоишь. Пальцы затекают, вот-вот разожмутся.

— Лезь вверх! — слышу снизу Лешкин голос.

— Тут камень...

— Лезь, говорят! — кричит Лешка. — Иначе разобьешься!.. Там у камня вверху выступ есть, нужно только дотянуться. Вовка, ну, лезь же! Лешка, кажется, плачет.

Я собираюсь с силами, встаю на цыпочки и нащупываю выступ. Будь я повыше, легко бы до него дотянулся, а так не могу. Если только подпрыгнуть?.. Я приготовился, но в последний момент становится страшно, сердце будто морозом обдает. Закусываю губу, вот-вот взвою. Неужели все?.. Не думая, вдруг отталкиваюсь и... одной рукой цепляюсь за выступ, хватаюсь другой.

Все, теперь залезу!..

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

1.

— Мам, ну пожалуйста!

— И не выдумывай!

— Мам...

Я готов встать на колени, сделать что угодно, только бы вырваться на улицу. Хотя на минуточку!

Две недели проваляться в постели — это же пытка. И когда? Весна в самом разгаре, ручьи. А запах! Он проникает сквозь щели и мучает. Если не выпустят на улицу, совершу что-то ужасное. Я маме так и говорю. Она качает головой и... сдается.

Приходится укутывать горло большим шарфом. Головой ворочать трудно, а так хочется все рассмотреть. Теперь я понимаю, что за запах донимал меня. Пахло подтаявшим снегом, капающими сосульками, ожившими после спячки деревьями. Каждая ветка настороже: боятся прозевать миг, когда нужно выпускать клейкие листочки. Пахло только что сделанными из коры корабликами, которые осторожно спускают на воду. Они дрожат от нетерпения, торопятся в путь. К морю! Туда, где теперь мой брат в армии служит.

Он теперь в морфлоте служит, на подводных лодках. Выше деда стал, плечи широченные. Просто великан, только добрый, потому что улыбается по-прежнему. Иначе его не узнать. Как только в подводную лодку вмещается? Хорошо, что их сейчас большими делают, даже со спортивным залом. Лешка там тренируется. Поэтому, говорит, и растет. Это он меня воспитывает, потому что зарядку ленюсь делать. А Лешка так натренировался, что однажды пять километров пробежал — и хоть бы что. У них что-то случилось, пришлось всплывать. Врач особый понадобился, а город далеко. Вот Лешка и побежал. Ему за это отпуск дали...

2.

Брат приехал ночью, когда я спал. Улегся рядом, а я ничего не понял. Глаза приоткрыл и испу-

ганно залепетал: «Что такое? Чего тебе надо? Уходи!» Лешка повернул меня на другой бок, укрыл одеялом.

— Спи. Это тебе снится, что брат приехал. Я улыбнулся и спокойно уснул.

Это Лешка потом рассказал. Может, придумал все, он любит придумывать.

Правда, когда я утром проснулся, в самом деле испугался. Лежит рядом этакий детина и похрапывает. Я хотел маму звать, но смотрю — лицо вроде знакомое. Как заорал:

— Леха!.. — и от радости трахнул его подушкой. Брат соскочил с кровати:

— А?.. Что случилось? Тревога?

Я повис на нем, попробовал повалить, но куда там... Пыхтел, пыхтел, потом говорю:

— У, вымахал!

Лешка расхохотался, поднял меня высоко-высоко. Я беспомощно болтал ногами, кричал, что уже не маленький.

Хорошо с Лешкой. Мы на пруд ходили. Брат решил «детство вспомнить» — на плоту прокатиться. Забрался, а плот ко дну пошел, не выдержал такую тушу. Потом мы шли по лесу, усыпанному желтыми листьями. Осень была в самом разгаре. Лешка про поход вспомнил и про скалы, на которые я карабкался.

— Я тогда думал, все, пропал Вовка. Стою внизу и жду: если падать будешь, постараюсь поймать. Знаю, что бесполезно, но хоть погибать вместе...

— Если бы не ты, я бы не залез. Повисел бы и... У меня без тебя ничего не получается, — признался я.

Лешка засмеялся:

— Совсем ничего?

— Конечно! И ты не смейся...

Я рассказал, как вожатым к октябрятам меня назначили. Спрашиваю: «Ребята, за что?» — «Так ты же все время с малышами возишься», — говорят. Я объяснил, что это на улице, а не в школе.

Ребята ни в какую. «Что хоть с ними делать?» — спросил я. Посоветовали книжки читать. Взял я «Робинзона Крузо» и пришел в класс. Вдруг мне в лоб комок из промокашки попал, потом в щеку. Ну, я виду не подал, продолжал читать, а сам потихоньку наблюдал. Три пацана шарики катали и готовились меня обстреливать. А весь класс хихикал. Что делать? Я достал свою трубочку, снаряды у меня всегда наготове — и начал отстреливаться. Тут учительница зашла... Крику было! Из вожатых меня поперли.

Лешка стал хохотать, и я обиделся. У человека несчастье, а он смеется.

Без брата мне в самом деле трудно, отпуск у него кончился слишком быстро. Когда прощались, мама в одно плечо Лешке уткнулась, дед в другое. Брат гладил их и приговаривал:

— Ну, перестаньте! Тоску какую нагнали... Да вы что, хороните меня? Хотите, каждому на память кусочек от себя оставлю?

— Давай ремень! — обрадовался я.

Мне он сразу приглянулся. Широкий, пряжка с якорем. Я хотел еще тельняшку выпросить, но мама заругалась:

— У, бессовестный! Ты только посмотри, Алексей, какого мы человека вырастили.

Лешка засмеялся, снял ремень.

— Бери. У меня запасной есть!

На вокзал брат взял только меня, потому что я — мужчина и слез лить не буду. Мы шли пешком через весь город. Лешка рассказывал, как бежал свои пять километров. Сначала израсходовал первое дыхание, думал, упадет, потом бежать стало легче. Но ведь не спортивный забег, нужно было спешить. Вот когда кончилось второе дыхание... Худо было.

Как худо, он рассказывать не стал. Я сам понял, когда попробовал пробежать пять километ-

ров. В классе втором или третьем мы отмеряли их с учительницей — от школы до избышки лесника. Я побежал. Думал: Лешка может, а я хуже? Пробежал километра два, до леса. Не знаю, сколько у человека дыханий, а у меня легкие гореть стали, будто в них тысячи иголок впились. Ноги стали тяжелыми, сердце чуть наружу не выскочило. Я упал — и долго не мог подняться, хватал ртом воздух... Обидно стало: значит, не могу. Написал Лешке — он меня дураком обозвал. Говорит, что сначала на маленькой дистанции тренироваться надо, постепенно ее увеличивать. Я решил, что к его приезду успею. Вернется Лешка, я скажу: «Ну-ка, пошли, кто кого!..» Он бежит, а я не отстаю, смеюсь только...

Это я потом решил, а когда шел с Лешкой к вокзалу, то расспрашивал, в настоящих ли он морях плавают? А то есть большие озера, которые почему-то морями называют... Лешка плавал в настоящем. Большом и синем.

— Правда, оно не чисто синее, а с разными оттенками — зелеными, желтыми. Помнишь, как ты к морю уходил? — засмеялся Лешка. — Мне еще из-за тебя влетело.

Я проворчал:

— Ничего смешного. Я и сейчас с удовольствием бы ушел, — и вдруг попросил, ни с того ни с сего: — Возьми меня с собой, а? Или сам останься.

Я даже за руку его взял покрепче, как когда-то во сне. Разве справедливо оставлять меня без брата? Если уж надо в армию, так вместе...

— Ну, я-то думал, что взял с собой мужчину, — недовольно сказал Лешка.

— Мы еще до вокзала не дошли, пока можно...

Помолчали. Лешка виновато глянул на меня.

— Привыкай, брат. Не все же тебе в младших ходить.

— Я и говорю, что мне в армию с тобой надо.

Опять Лешка стал смеяться. Думал, шучу.

— Это только кажется, что пройдет сколько-нибудь лет, пойдешь работать, ну, женишься, дети появятся — и станешь взрослым. Встречал я таких... Служит у нас один женатый, а хуже маленького. Все время ноет, ничего сам сделать не может. Жена к нему, мама чуть ли не каждый месяц приезжают. Понимаешь?

— Не очень.

Тут Лешка сказал, что он раньше мне завидовал. О младшем все заботятся, а старшего все время ругают. Если что случится — у мамы всегда будто бы Лешка виноват.

— Помнишь, как мы с Гришкой Афониним дрались?

Еще бы не помнить!

Гришка преградил нам путь, когда возвращались из булочной. Широкоплечий, похожий на боксера, с угрожающей ухмылкой. Его все боялись. Я спрятался за брата, он все равно даст этому страшиле. И Лешка сорвался с места, стал яростно дубасить Гришку. Тот растерялся от неожиданности, попятился, упал, а потом побежал, хотя за ним гнался я один, размахивая сеткой с буханкой хлеба.

— Если хочешь знать, — сказал Лешка, — я этого Афонина боялся. Он часто ко мне привязывался: «Давай подеремся один на один». А как с ним драться, если мускулы у него как стальные. Навалится на тебя — и уже не вырвешься. Только Петька со Славкой и спасали. А тут он меня одного подкараулил. Если бы не ты... Стыдно перед тобой было, понимаешь?

Мы шагали по городу — я и брат, похожий на доброго великана. Его рука лежала на моем плече, и от этого очень хорошо было жить на свете.

3.

Я оказался в новом районе, где стоят многоэтажные дома. Не то что наши. Деду предлагали в такой переехать, даже упрашивали, а он:

— Подождите немного. Умру скоро, тогда пусть мои переезжают.

Конечно, наш дом очень хороший. Но в новых, по-моему, интересней.

На тротуаре мальчишки играют в войну, бегают с палками-винтовками и тарахтят.

— Дяденька, не выдавай, — просит шустрый карапет и прячется за меня.

Продвигаемся к мальчишке, который растерянно оглядывается. А противник вдруг выскакивает перед самым носом и тарахтит. «Убитый» с обидой смотрит на меня.

— Ничего не поделаешь, война! — развожу я руками.

Поскорее ухожу от ребят, потому что очень хочется поиграть с ними, а надо взрослым становиться. Хорошо хоть эти пацанята за «дяденьку» признали. Я-то знаю, что нисколько не изменился, такой же, как в шесть лет, а приходится вести себя солидно. Иногда. Взрослые, наверное, несчастные люди. Мой брат, например, недавно смешное письмо прислал. Я его с собой ношу.

«Вовка, я часто о тебе думаю. Устанешь страшно, нервы на пределе, а вспомнишь, как мы кораблики по лужам пускали, как ты к морю уходил, — хорошо так! Я не смеюсь. Представляешь, добрался бы ты до моря, а там парусное судно тебя дожидается. Я даже песню про это придумал. Ты уж не суди строго брата. Сам понимаю, что поэта из меня не выйдет, но иногда слова помимо воли складываются».

Вот какое письмо Лешка прислал. Говорит, чтобы я выросл, а сам песенки пишет. Я-то ничего, я понимаю. Мне эта песенка очень даже понравилась. Она была про мальчишку, который стал настоящим капитаном.

Про то, как взрослеть, Лешка ничего вразумительного не пишет. Советует совершать поступки какие-то особые. Я один раз попробовал...

Вижу — мальчишка, третьеклассник, наверное, плачет. Горько так.

— Ты чего? — спрашиваю.

Он молчит, отворачивается обиженно. А слезы все текут.

С трудом выяснил, что у него парни солдатский ремень отобрали, подарок брата. Вот сволочи!

Я сразу про свой вспомнил, даже проверил, на месте ли. Стараюсь не расставаться с ним, даже на ночь под подушку кладу. Если бы у меня ремень отобрать попробовали, я бы!..

— Идем, — говорю решительно, будто в холодную воду бросаюсь.

Малыш ведет меня во двор, а там трое парней, чуть младше меня. Один толстый, с красными отвислыми щеками. Если до драки дойдет, еще неизвестно, чем это кончится.

— Кто? — строго спрашиваю малыша.

Тот молчит.

— А ну, верните ему ремень! — как можно смелее требую я.

Кудрявый, с хитрыми глазками, ехидно так заявляет:

— Какой ремень? Мы ничего не брали. Разве это мы?

Мой подзащитный ни слова, побелел весь.

Толстяк похлопал его по плечу и многообещающе улыбнулся:

— Разберемся. Ты только покажи, кто тебя обидел.

Мальчуган развернулся и побежал.

Что делать? Растерянно посмотрел на ухмыляющихся парней и бросился следом.

— Постой! Куда ты, подожди минуточку! Еле догнал.

Малыш стоит, смотрит исподлобья, дескать, что привязался, только хуже из-за тебя.

Я молча снял Лешкин ремень, повесил ему на плечо и ушел, не оглядываясь. Обидно до слез. Чувствую себя побитым и беспомощным, как тогда, когда пробовал пробежать пять километров. Опять дыхания не хватило.

Ура! Лешка скоро вернется. Он уже демобилизован. Дней десять назад написал, что сначала махнет к другу на Украину, и сразу домой! Я иду из школы и думаю — а какая она — Украина? И что сейчас Лешка делает?

Дома вкусно пахнет. Мама на кухне поет.

— Ты уже нагулялся, Володенька? А я блины пеку.

— Блины — это хорошо...

Чего мама так веселится? Подозрительно.

— Ты кого-нибудь в гости ждешь?

— Нет, — мама снова начинает петь.

— Чего тогда радуешься?

Она улыбается:

— Просто хорошо... Весна. Да ну тебя!..

Мне тоже хочется глупо улыбаться, но я сдерживаюсь. Надо хотя бы перед мамой выглядеть солидным мужчиной.

— Давай скорее твои блины, есть хочется, — бурчу я.

— Подождешь.

Я со стоном убегаю от вкусного запаха.

Пусто в комнате... Сразу хочется, как всегда, чтобы Лешка скорее пришел. Никакие дела, даже самые важные, мне его не заменят. Снова чувствую себя маленьким-маленьким, как тогда, в шесть лет. Никуда от этого не деться. Даже страшно слегка, будто бродит рядом полузабытый «Он»,

который появился когда-то от стука в стенку. Я смеюсь и хочу стукнуть как следует кулаком, чтобы распрощаться с далеким страхом. Не успеваю. Дом вздрагивает от громких ударов в дверь.

— Вовочка, открой! Стучит кто-то, — кричит сверху дед.

Все как тогда... Не может быть, это же игра! Мама выглядывает:

— Странно, стучат... Володя, ты что, не слышишь?

Я иду к двери.

Входит бородатый мужчина с хмурым лицом. Я отшатываюсь.

Это «Он», который хотел однажды стащить меня с дерева, а потом преследовал в снах. «Хоть бы Лешка пришел», — как заклинание шепчу про себя. И спохватываюсь: чего бояться? Я уже большой.

— Не достучишься к вам. Полчаса барабаню, — сердито выговаривает бородач.

Мама пожимает плечом:

— У нас не заперто.

Мужчина еще больше злится:

— А я почему знаю!.. Распишитесь. Я с почты.

Он уходит, оставив после себя гнетущую тишину. В маминых руках телеграмма. Она рассматривает ее, нахмурившись.

— От Лешки! — радуюсь я.

Мама разворачивает телеграмму. Руки у нее дрожат. Она опускается на стул.

— Мам, ты что? — бросаюсь я к ней.

— Читай. Я не могу.

Беру белый листок. Читаю вслух:

«Дорогая Наталья Александровна! Ваш сын, Алексей Петрович Синицын, трагически погиб на пожаре, спасая своего товарища...»

Дальше читать не могу. В глазах туман.

— Это неправда, — говорю я. — Они врут!

Я оглядываюсь на деда, ища поддержку. Он сидит на лестнице, голова у него трясется.

Выскакиваю на улицу и бегу.

Куда? Не все ли равно.

На улице пусто и тихо, будто все уже знают, что Лешки нет. Нет? А как же я? Как я смогу без него?

Слезы слепят глаза. Хочется кричать.

Бегу, только мелькают мимо заборы. Вот уже нет дыхания, а я почему-то продолжаю бежать. В самом конце улицы останавливаюсь. Знакомое дерево, когда-то мы с Лешкой играли здесь. Вдвоем. И вот теперь его нет. Нет моего старшего брата. Когда-то это была игра: я сидел вот на этом дереве и оберегал людей от опасности. Теперь это некому сделать, кроме меня. И дома я единственный мужчина, дед не в счет. Что же я наделал? Убежал, а как там они с мамой?

Мне сейчас в несколько раз тяжелее, чем после бега, когда дыхание кончилось. Страшно возвращаться в дом. А надо. Я глубоко вздохнул, чтобы найти второе дыхание.

И побежал обратно. Домой.

Теперь я — старший...

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ЧАЙ

Давным-давно, еще до революции, здешняя земля принадлежала одной богатой помещице. После революции она бежала за границу, а бывшее поместье стало советским колхозом. Колхозники обрабатывали землю, растили сады и сдавали государству овощи, орехи и фрукты. А потом по инициативе одного из пионеров русского чаеводства И. А. Кошмана на склонах гор посадили чайные кусты. В те годы очень много чая страна покупала за границей. Необходимо было расширять собственные чайные плантации. Но многие не верили, что чай может расти высоко в горах, переносить морозы и снегопады. И все же в 1935 году был собран первый урожай самого северного в мире чая.

А спустя пятьдесят лет пионеры поселка Сергей-Поле, входящего в крупнейшее объединение «Краснодарский чай», решили не просто помогать родителям в горячие дни уборки урожая, но организовать собственные пионерские бригады и звенья. Сейчас выращенный и собранный пионерами чай приносит государству десятки тысяч рублей дохода.

Море осталось далеко внизу, автобус поднимался все выше, петляя по неширокой горной дороге. По обочинам, почти касаясь окон автобуса, цвела крупная сирень. В небе медлен-

Юный чаевод Рузанна Асланян

но кружился ястреб. Вершины гор, благодаря прозрачному чистому воздуху, казались совсем близкими, сверкали на солнце снежными шапками.

— Поселок Сергей-Поле. Конечная остановка, — объявил шофер.

Школа, стоящая на склоне горы, с двух сторон была окружена длинными рядами чайных кустов. Между рядами я увидел группу ребят. Они пробовали на ощупь зеленые листики и что-то обсуждали. Я подошел к ребятам. Попросил рассказать о себе и своей пионерской плантации.

— У нас все, как у взрослых! — с гордостью сказала Оксана Позненко. — Свои бригады и звеньевые. У каждого пионера свой трудовой паспорт. Первое время мы все заглядывали друг другу в паспорта: кто больше собрал? Собирали по 50—70 килограммов...

Только потом я узнал, что ребята выполняли дневную норму взрослых. Посудите сами. Чтобы собрать только один килограмм чайного листа, нужно сделать 2000—2500 срывов!

— Первое время было трудно, — вздохнула Рузанна Асланян. — Корзина к концу дня тяжелая-претяжелая. Руки болят. Но потом мы привыкли. И работаем не каждый для себя, всегда помогаем друг другу.

— А когда начнется сбор урожая?

— Наверно, недели через две, — ответила Рузанна. — Вот, смотрите, — она наклонилась над чайным кустом. — Видите, молодые побеги? На них уже по четыре-пять листиков. Мы будем срывать по два-три листика вот с этой почкой — это будет самый ароматный чай. А пока мы заканчиваем подрезку веток, которые за-сохли.

Из разговора я узнал, что за чаем нужно ухаживать круглый год. Ребята секаторами ровняют кусты, придавая им правильную полуовальную форму. Мотыжат землю, удобряют ее, выпалывают сорняки. Февраль в этом году выдался на редкость холодным. На побережье замерзли и погибли многие эвкалипты и пальмы. Ребята волновались. Хоть и называют краснодарский чай «героем зимы», выдержит ли он ночные 25-градусные морозы?

Весной снег растаял, и все успокоились и обрадовались. Двенадцать гектаров пионерской плантации отлично перезимовали.

...На прощанье ребята пригласили меня в школу. Заварили чай. Сидя за одним столом, мы разговаривали, шутили, смеялись. Крепкий чай в простой глиняной кружке казался особенно ароматным и вкусным.

С. МАХОТИН
фото В. Анищенко

НАВСТРЕЧУ XXVII съезду КПСС

ФЛАГ НА КОРАБЛЕ

Я сижу в гостях у Героя Социалистического Труда Николая Федоровича Ушкалова. Мы неторопливо переворачиваем страницы семейного альбома. Вот фотография 1943 года. На ней старший сержант Ушкалов снят на фронте. Первая награда — медаль «За отвагу», она за форсирование Днестра, который он переплыл, держась за обломок бревна от разбитого снарядом плота.

РСФСР. Ушкалов побывал в разных странах, во многих городах. Вот странная фотография, на ней — часы. Я удивлен, почему фотография часов попала в семейный альбом?

Ушкалов вспоминает и улыбается. В Гамбурге рабочие судостроительного завода пригласили его на верфи. Один из них, очень энергичный, — товарищи звали его Ганс, — узнав, что Ушкалов депутат, прямо вцепился в него:

— Покажите руки.

Не обнаружив на ладонях Ушкалова мозолей, Ганс захохотал:

— Интересно бы посмотреть, как вы трудитесь?

Ушкалов знал, враждебные нам газеты пишут много небывших о наших людях, так что этот Ганс может вполне искрен-

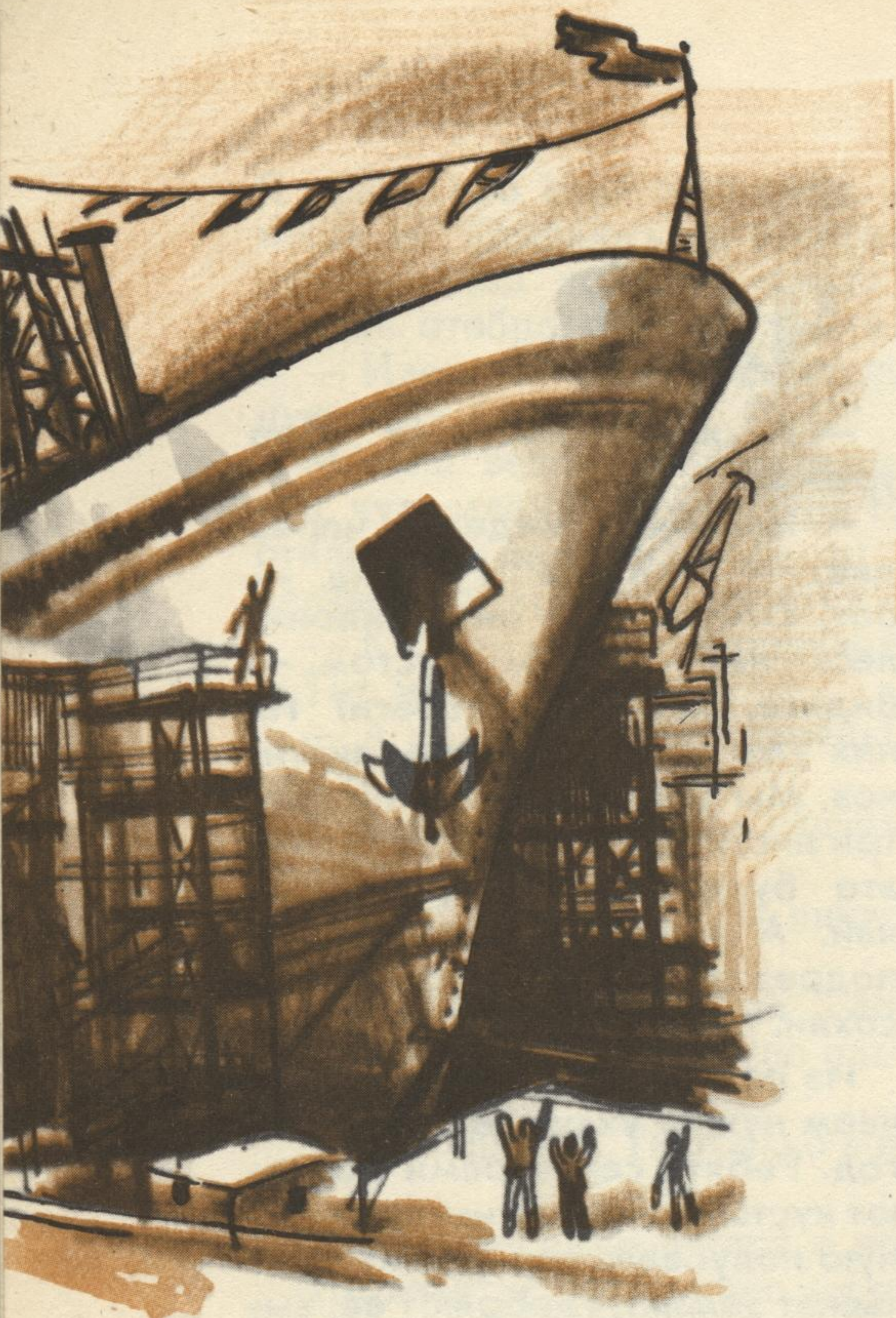

Вот Ушкалов на стапеле Адмиралтейского завода, с ребятами из своей бригады. Высокое звание Героя Социалистического Труда он получил за строительство атомного ледокола «Ленин».

Вот на груди Ушкалова появился флажок — он избран депутатом Верховного Совета

Весной 1703 года русские войска разгромили на Неве шведов, и Петр I заложил в устье реки Санкт-Петербург. Уже на следующий год на Галерном острове началось строительство Главной Адмиралтейской верфи. Отсюда уходили в морские походы петровские галеры, фрегаты, первые броненосцы, крейсера, линкоры, которые принесли заслуженную славу России и ее флоту.

не не верить, что депутат Ушкалов — обыкновенный рабочий. Да и другие корабли смотрели вопросительно.

Ушкалов разозлился — хоть трудовую книжку им показывай! Но трудовой книжки не было, да и не поверили бы они бумажке. Тут надо другое. Ушкалов слышал, что иногда в подобных ситуациях нашим рабочим приходится брать в руки инструмент. Он медленно пошел вдоль стоящего на стапеле длинного корпуса океанского судна. На земле лежали полосы отрезанного металла и рядом стоял сварочный аппарат.

По тому, как Ушкалов рассматривал зазубрину на полосе стали, корабли поняли, что он хочет хотя бы примерно определить марку металла, содержание в нем углерода, понять как сваривается — легко или тяжело.

Ушкалов скинул пиджак. Ганс подал ток на сварочный

аппарат и засек время на своих шикарных наручных часах.

Ушкалов сдвинул два листа. Глядя сквозь черные очки, по цвету первых же искр догадался, что за металл перед ним. От огня электрода потек между двумя листами ручеек расплавленной стали, намертво сваривая их.

Ушкалов варил ни быстро, ни медленно. Гамбургцы, прославленные потомственные корабли, внимательно следили за ним. Ушкалов доварил шов и положил держак аппарата. Рабочие внимательно рассматривали остывающий и темнеющий шов. Мигом сбили с него окалину. Они сами были сварщиками и умели ценить настоящую работу:

— Если шов закрасить, то и незаметно станет, где прошел.

Один из рабочих, молодой и озорной, поднял сварочный аппарат и протянул озадаченному Гансу:

— Теперь ты покажи свои руки!

Ганс еще раз уважительно посмотрел на шов, снял с руки часы и подарил Ушкалову.

И еще одна фотография — Ушкалов со своими воспитанниками. Теперь он мастер в профессионально-техническом училище Адмиралтейского завода. В первый приход на завод он обязательно приводит ребят к достроечной стенке, где стоят почти готовые корабли. Глаза у ребят разбегаются, а Ушкалов загадочно говорит:

— Сегодня у этого корабля особенный день.

Кругом грохот, блеск электросварки, над головой звонки кранов. Вот один из кранов принес связку труб.

Бригадир сварил их и крикнул:

— Вира!

Сваренные на берегу трубы превратились в чуть скошенную назад мачту. Ребята ахнули — судно преобразилось. Оно словно уже мчалось по волнам. И морской флаг будто щелкал на свежем ветру.

— Я тридцать лет собирал корабли, — говорит Ушкалов, — и на всех ставил мачту сам. Потому, что корабль не просто морской работяга. Корабль не просто дом моряка. Когда на мачте поднят наш советский флаг, корабль — это маленький кусочек Советского государства. Кто это понял — тот настоящий корабель.

А. ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунки А. Старостина

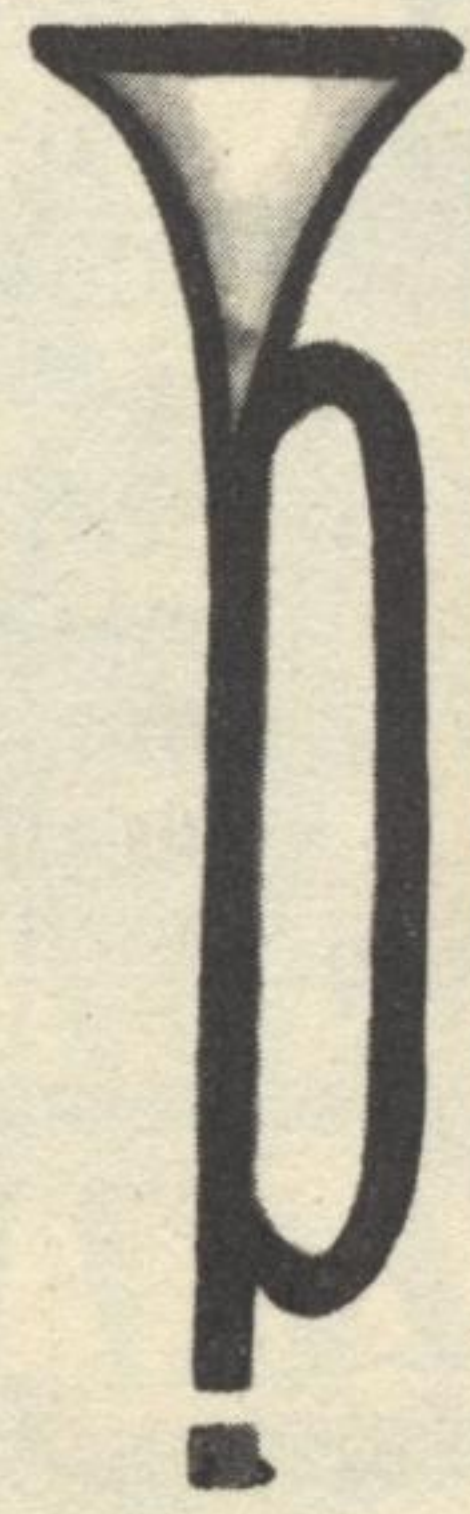

НАША РАБАНА

**БОЕВАЯ
АРМИЯ
РЕБЯТ-
АКТИВИСТОВ
БОРЕТСЯ,
АГИТИРУЕТ,
НАХОДИТ!**

Революционный держим шаг!

**СЛУШАЙТЕ
ВСЕ!**

Дорогие друзья!

2 октября на Всесоюзной пионерской линейке дан старт новому этапу пионерского марша под девизом «Революционный держим шаг!». Вы станете свидетелями исторических событий нашего государства: XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза и 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. И не только свидетелями, но и участниками этих событий. Многие пионерские дружины страны уже получили от областных, городских и районных комитетов ВЛКСМ ленинские задания. Подумайте, как лучше эти задания выполнить. В этом вам поможет пример коммунистов, ветеранов войны и труда. Учитесь у коммунистов быть нужными стране, чувствовать свою причастность к большому всенародному делу. В борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

КОМИССАРЫ ТВОЕГО ДЕТСТВА

Вся наша дружина имени Ольги Соломовой откликнулась на призыв республиканской пионерской газеты «Зорька» «Посади дерево памяти».

Первыми показали пример комсомольцы — это они решили: каждый должен посадить дерево в школьном саду. Наши старшие друзья оказались очень заботливыми, они помогли и нам, и октябряткам, им ведь самим трудновато справиться.

Мы часто приходим к своим саженцам, поливаем их, ухаживаем за посадками. И гордимся, что не остались в стороне от общего дела — увековечения памяти солдат, погибших за нашу Родину.

*Марина Баранова,
школа № 3,
Гродно*

Когда пионерский штаб готовился к районному смотру знаменных групп, пионервожатая Шолпан Шектыбаева вела за-

нятия с пионерами-инструкторами и вожатыми из всех 34 дружин района. Объясняла, как будет проходить смотр, как подготовиться к нему знаменную группу.

Шолпан умеет организовать любое дело. Она знает интересы и увлечения ребят, думает, какое поручение кому дать. Если кому-то нужна ее помощь, Шолпан не жалеет времени. Ее боевой пионерский характер проявляется во всем. И мы невольно стараемся быть такими же неунывающими и увлеченными, как Шолпан.

*Сергей Ландарь,
член районного пионерского штаба,
Капирский район,
Павлодарская область*

БЕРЕМ С КОММУНИСТОВ ПРИМЕР

Ольга Федоровна Зверева работала учительницей в нашей школе. Несколько лет назад вышла на пенсию, но дома не усидела, сама попросила себе партийное поручение: вести занятия Школы вступающего в комсомол для старших пионеров дружины. Ольга Федоровна рассказывает об истории ВЛКСМ, о его сегодняшних делах, о лучших комсомольцах нашего города. Она всегда готова очень тщательно, поэтому слушать ее интересно. Но еще интереснее бывает, когда Ольга Федоровна дает задания, и ребята сами ищут необходимый материал, стараются подготовиться так же хорошо, как она. Мы очень многому учимся у Ольги Федоровны, хоть и не расскажем никогда о себе этот скромный человек.

И только по праздникам надевает она медаль «За доблестный труд».

*Наташа Данилова,
школа № 14,
Череповец*

В Туле прошел XI Всесоюзный слет победителей похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы КПСС и советского народа.

Рассказывают участники сле-

та. Путевку на слет я получил как командир юнармейского отряда, который много раз участвовал во Всесоюзных финалах «Зарницы». Мы прошли по местам боев Воронежской области и за ее пределами.

Андрей Волков,
школа № 73,
Воронеж

Следопыты школы № 16,
Волгоград

Даже первоклашки знают, что наша школа была восстановлена из развалин на средства, собранные танкистами — участниками Сталинградской битвы, — в суровые дни сорок третьего. Мы отыскали многих ветеранов этого танкового корпуса, создали музей.

Наша школа носит имя Николая Гастелло. Следопытом я стал еще в 4-м классе. С тех пор вместе с товарищами собираю документы, материалы о героях-летчиках, совершивших огненный таран. Хочу стать офицером и поэтому собираюсь поступать в высшее военное-политическое училище.

Саша Кокорев,
Московская область

Марина Андреевко, Камчатская область

ла Арсентьевича, и она рассказала нам о его боевом пути. Дошел он до самого Берлина. Имел награды. После войны Михаил Арсентьевич работал в школе учителем физики. Любили его все. И сейчас сердечно вспоминают.

Пионеры 6-в класса
Морозовской средней школы № 1
Всеволожского района,
Ленинградская область

Недавно мы узнали, что в нашем районе живут учителя-пенсионеры, трудовая деятельность которых началась в трудные военные годы — Комарова Нина Петровна, Половинкина Анастасия Прокопьевна, Галочкина Елизавета Матвеевна... Во время войны они перечислили денежные сбережения на строительство танковой колонны «Народный учитель». Лекторы — ребята исторического кружка нашего Дома пионеров — провели лекции в школах города, рассказали о трудовом и ратном подвиге учителей.

Юлия Звягина,
Юлия Порожская,
Новосибирск

ЗИМА ПРИШЛА

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

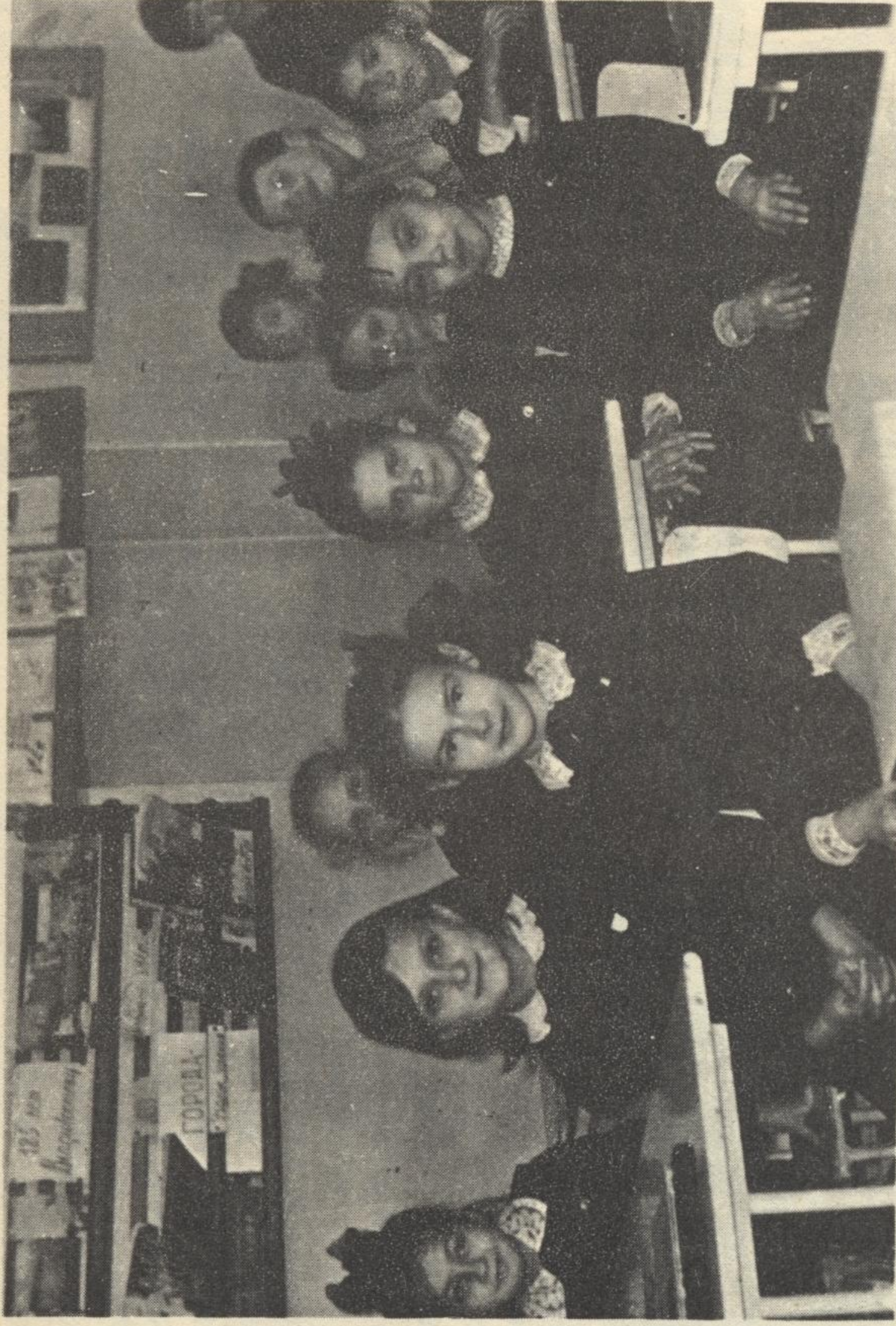
Мы хотим рассказать о замечательном человеке — Михаиле Арсентьевиче Петриашвили. Мы не были с ним знакомы, но много слышали о нем. Он был почетным пионером нашей школы, и ребята очень любили его за внимание, доброту. Он часто бывал на встречах с пионерами, комсомольцами, родителями. Михаил Арсентьевич воевал. Мы встретились с Еленой Семеновной, женой Михаил-

СНОПЫ

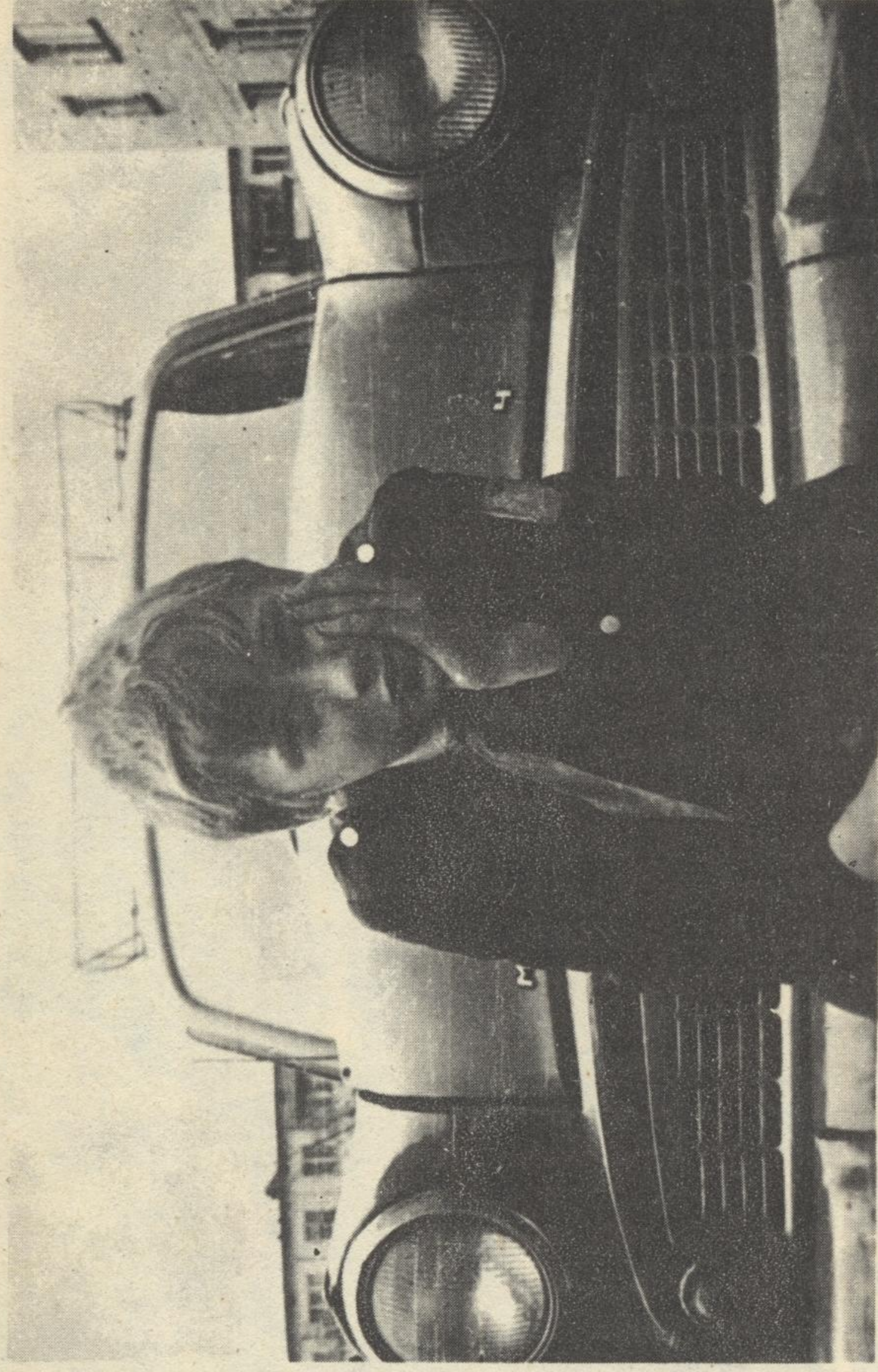
Таня Дубовик, 11 лет, Смоленская область

ФОТОКУРСУС

ОДНОКЛАССНИЦЫ

Женя Константинов, Владивосток

ПАПА КУПИЛ АВТОМОБИЛЬ

Денис Пешков, город Устинов

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛУСТУКЕ

Юный рабочий

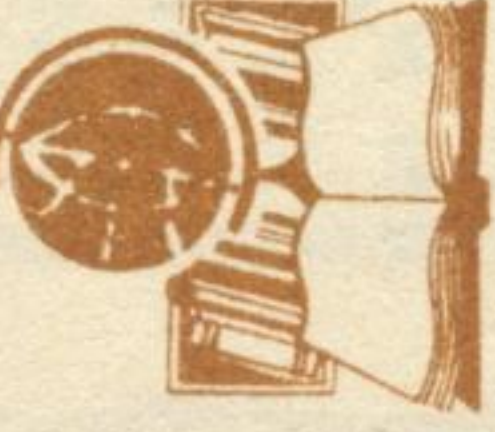
На нашем школьном заводе «Юный рабочий» все, как на настоящем промышленном предприятии. Директор — семиклассник Сергей Якимович. 29 бригадиров и 455 рабочих — ребята нашей школы. Слесарный и столярный цеха выполняют заказы строительных предприятий города. А кроме этих двух цехов работают еще четыре: переплетный, кройки и шитья, художественной росписи, мажурке и мягкой игрушки. Заработанные средства решили перечислять в Фонд мира.

Совет дружины школы № 4,
Сосновский Бор,
Ленинградская область

Трудовая вахта

Девиз Всесоюзной пятилетки трудовых пионерских дел «Каж-дому пионеру — трудовое задание» стал главным девизом нашего отряда. После уроков мы работаем в овощном магазине, где девочки перебирают и сортируют овощи и фрукты, а мальчики помогают переносить ящики. Знают нас и на почте. Здесь ребята разгружают почту и наклеивают марки на открытки. А еще в отряде создана ремонтная бригада. Мальчики ремонтируют не только парты и стулья, но и сломанные игрушки для малышей подшефного детского сада.

Совет отряда 7-б класса
школы № 1, Светлый,
Калининградская область

ГЛАВНЫЙ ТРУД - УЧЕБА!

День самоуправления

В подарок учителям в нашей школе было решено провести День самоуправления. Вместе со своими преподавателями ребята-учителя составили планы уроков.

И вот начался необыкновенный день! Линейка. «Директор» Олег Логинов поздравил учителей с их праздником, сделал напутствие сверстникам-учителям и объявил, что в связи с тем, что такой день проводится впервые, уроки будут по 30 минут.

Страшно даже вспомнить, как я вошла к пятиклассникам и поздоровалась с ними по-английски. И представьте —

они ответили тоже по-английски. Я так растерялась, что забыла их посадить... Но все же взяла себя в руки и повела урок. Я слушала чтение и пересказ текста, объясняла значение новых слов, задавала домашнее задание, а урок все не кончался! Ну что ж, будем рассматривать картинки и называть по-английски, что там изображено...

Мне понравились уроки и в нашем классе. А потом был «педсовет»! Наверняка некоторые из ребят в этот день решили стать педагогами.

Люда Мустаева,
д. Якишур
Удмуртская АССР

Это письмо в стихах адресовано зарубежному другу. Его автор — ленинградка Марина Филиппова. Она учится в 7 классе.

Мы на разных с тобой говорим языках
И друг друга не знаем совсем,
Но с тобой на одной мы планете живем,
Солнце общее светит нам всем.
Но одним мы с тобою желаньем сильны,
Не зависит оно от названья страны.
Не хотим мы войны, не хотим мы войны.
Мы для мира с тобой рождены.

ЮНОР ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Эти два письма «Барабан» получил почти одновременно. Тема одна, а письма совершенно разные. В чем же дело? Авторы одного из писем просят помощи, совета. «Барабан» ждет откликов от вас, юнкоры!

Мы — подруги. Учимся на 4 и 5 и поэтому нас каждый год выбирают в совет дружины, в учком и т. д. Со своими обязанностями не справляемся, потому что их очень много, а ведь кроме общественной работы нужно и уроки делать, и по дому помогать. А в классе нас ругают и говорят, что мы не оправдываем доверие товарищей. Как быть?

Оля Б., Наташа Г.,
Джигда,
Хабаровский край

Мне непонятно, как это не-
которые ребята во время вы-

Мы на разных с тобой говорим языках
И друг друга не знаем совсем,
Но с тобой на одной мы планете живем,
Солнце общее светит нам всем.
Но одним мы с тобою желаньем сильны,
Не зависит оно от названья страны.
Не хотим мы войны, не хотим мы войны.
Мы для мира с тобой рождены.

боров актива мечтают: «Только бы не меня!» А я люблю пионерскую работу. Меня выбрали членом районного пионерского штаба. Моя подруга Лена Андрюшонок — тоже член РПШ. В понедельник в Доме пионеров проходит совет штаба, а в школе в это же время — совет дружины. Как ни жаль, но в ДПШ приходится идти мне одной, а Лена остается на совете дружины в школе, а потом мы передаем друг другу нужную информацию, стараясь ничего не пропустить и пересказать потолковей. И поручения выполняем вместе — проверяем школьные уголки, состояние мебели, озеленение в классах и т. д. Если что-то не ладится, обращаемся к старшей пионервожатой Ольге Валентиновне Мозговой.

Вика Лилина,
Ленинград

Эту осеннюю зарисовку прислал нам шестиклассник Дима Молоков из поселка Новый Некоуз Ярославской области. Он умеет видеть красоту в том, что кажется таким знакомым и привычным...

Страничка За рыжиками

«Октябрь уж наступил — уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей...» Невольно вспоминаются эти пушкинские строки, когдаходишь в осенний лес.

Мы с младшим братом Сашей идем по разноцветному ковру опавших листьев. Вот пестрый лист клена с острыми вершинами, желтый лист березы, оранжевый с зазубринками листочек осины. Впереди показались молоденькие елочки. Это наше любимое место. Летом мы с Сашей ходили сюда за рыжиками. Тишина в лесу. Лишь изредка ее нарушает карканье ворон. Многие птицы уже улетели на юг. Вот над нашими головами с шумом пролетела стайка синиц. Наверное, полетели искать еще не склеванные ягоды рябины. На ближайшем дереве затрещали две сорокисплетницы: делятся последними новостями. А вот грибов что-то не видно. Даже мухоморы и бледные поганки исчезли куда-то.

Мы возвращаемся домой. Грибов так и не нашли — в руках у нас пустые корзинки да букеты осенних листьев. Ну что ж, за грибами придем в будущем году. За рыжиками.

ПАМЯТЬ

Ее уже нет. Но человек жив, пока жива память о нем.

Она учила их русскому языку и литературе. Работать учительницей начала еще до революции, в 1906 году, а ушла из школы, когда ей было семьдесят пять лет.

Была — высокая, с гордой осанкой, аккуратной прической, с внимательным, строгим взглядом. Одета всегда в темное, лишь на груди белое кружево, прикрепленное круглой брошью. Кто-то сравнил ее с Еремоловой на известном портрете Валентина Серова.

Жила Елена Константиновна Туссина скромно. Ее двенадцатиметровую комнату в коммунальной квартире хорошо помнят ученики: стол, стул, кровать и книги. Миша Теодорович (теперь Михаил Владимирович, Герой Советского Союза) жил рядом с Еленой Константиновной и всегда удивлялся: когда она спит? Ложится Миша спать — в окне учительницы свет, встает — снова свет горит. Что делает? А это она готовилась к урокам и проверяла тетрадки.

Уроки ее очень любили. Но особенно — уроки вопросов и ответов. Проводила она их необычно: читала отрывки из романов, рассказов, а ученики называли автора, произведение, его героев. А иной раз спрашивали ученики, а отвечала она. Вопросы сыпались самые разные, и не только из литературы: «Какие сказки рассказывала няня Пушкину?» «Что такое Лига Наций?» «Почему люди говорят на разных языках и сколько языков в мире?»

Она водила своих учеников в театры и музеи. На свои деньги кормила завтраками ребят из необеспеченных семей (время было трудное — 20-е, 30-е годы), а говорила, что это родительский комитет выдает бесплатные талоны.

«Хотел бросить школу в десятом классе, а Елена Константиновна убедила меня сдавать экзамены. Я благодарен ей всю жизнь», — говорит Виктор Иванович Полинский.

«В семье нас было шесть человек детей и всем нам выпало большое счастье: мы все учи-

лись у Елены Константиновны», — рассказывает Нина Ивановна Авдеевко.

«Когда умерла моя мама, я знала, что есть Елена Константиновна. Когда ее не стало, я поняла, что осиротела, — это слова Евгении Сергеевны Барсовой, — я стала как она — учительницей».

Из театрального кружка Елены Константиновны пришел в советское кино заслуженный артист РСФСР Алексей Макарович Смирнов (его все знают по фильмам «Свадьба в Малиновке», «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», «В бой идут одни „старики“»). Но часто он вспоминал, как играл на школьной сцене Фамусова и Городничего. Первым его режиссером была Туссина.

Рассказывает Анна Федоровна ЛЕБЕДЕВА, учительница, выпускница 1939 года:

— Елена Константиновна учила нас не по учебникам. Мы работали над самими произведениями, много вечеров прово-

Участники спектакля «Горе от ума», поставленного Е. Туссиной

дили в Публичной библиотеке, готовясь к докладам. Все ее ученики ходили в литературные и драматические кружки. До сих пор не забыть, как к 100-летию гибели поэта мы устроили Пушкинский бал-маскарад! Костюмы взяли в костюмерной Кировского театра на скромные средства самой Елены Константиновны. Сами рисовали декорации, готовили музыкальное сопровождение. Каких только персонажей из произведений Пушкина не было на этом балу!

Кира Константиновна ЛИТОВЧЕНКО, архитектор, выпускница 1941 года:

— Этот выпускной вечер закончился утром. Всем классом — в белую ночь, к Неве. Катались на первом катере, кто-то из девочек побежал переодеть туфли, и вдруг появился Лева Казанский и крикнул: «Ребята, все наверх — целовать на прощанье Елену!» И мы все ринулись по школьной лестнице туда, где на площадке стояла нарядная, усталая, счастливая и растроганная Елена Константиновна, стояла, повторяя: «До свиданья, голубчики!» — и целовала нас всех без разбору. Это было 17 июня 1941 года. Через четыре дня началась война...

Кира Валентиновна ДОНСКАЯ, выпускница 1938 года:

— Я была на фронте радисткой. Все военные годы переписывалась с Еленой Константиновной. Однажды она написала мне: «Девочка, я всегда в тебя верила». Когда мне было трудно, я вспоминала эту фразу.

Ольга Александровна БОЙЦОВА, выпускница 1938 года:

— С институтской скамьи я была направлена хирургом в госпиталь, где лежали ленинградцы, пострадавшие от бомбежек, обстрелов и голода. Путь мой из госпиталя домой проходил через улицу Чайковского, где жила наша Елена Константиновна. Однажды зимой сорок второго года я встретила ее, очень похудевшую, но,

как всегда, бодрую духом. Ее интересовало все: моя семья, работа, где ее бывшие ученики, чем они занимаются. Я поделилась с ней своим скудным пайком, дала кусочек блокадного хлеба. Она заплакала, назвала меня «Оленькой», отчего на меня повеяло детством и школой. Уже потом я узнала, что Елена Константиновна работала всю войну, не пропустив дня. Когда у нее не было сил дойти до школы, ученики привозили ее на санках.

Людмила Александровна ШИРОКОВА, выпускница 1959 года:

— У Елены Константиновны я училась в шестом-седьмом классах. Поступив в институт,

я попала в круг более эрудированных сверстников и поняла, что мне нужно больше читать. Я снова пошла в школу к Елене Константиновне. Она составила список книг, и я стала читать, читать, читать... Все самое лучшее в русской и зарубежной литературе. И наконец, мир открылся мне!

Александр Александрович ЛЮБОМУДРОВ, доктор технических наук, генерал-майор, выпускник 1948 года:

— Учеником Елены Константиновны я стал в 1944 году. Она, единственная в школе, называла нас — «дети». Сначала мы обижались, потому что считали себя взрослыми, многие

пережили блокаду, знали голод и лишения, — потом привыкли. Когда же она была недовольна, то называла «юношей». «Юноша! Вы опять трещите, как сорока! Выйдите к доске и помогите нам разобраться, кто же такой Обломов!» Мы любили ее и гордились ею. Была очень скромна, не любила говорить о себе. О том, что за свой труд она награждена орденом Ленина, знали немногие.

Такой была эта скромная преподавательница литературы и русского языка, ленинградка, пережившая блокаду. Она умерла в 1975 году, а десять лет спустя посетители одного из ленинградских кладбищ

с удивлением наблюдали, как десятки пожилых людей собираются у сверкающего полированными поверхностями только что установленного памятника.

На нем было написано:
**«ТУССИНА
ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА
1885—1975**

От благодарных учеников. Вся гордость учителя в учениках, в росте посеянных им семян».

Деньги на памятник почта принесла со всех концов страны.

Отовсюду, где трудятся те, кто до сих пор называют ее «наша учительница».

Е. МАТВЕЕВА
Рисунок Л. Уральской

МИТЬКИН

РАССКАЗ

Татьяна ПОНОМАРЕВА

Рисунок В. Топкова

1

Сережа Митькин уже второй месяц жил в санатории. Санаторий — двухэтажное здание цвета крем-брюле — стоял почти в лесу, чуть-чуть отойди от ворот — вот и лес тебе. В лесу жили доеды. И белки прыгали по веткам и по стволам деревьев вниз головой. Митькин думал: «Человек разве может так? Человек сразу на землю свалится, а белки могут!»

В санатории был бассейн. И цветной телевизор. А во дворе было бомбоубежище с железной дверью, на которой висел замок. Митькин иногда трогал его — но замок не открывался, только руки пачкались ржавчиной. Еще во дворе были качели, скрипевшие тонко и длинно, а в песочнице горкой стоял песок — сырой и холодный от частых дождей, поэтому трогать его не разрешали.

Родителей в санаторий не пускали. Сначала был родительский день, но потом в городе начался грипп и день отменили. Иногда Митькин, гуляя возле забора, по другую сторону которого была улица, замечал, как в узенькой щели мелькал чей-то взгляд, или пальто, или сумка. Один раз Митькин пролез через кусты к этой щели и, приложив лицо к шершавым доскам, спросил:

— К кому приехали?

От щели с той стороны отпрянули, ничего не ответив, но он все же успел увидеть клетчатое пальто, авоську с бумажными свертками...

— Чего боитесь? — спросил Митькин, продира-

ясь сквозь кусты в ту сторону, куда отодвинулось пальто.

Но сколько он ни вглядывался в другие щели, никого так больше и не увидел.

2

Обычно после завтрака начинались процедуры: кому массаж делали, кому физиотерапию — что врач назначит, то и делают. Митькин процедур не боялся. Было даже интересно: лежишь и аппараты эти медицинские рассматриваешь — блестящие, винтиков разных, кнопок много. Но трогать их нельзя — может взрыв получится. Медсестра так и сказала: «На кнопки, Митькин, не нажимай. Взорвется!»

А сегодня должен был кукольный театр приехать. Митькин лежал под кварцевой лампой и прислушивался: не подруливает ли кто к воротам? Ему не терпелось спуститься вниз и посмотреть, может, они уже там, приехали? Но после кварца сестра взяла его за руку и повела в другой кабинет. В кабинете сидела врач и что-то писала. Когда Митькин вошел, она улыбнулась и кивнула высокой, как у повара, белой шапочкой:

— А, Крылов, заходи, заходи!

— Я не Крылов, я Митькин.

— А, Митькин, ну прекрасно, прекрасно!

Медсестра ушла, оставив его сидеть на стуле и что-то тихо сказав врачу. Врач опять кивнула и сказала: «Хорошо, хорошо, сейчас допишу и посмотрю его». Пожалуй, шапочка у врача была даже длинней, чем у повара, и Митькин подумал, что если ее изнутри наполнить дымом или тем газом, каким надувают воздушные шары, можно тогда взлететь к потолку. Конечно, к шапке надо пришить веревочки и завязать их под подбородком, иначе шапка одна улетит, а человек останется...

Врач перестала писать:

— А ну, расскажи, почему ты такой невеселый?

— Я веселый, — тихо сказал Митькин.

— А почему ты так плохо спишь? И с ребятами ты не играешь! — она достала из кармана молоточек, заставила Митькина встать коленками на стул и несильно ударила по лодыжкам. — А у нас такие хорошие игры: и железная дорога есть, и бильярд... Ну-ка скажи, о чем ты все думаешь?

Митькин молчал. Врач смотрела теперь серьезно, и он боялся, что она начнет его ругать. Но он просто не помнил, о чем он думает! Ведь раньше-то он не знал, что это надо запомнить, что об этом, оказывается, могут спросить, и будет стыдно не знать этого, — так же стыдно, как не знать свои имя и фамилию.

3

В ясные сухие дни группа шла на прогулку в лес. Воспитательница, Валентина Филипповна, шла не торопясь, не подгоняя ребят. В лесу было много птиц с белыми щечками — синиц.

Самый главный лес начинался за поляной. Тот лес, в котором водились лоси. Когда подходили к поляне, Митькин внимательно и настороженно вглядывался — может, мелькнет между деревьев хоть один, хоть самый маленький! Но лоси не появлялись, а бродили где-то там, в густой темноте стволов.

Гуляли в лесу долго, почти до обеда, и было совсем не скучно. Но Митькин, собирая желуди, сучки разные — скрепишь их потом пластилином, лось получится — поглядывал на тропинку: не идет ли тетя Шура? Тетя Шура — нянечка в их группе, она каждый день мыла полы, вытирала пыль, раскладывала еду по тарелкам и убирала посуду. Больше всего Митькин любил, когда она в конце прогулки приходила за ними сюда, в лес,

и разговаривала с Валентиной Филипповной. Как только она приходила, Митькин тут же оставлял все дела, чтоб быть рядом и не пропустить ни одного слова. Они ему говорили: «Замерзнешь на месте стоять! Пойди побегай, скоро уж собираться будем назад...» Митькин отходил от них на два-три шага, но тут же опять возвращался, принимаясь искать что-то поблизости, или, садясь на корточки, подковыривал палочкой землю, словно зарыто в ней было что-то.

Иногда тетя Шура говорила про санаторные дела — это было не интересно. Интересно было тогда, когда она начинала рассказывать про свой дом, про свою маму, про мужа и своих дочек. У Митькина тоже был дом, но далеко отсюда, надо было ехать автобусом, метро и опять автобусом. И в этом доме тоже жили мама, и папа, и бабушка, и сестренка. А еще раньше жила тетя Люба, мамина сестра. Теперь она уехала. И соседи уехали на новую квартиру, и увезли Алену и морскую свинку Дашу. Но это было давно, еще до санатория, а что там сейчас — Митькин просто не знал. А тетя Шура была дома каждый день. И каждый день в ее доме что-то происходило. Митькин знал, что ее муж пьет пиво и деньги прячет. Он — нехороший человек, потому что ругается с тетей Шурой. Недавно тетя Шура даже хотела его выгнать, а муж попросил не выгонять, и они зажили хорошо. А потом он опять начал ругаться, но после просил прощения и купил торт. Тети-Шурины дочери учились в школе, а сын служил в армии и присылал письма. Еще в тети-Шурином доме жила ее мама, у которой больные ноги и радикулит, — что это такое, Митькин никак не мог понять, но очень жалел ее.

У воспитательницы Валентины Филипповны не было никого, она все время жила одна. И говорила про магазины. Тетя Шура тоже говорила иногда про магазины, про то, что купила, про то, как радовались ее покупке. Еще тетя Шура рас-

сказывала, как готовила дома еду, как все они вечером, когда никто не ссорился, смотрели телевизор или ходили в гости к сестре Зинке. И еще она говорила про своих дочек, про то, как Наташа притащила маленького котенка и он всю ночь пищал, и приходилось вставать и укладывать его на теплую грелку.

Митькин слушал ее внимательно, а вечером, лежа в постели, думал о том, какая тетя Шура хорошая, у нее даже платье под белым халатом похоже на мамино. Тетя Шура уходила домой рано, накормив всех полдником, и Митькину хотелось, чтоб побыстрее прошел вечер, ночь и наступило утро.

4

У Митькина еще прошлым летом сестра тоже откуда-то принесла котенка, только спал он не на грелке, а в коробке на старой кофте. Папа тоже иногда ругался с мамой: они кричали, и папа вдруг уходил, а потом опять возвращался. Но вообще-то он был хороший. Скорее всего, муж тети Шуры был похож на дядю Колю, папиного брата, — у того была черная борода и черные очки. Митькин его не любил и боялся. Он представлял себе, как муж тети Шуры с черной бородой и в черных очках гоняется за ней, и ему было жаль тетю Шуру. Он решил даже, что, как только придет домой, сразу скажет им всем, чтоб они не пускали теперь дядю Колю.

Когда тетя Шура на прогулке говорила: «Ну, сегодня пеку оладьи с яблоками...», он представлял, как все: и мама, и папа, и бабушка, и сестренка сидят за столом и едят теплые оладьи с желтыми кислыми кусочками яблок. Он тут же представлял и тетю Шуру, и ее маму, похожую на его бабушку, и ее мужа — если он вел себя хорошо, то похожего на папу...

Если на прогулке тетя Шура рассказывала что-нибудь веселое, Митькину было весело и хорошо потом весь день, весь вечер и даже ночью. Он словно высвобождался сам из себя, словно из тяжелой зимней одежды переодевался во что-то незначительное, невесомое, летнее. И вдруг как-то особенно радостно ощущал упругость мяча и подбрасывал его насколько хватало сил, или погружался руками в песок, глубоко, до самых локтей, сминая в гармошку рукава пальто и ощущая кожей щекоотливо-холодные песчинки, и, уже вытаскивая эти руки — темно-рыжие от приставших сырых песчинок, радовался тому, как не похожи они на обыкновенные чистые руки... Ему хотелось видеть то и слышать то, что видели и слышали все ребята, и он держался с ними рядом, открытый и готовый к любой игре.

Но если у тети Шуры вдруг что-то случалось, ее раздраженный голос и резкие острые движения как будто застревали в нем. Он весь настораживался и замедлялся сам в себе, и не успевал за тем, что происходило вокруг. Его звали, что-то требовали от него, и он понимал, что это ему говорят, но не мог приблизиться к ним так быстро, как того от него хотели.

Здесь, в санатории, был режим. И Митькин давно уже привык к нему, это было нетрудно — просто надо было делать то, что и все: все купались в бассейне, все шли гулять, все обедали. Значит, — само собой разумелось, — там, за санаторской оградой, люди тоже жили по общим правилам. И если в тети-Шурином доме случалось что-то плохое, то это плохое случалось и в доме Митькина. И получалось, что он здесь — без них, а они там — без него. И они там ссорятся, ругают друг друга, хлопают по ночам дверью, плачут. И еще — забывают о нем. Его там нет, рядом с ними, и он уже как будто и не нужен им, они даже могут оставить Митькина здесь, потому что им и без того плохо.

В такие дни Митькин особенно прислушивался к каждому слову тети Шуры, старался поймать ее взгляд. Ему так хотелось, чтоб до того, как она уйдет домой, все исправилось, чтоб опять она стала доброй и веселой.

5

Утро настало желтое, а за стеклами на карнизах лежал первый снег. Он лежал и на крыше веранды, и на земле.

Митькин просыпается первым. Из окон виден лес, пестрый от снега, и пологая крыша старого бомбоубежища — на санках с нее можно было бы ехать до самого леса, если б забор не мешал, конечно...

После зарядки все идут умываться, а Митькин остается в раздевалке, долго выискивая в мешке с бельем чистую майку и носовой платок. Ему не нужна майка, но очень нужна тетя Шура. И вот-вот на лестнице послышатся ее шаги. Она всегда приходит в это время. Но, как на зло, воспитательница замечает его и загоняет в умывальную.

Странное что-то творится сегодня: вот-вот завтрак, а тети Шуры все нет. Наконец, когда все уже сидят за столами, открывается дверь и с большой кастрюлей входит какая-то нянечка в белой косынке по самые брови. Она ставит кастрюлю на стол в раздаточной, достает из шкафа тарелки.

— Вы не туда пришли, — говорит ей Митькин, встав из-за стола, — у нас не вы, а тетя Шура, забыли, что ль?

— Ну-у, милый, тетя Шура! Тетя Шура в отпуск пошла, так что теперь у вас я пока буду. Ты дежуришь сегодня? На-ко, ложки по столам разнеси...

6

Вчера тетя Шура долго ворчала перед уходом. Митькин ждал, что она успокоится, но она ушла домой недовольная и злая. А сегодня целый день прошел без нее, и Митькин не знает, какой это день: хороший или плохой? Он не знает, что было там, дома, вчера и что там творилось сегодня? Он хочет что-то придумать и не может.

Кто, кроме тети Шуры, расскажет ему про дом? Про его дом: про маму, папу, бабушку, сестренку? И есть ли он теперь вообще, этот дом? Может быть, еще вчера, разругавшись, все разбежались куда-то... Только бабушка, конечно, не могла уйти — у нее же больные ноги, или нет, это ж у мамы тети Шуры больные ноги. А может быть, все хорошо, может быть, все сидят и думают о нем, и ждут его, и скучают... А может, они так и сидят и скучают и вдруг приходит дядя Коля, он напился пива и всех выгнал, и все испортил?

Митькин сползает с кровати на пол и тихонько идет к приоткрытой двери — никого нет: видно, ночная нянечка вышла куда-то.

Где-то далеко говорит радио, потом начинает играть музыка. Митькин отворяет дверь в раздевалку — там темно, но зато открыта дверь на лестницу — чуть открыта! — и слышно, как внизу кто-то разговаривает. Митькин перегибается через перила, стараясь увидеть, что же там, внизу? И вдруг он слышит голос... тети Шуры! Она там, внизу, с кем-то говорит! Митькин, держась за перила, упуская на ходу тапку с подогнутым задником, бежит на первый этаж... Но возле кухни стоят совсем незнакомые тетки: одна с чайником, другая с ведром, а тети Шуры там нет. Митькин, словно невидимый, проходит в другой коридор, светлый в начале, но совсем темный в конце. Он подходит к первой двери, прислушивается. Но там очень тихо, скорее всего, там никого нет. Из дверной щели продувается холод, и этот холод пахнет той водой, которой моют в группе полы, в нее добавляют такой порошок, тетя Шура его в ведро насыпает, чтоб все знали, что полы мытые. Следующая дверь тоже закрыта. Митькин возвращается к лестнице, опять заглядывает в коридор, где стояли тетки, — теперь их там нет: ушли куда-то. И он идет, и его шаги не слышны на мягком ковре.

Теперь тетки — в кухне, и говорят они громко, только Митькин не может понять — есть там тетя Шура или ее там нет?

Вдруг дверь из кухни распахивается, и Митькин видит яркий свет, и ярко-белые стены, и огромные кастрюли...

— Ты что здесь делаешь?

— Ты почему не спишь?

А тети Шуры нет! Конечно — нет! Это все другие, совсем ненужные тетки...

— Кать, а Кать, иди сюда скорее! Смотри, из твоей группы? — слышит Митькин над своим ухом...

— Митькин! Ты почему здесь? — ночная нянечка поднимает его, прижимая к себе, и Митькин чувствует ее тепло.

— Плачешь? А чего ты плачешь, Сережа, ну чего ты? — нянечка теплой ладонью гладит его спину, — может, болит чего, а? Ну скажи скорее, где болит, душа ты моя!

— Может, аппендицит? В прошлом заезде, вон, тоже у одного живот болел, оказалось — аппендицит! Вот здесь болит? — Митькин чувствует, как чей-то палец подлазит к его животу, отстраняя его

от тепла, и больно тычет, тычет в самый бок.

— Болит, Сереж? — спрашивает нянечка и еще сильнее прижимает его к себе.

Митькин кивает. И его несут наверх. Вызывают врача — сначала санаторского, потом еще каких-то двоих. Все они, эти врачи, мнут ему живот, заставляя сгибать ноги в коленках...

Митькин уже не плачет. Его, завернутого в одеяло, несут среди ночи на носилках по двору к санитарной машине. Его вдвигают в эту машину и захлопывают дверь. Сначала Митькин думает, что он один, но вдруг чья-то рука касается его щеки, кто-то спрашивает: «Не холодно?» Носилки под ним слегка покачиваются, как гамак. Митькин хочет привстать, чтоб посмотреть в окно, но ему говорят: «Не вставай».

7

Митькин лежит на кушетке, застеленной белой простышкой, и держит градусник, на конце которого — кусочек резиновой трубочки. Напротив кушетки — стеклянный шкаф с баночками, коробками и еще чем-то. За столом сидит медсестра и пишет в толстой книжке, потом она звонит по телефону и говорит: «Доктор, мы вас ждем». Митькину совсем не страшно. Он не думает больше ни о тете Шуре, ни о маме. Ему нравится среди ночи лежать в этой большой белой комнате, разглядывать стеклянный шкаф и слушать, как где-то кипит чайник. Ему нравится красная заколка в волосах медсестры и, особенно, золотые каблук на ее босоножках.

Приходит доктор в халате с завязками на спине, в зеленых мятых штанах и такой же зеленой шапочке. Митькин никогда не видел, чтоб люди ходили в таких шапках, и ему становится смешно.

— Здесь больно? Только по-честному... — спрашивает доктор и так же, как другие врачи, только слабее, жмет пальцами внизу живота. — А вот так, когда отпускаю?

— Вообще не больно, — отвечает Митькин.

— Конечно, что ему болеть, такой отличный живот! — говорит доктор.

— Только худой уж больно, — говорит медсестра и зевает.

— Ничего не худой! Он же солдат, в армию скоро пойдет...

Доктор садится за стол, напротив медсестры, и что-то пишет, затем опять подходит, достает у Митькина из-под мышки градусник.

— Да ну! — машет он рукой. — Какой там аппендицит! Понаблюдаем, конечно: пока в изолятор определим, а утром — видно будет. Лаборанта позовите, пусть кровь посмотрит.

Доктор подходит к Митькину, подмигивает ему и поднимает его на руки. Он несет его по коридору: одна дверь, вторая, третья... Доктор кладет его на кровать, мягкую и прохладную. «Все будет о'кей!» — говорит он уходя. И Митькин сквозь дрему думает, что же это за слово такое «о'кей», и оно ему кажется таким же смешным, как зеленая шапочка доктора.

ПОЛУОСТРОВ ЗВЕЗДНЫХ ЛИВНЕЙ

Лет пятьдесят назад в маленьком рыбацком поселке Баутино, насквозь пропахшем рыбой, рос мальчишка Витя Нечаев. Поселок стоял на берегу Каспия, и вся жизнь в Баутино была связана с морем.

Однажды весной, когда пустыня подернулась легкой зеленой дымкой, в доме Нечаевых появились геологи. Витька не отходил от них ни на шаг. Надо ли говорить о том, что самой заветной мечтой мальчишки сделалась одна — увидеть, как геологи работают, уйти с ними в маршрут. Отец поворчал, но согласился.

Неделя шла за неделей. Витя жил вместе с геологами в брезентовой палатке, грузил при переездах вещи на лошадей, ему даже доверили в специальную тетрадь заносить показания приборов.

Вечером, у жаркого костра, начальник геологов, попыхивая трубкой, любил повторять:

— Воистину богат тот народ, у которого есть пустыня.

Витька недоуменно крутил головой. Что же это за богатство: песок сплошной да верблюжья колючка? А песчаные бури? Змеи, пауки ядовитые? Нет, пустыня место бедное и гиблое.

Однажды ранним утром, когда солнце еще не пекло, экспедиция меняла стоянку. Начальник партии вдруг остановился, посмотрел вперед.

— Смотри, Витька!

Невдалеке песок медленно наливался темным цветом.

— Да это же нефть! — закричал Витя.

Из песка выступала черная, вязкая жидкость.

— Почему же мы сразу не

начнем добывать нефть на этом месте, если ее здесь так много? — стал тормозить он начальника геологов.

— Для того, чтобы определить много или мало нефти в каком-то районе, нужны годы. А то ведь так может случиться, что пробьются сквозь пустыню люди, поставят буровые, а нефти всего ничего, вся она на поверхности. Учиться тебе надо, Витька...

ПЕРВЫЙ ФОНТАН

Летом 1961, когда солнце сходило в небе с ума, у буровой вышки плясали чумазые люди. Виктор Васильевич Нечаев вместе со всеми кричал что-то, а вот плясать не мог. Война искалечила ногу.

В это лето забил первый открытый Нечаевым фонтан нефти. Когда Виктор Васильевич сунул в него по обычаю руки, он поразился, что она была ярко-рыжей, словно апельсин.

За открытие этого месторождения В. В. Нечаеву была присуждена Государственная премия СССР.

В пустыню уходили все новые и новые отряды геологов, геофизиков. Новые нефтяные, газовые, угольные месторождения запестрели на карте Мангышлака. Но чтобы осваивать их, нужны были заводы, поселки, сотни домов. Нужен был город.

ГОРОД НА ЗАРЕ

— Через несколько минут наш самолет произведет посадку в аэропорту города Шевченко, — объявила стюардесса. —

Просим пристегнуть привязные ремни.

Наш «Ту-154» уже шел на снижение. Под крылом самолета желтела пустыня. Какие-то линии пересекали ее из конца в конец. Серые пятна возникали то там, то здесь. Через несколько минут наш самолет, легко подпрыгивая, зашуршал по посадочной полосе. Но, сколько я ни вертела головой, никаких признаков города поблизости не было. Где же он?

И снова была дорога. Наши чемоданы с желтыми бирками Аэрофлота покачивались на заднем сиденье старенького автобуса. Длинная лента шоссе упиралась в самый горизонт. За окном пустыня подступила к дороге: линии, которые я видела из самолета, оказались следами от грузовиков, пересекавших пески в разных направлениях, а серые пятна — озерцами вязкой грязи. «Это соры», — объяснил сидящий рядом казах.

Внезапно автобус остановился. Чемоданы с грохотом обрушились в проход. В чем дело? Привстав с сиденья, я увидела, как на шоссе вышел верблюд и, плавно покачивая бархатными горбами, лениво затрусил впереди автобуса. Шофер сигнализировал без перерыва. Безрезультатно. Тем временем сзади подъехал второй автобус. Машины начали сигнализировать в два голоса. Пришлось съехать с шоссе и объезжать «корабль пустыни» по песку...

Горизонт впереди стал светлее. Из этого света вдруг выступили белые кубики. Мираж? Водитель прибавил скорости — из песков пустыни на горизонте, розовый от первых лучей

солнца, вставал город. Белые дома из ракушечника тянулись вдоль широких улиц и проспектов. А морской просоленный воздух свободно гулял по площади, где били фонтаны и цвели тысячи тюльпанов и роз. В этом городе есть лишь один пустырь. Там скоро будет разбит Ботанический сад.

На следующее утро я поднялась рано. Город Шевченко только просыпался. Хлопали двери подъездов, по мокрому асфальту шуршали шинами автобусы. Загоревшие, как негрятя, пацаны плескались в бассейне. Вместе с первым строителем города Евгением Андреевичем Болдышевым мы шли по широкому проспекту, полого спускавшемуся к морю.

Болдышев привел меня в глубь самого обычного двора, большая часть которого была почему-то забетонирована, и сказал:

— Смотрите, это начиналось здесь... Сюда приземлялись вертолеты с грузами. А вокруг, насколько хватало взгляда, не было видно ни одного дома, ни одной палатки.

ПЕРВЫЕ ЗЕМЛЯНКИ

Болдышева тогда встретили геологи и пригласили в гости. Куда же? Оказалось — в землянки, они еле возвышались над песками.

В пустыне деревьев не было, дома строить было не из чего, а палатки песчаные бури рвали в клочья. Потом Болдышев съездил в Форт-Шевченко за 130 километров. В те годы он был единственным городом на

полуострове Мангышлак. Молча постоял Болдышев в низенькой землянке, где когда-то жил Шевченко. Поразило то, что не очень различались землянки геологов и землянка ссыльного поэта. Разница была в том, что Тараса Григорьевича в этот забытый богом край сослало царское правительство, а геологи и строители зарывались в землянки добровольно. Знали — это временно. Верили — что скоро придет конец песчаным бурям, не останется ни одной землянки. Что изменится даже климат.

Архитекторы проектировали город, где было бы много света и воздуха. Город специально построили, вытянув его вдоль линии морского прибоя. Теперь раскаленный ветер пустыни наталкивается на барьер из зданий, стены деревьев и теряет свою жесткую, иссушающую силу.

В этом городе нет ни одной заводской трубы, и небо над ним — прозрачное, воздух чистый, чуть дрожащий в летнем зное. Все промышленные объекты вынесены за черту города. И самый большой из них — знаменитая на всю страну опреснительная установка. Дело в том, что вода Каспия — горько-соленая. Недаром русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский назвал эти места «страной, потерявшей воду». Обрести воду Мангышлаку помогли люди. Был построен огромный комбинат, где атомный реактор стал вырабатывать необходимую для работы опреснительной установки энергию. Мирный атом напоил город.

К воде здесь относятся по-особому. Всем взрослым еще памятли те годы, когда ее привозили на Мангышлак в танкерах и выдавали на семью по ведру в день. Когда к кому-то из первых поселенцев приходили гости или хозяйка затевала стирку, воду брали в долг у соседей. Но даже в этих условиях люди делились драгоценной влагой с деревьями. Каждый из строителей, уезжая в отпуск на «большую землю», старался привезти обратно черенок любимого дерева, ведро земли. Сажали у землянки, огоражива-

ли забором, поливали из кружки пресной водой, отнимая драгоценную влагу у самих себя. Сейчас город Шевченко утопает в зелени деревьев.

ТАМ, ГДЕ ДОБЫВАЮТ НЕФТЬ

Увидеть город, рожденный запасами нефти, и не побывать на самих нефтепромыслах было бы непростительно. Так я попала в вахтовый автобус, в котором ехала на работу смена нефтяников.

Густой лес железных вышек окружил меня на полуострове Бузачи. Нефть — вязкая, густая — шла по трубам из темных глубин земли. В ней столько парафина, что нефтепроводы, проложенные через пустыню, приходится подогревать, иначе нефть застынет и до места назначения не дойдет. Среди вышек Бузачи легко заблудиться, как в самом настоящем лесу. Но чувствует себя человек среди этих железных «деревьев» уютно.

Автобус, который привез нас в Бузачи, принял в себя вахту нефтедобытчиков. Зашипев, закрылась дверь. Мы поехали к городу, который я за те семь дней, что в нем прожила, успела полюбить. А он вставал на горизонте, прекрасный, как сон. Из глубины черного неба сыпался на город ливень звезд.

Т. ГАГЕН

Рисунок Н. Куликовой

Раздел ведет
кандидат
физико-математических наук,
доцент В. В. ЛАПТЕВ

В основе всех самодельных устройств, о которых Электроник расскажет вам, ребята, сегодня, лежит небольшой, очень простой и одновременно очень интересный электронный элемент — геркон.

Название «геркон» произошло от сокращения двух слов — ГЕРметизированный КОНтакт, — которые хорошо отражают устройство этого электронного элемента и уже сами по себе говорят о его простоте. Геркон (рис. 1) — это два пружинящих контакта, сделанные из легкого намагничивающегося материала, в герметичном стеклянном баллончике, заполненном инертным газом.

Приближение к геркону постоянного магнита приводит к тому, что под действием его магнитного поля пружинящие

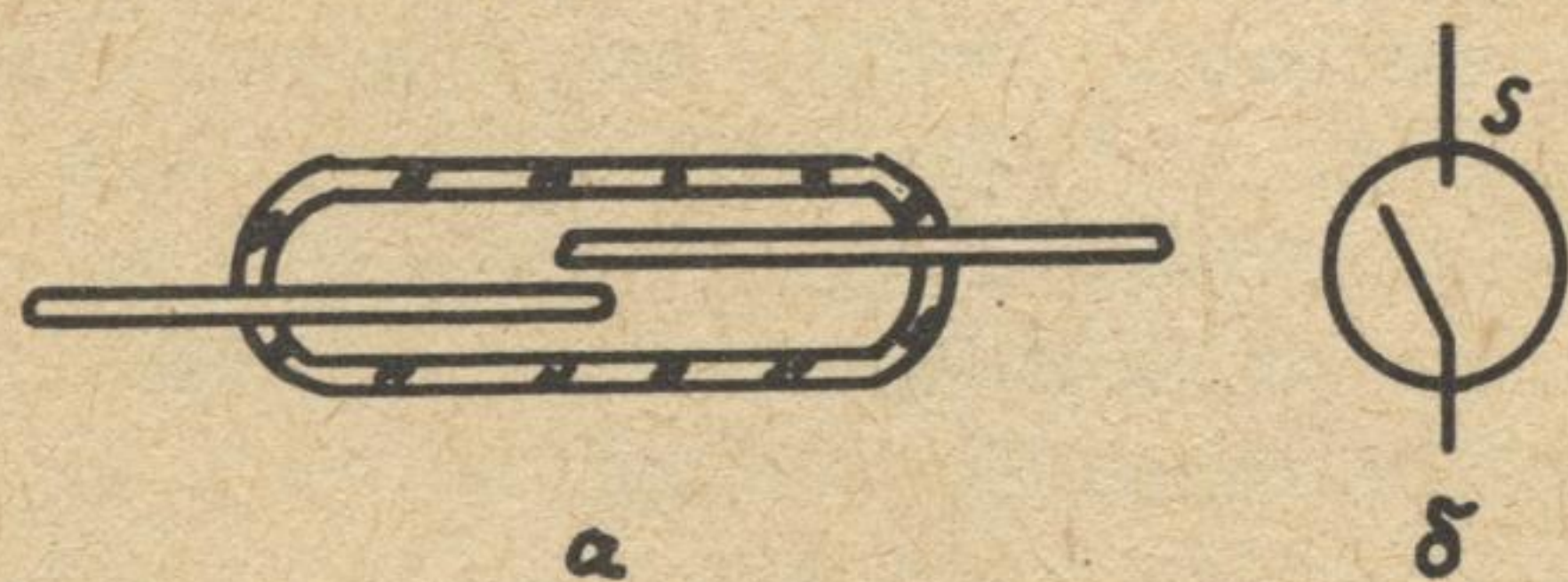

Рис. 1

Геркон: а — устройство, б — обозначение на схемах

контакты геркона намагничиваются. На их концах образуются разноименные магнитные полюса, которые притягиваются друг к другу. Пружинящие контакты приходят в движение, соединяются и замыкают любую соединенную с герконом электрическую цепь.

При снятии воздействия магнитного поля (удаление магнита) силы упругости пружинящих контактов геркона возвращают их в исходное состояние, и цепь, в которую включен геркон, оказывается разомкнутой. Другими словами, геркон прекрасно выполняет функции выключателя, управлять которым надо с помощью магнита.

Это его свойство широко используется в электронике при создании различных кнопок, переключателей, реле, датчиков перемещения, поворота, уровня. Но, применяя геркон, легко сделать и ряд интересных самодельных электронных устройств, первым из которых может стать «волшебная палочка» (рис. 2).

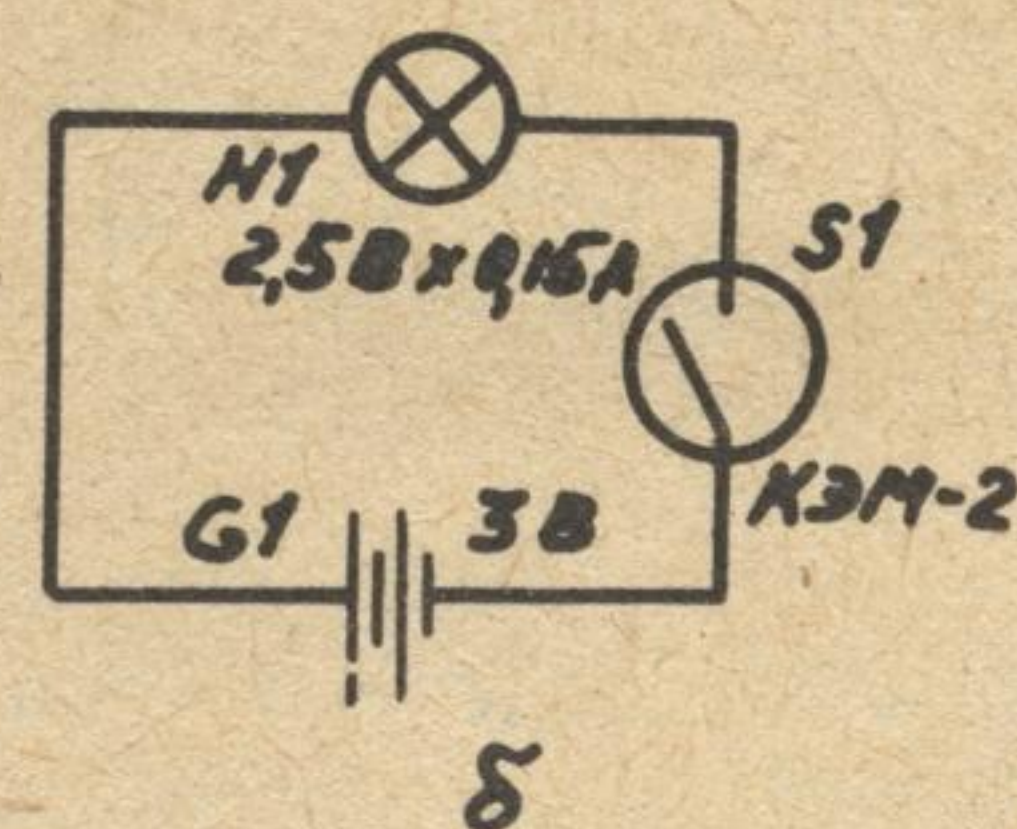
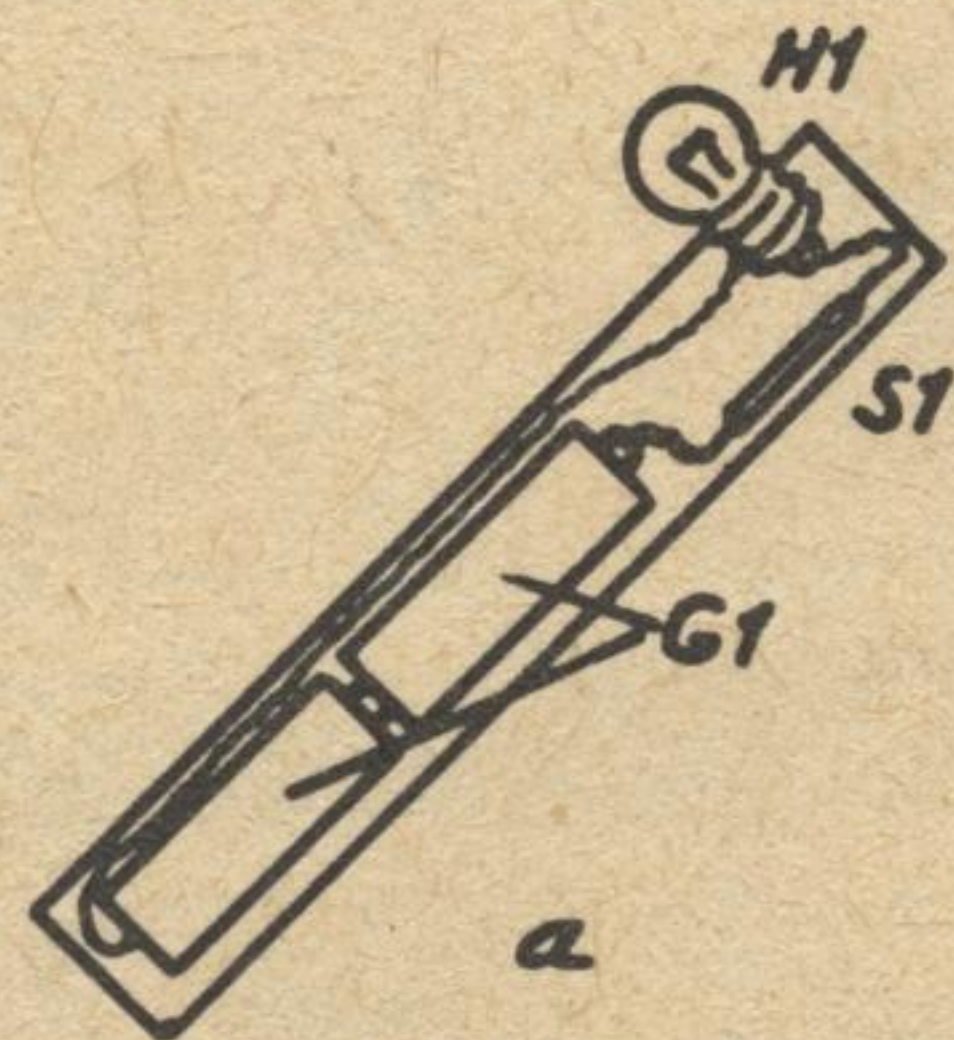

Рис. 2

«Волшебная палочка»: а — устройство; б — электрическая схема

Внешне «волшебная палочка» — это склеенная из картона трубка длиной 30—40 см с лампочкой от карманного фонаря на одном из концов. Ее обладатель приобретает необыкновенную проницательность и легко сможет показывать фокусы.

Взяв в руки «палочку», предложите, например, кому-нибудь из друзей спрятать у себя в одежде небольшой предмет, который вы дадите. Затем подходите к спрятавшему и начинайте медленно водить «волшебной палочкой» около карманов и других частей костюма, где может быть спрятана разыскиваемая вещь. Как только место, в котором

она находится, окажется вблизи палочки, — вспыхнет лампочка.

Секрет фокуса в том, что спрятанный предмет — это небольшой магнит, например, от магнитной мебельной защелки. Внутри же «волшебной палочки» (рис. 2, а) находится геркон, контакты которого вблизи магнита замыкаются и подключают лампочку к источнику питания.

Размеры «волшебной палочки» определяются размерами гальванических элементов источника питания и удобством пользования. Геркон, лампочку и батарею следует соединить проводниками между собой согласно приведенной на рис. 2, б схеме.

Герконы удобно использовать в еще одном устройстве, которое позволит вам, не покидая комнаты, определить направление ветра на улице.

В простейшем случае делается это с помощью флюгера. Но установить во дворе флюгер удастся далеко не всегда. А вот передать по проводам информацию о его положении

даже в том случае, если флюгер установлен на крыше и через окно уж никак не может быть увиден, совсем нетрудно. Значительно легче, чем подобная задача решалась много лет назад.

Те из вас, которые бывали в Ленинграде в Летнем дворце Петра I, наверное, помнят установленное по его приказу устройство, позволяющее передавать в помещение информацию о направлении ветра от флюгера на крыше. Мастерам XVIII века было во много раз сложнее, чем нам. Ведь электронной техники тогда не было.

Современный указатель направления ветра также содер-

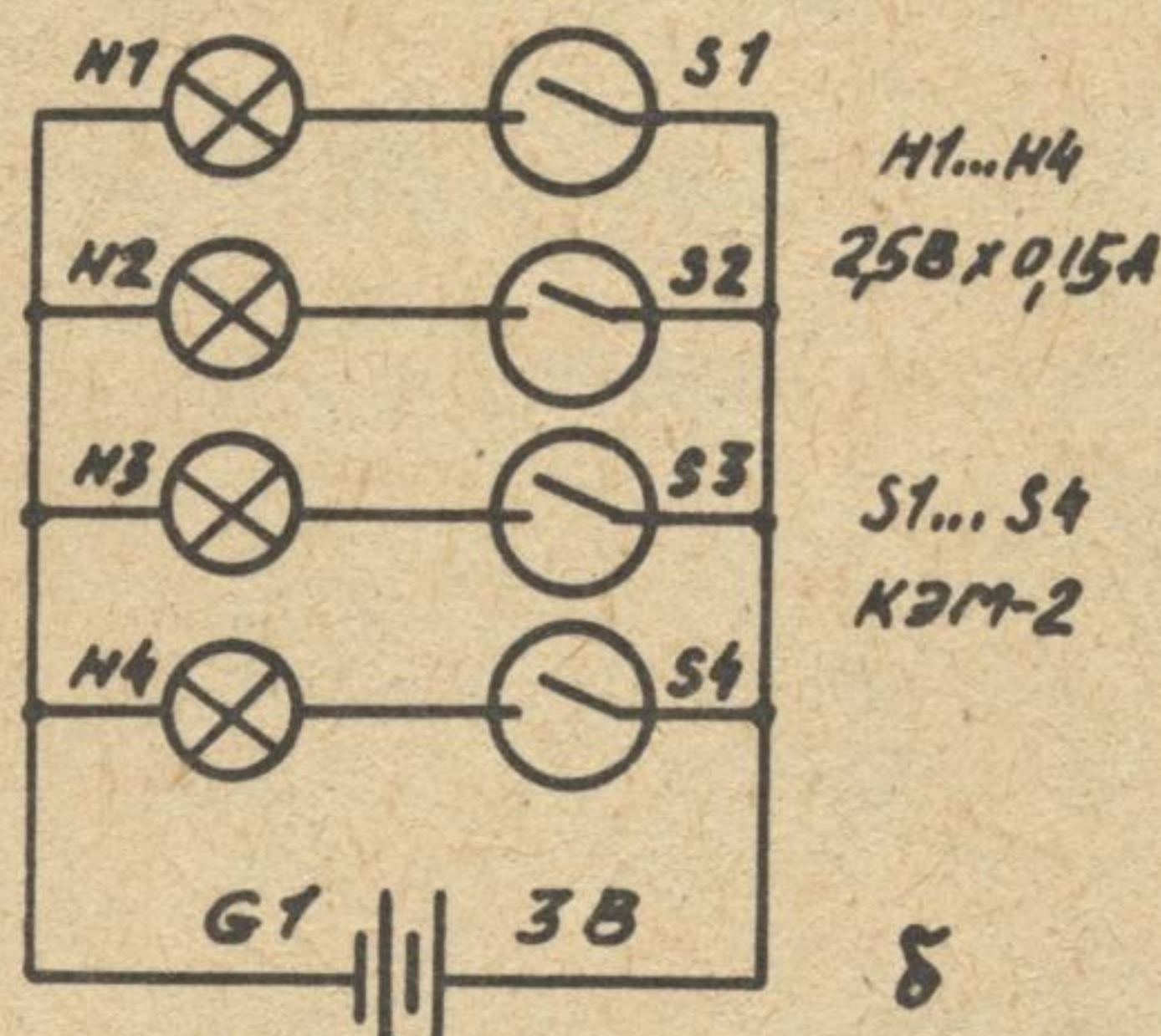
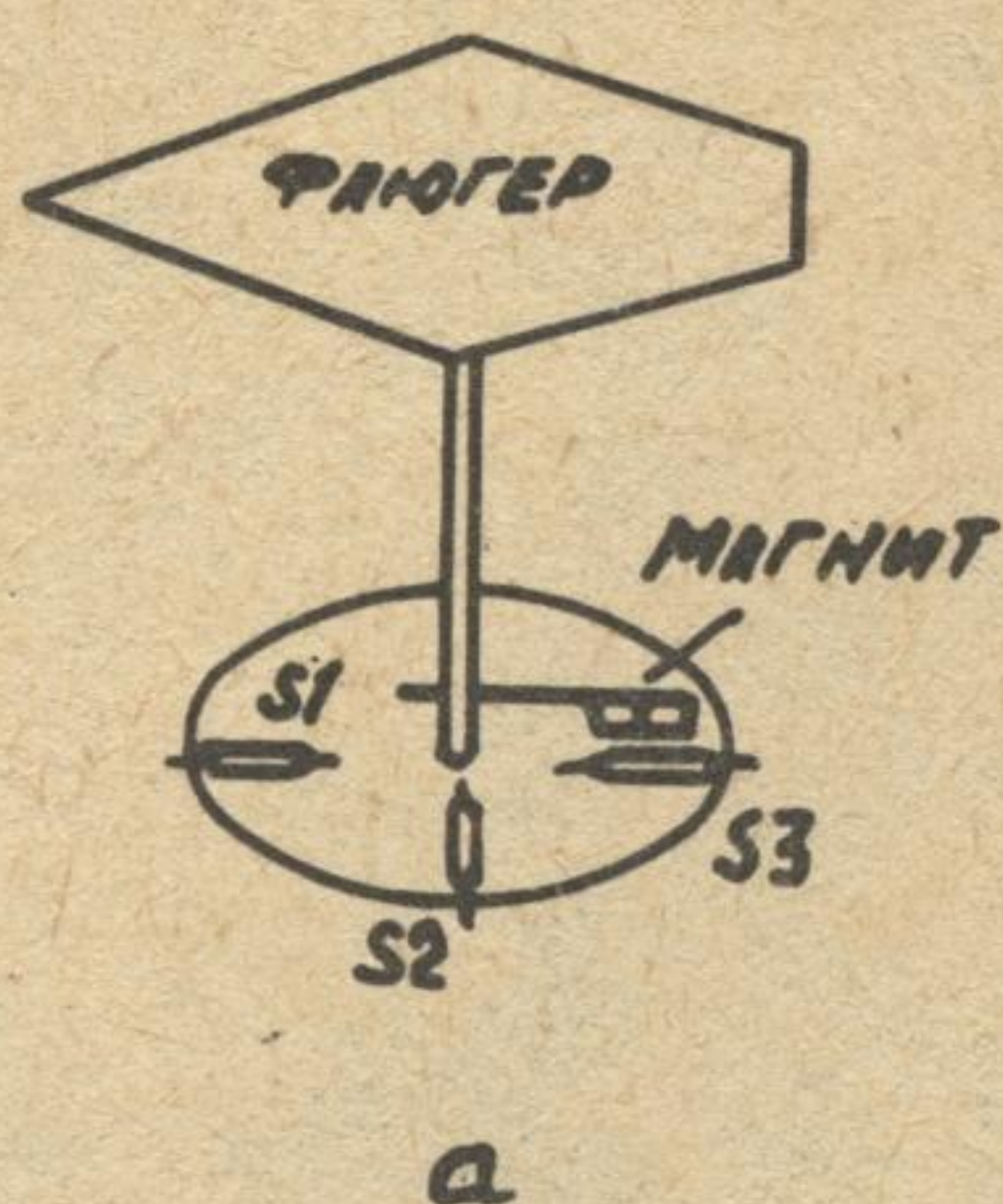

Рис. 3

Флюгер: а — расположение элементов; б — электрическая схема

жит флюгер. Принципиально этот флюгер отличается от своего исторического предшественника только тем, что к его подвижной части прикреплен небольшой постоянный магнит, положение которого, таким образом, зависит от направления ветра (рис. 3, а).

Остальные элементы устройства смогли появиться только в наши дни. Главные из них — уже знакомые вам герконы, которые необходимо закрепить под перемещающимся магнитом в точках окружности, сориентированных по компасу на север (N), юг (S), восток (O) и запад (W). Стоит только постоянному магниту оказаться вблизи одного из герконов, как у вас в комнате на индикаторной панели рядом с обозначениями N или S, например, вспыхнет соединенная с этим герконом (рис. 3, б) проводами лампочка.

Точность указания направления зависит от числа герконов. Чем их на окружности больше, тем точнее вы сможете определить положение флюгера. При использовании минимального количества — четырех герконов — желательно

опытным путем, увеличивая или уменьшая радиус окружности, установить их так, чтобы, например, при юго-западном или северо-восточном ветре включались одновременно лампочки юга и запада или севера и востока.

Геркон удобно использовать и на уроках физики в 7 классе в тех случаях, когда требуется определить наличие магнитного поля вокруг проводника с током, катушки или электромагнита. Для этого в школе применяется обычно магнитная стрелка. Отклонилась стрелка от первоначального устойчивого положения — есть вблизи нее достаточно сильное магнитное поле, не отклонилась — поля нет или оно слабое.

Нетрудно заметить, что стрелку вполне может заменить «волшебная палочка». Однако она не повысит чувствительность школьных опытов, так как для срабатывания геркона нужны магнитные поля не меньшие, чем для отклонения стрелки. Вместе с тем небольшое усовершенствование «волшебной палочки» превратит ее в неплохой школьный прибор, лучший, чем магнитная стрелка. Для

этого достаточно геркон палочки поместить внутрь катушки из приблизительно 1000 витков провода марки ПЭЛ-0,05...0,15, намотанного на склеенную из бумаги трубку каркаса, концы которой через переменный резистор соединить с электробатарежкой (рис. 4).

При проведении опытов переменным резистором в катушке устанавливается ток, близкий к значению, вызывающему срабатывание геркона. Теперь даже незначительное внешнее магнитное поле, совпадающее по направлению с полем катушки, вызовет замыкание контактов геркона и включение лам-

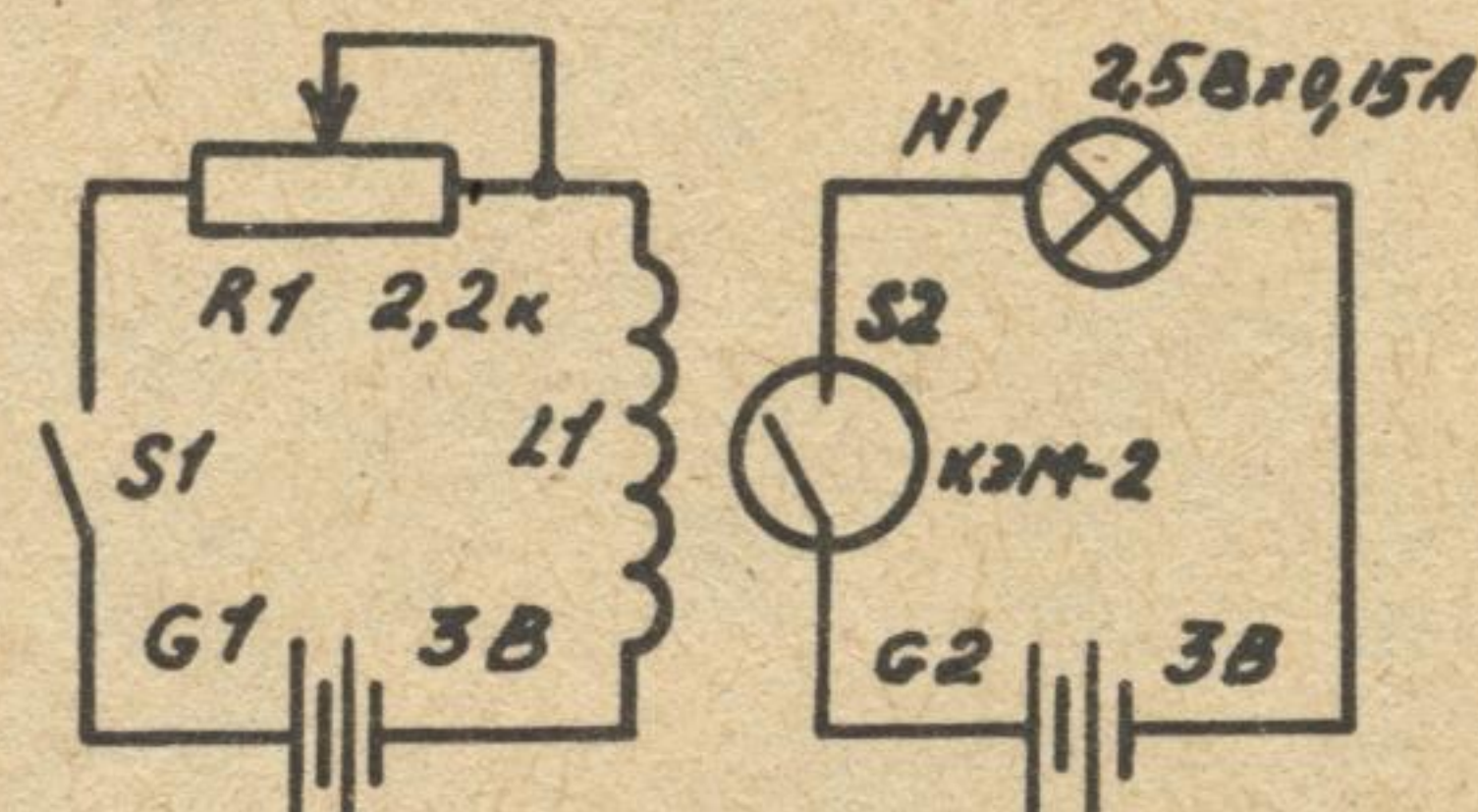

Рис. 4

Схема превращения «волшебной палочки» в школьный физический прибор

почки. Поле противоположной полярности, наоборот, исключит возможность загорания лампочки. Таким образом можно не только определить наличие слабого магнитного поля, но и его направление.

Желаю вам, ребята, успехов в работе.

Электроник

НАША СПРАВКА

Более подробно о герконах вы можете прочитать в разделе «Радио — начинающим» журнала «Радио», 1977 г., № 2, с. 49—52 в статьях «Герконы» и «Игротека на герконах».

Применению герконов на уроке физики посвящена статья в журнале «Физика в школе», 1984 г., № 6, с. 59—61.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ ГЕОГРАФИЮ?

У какого моря нет берегов? В каком океане оно расположено?

Куда показывает магнитная стрелка на Северном географическом полюсе?
А на Северном магнитном?

„... ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ КРАЮ МЕНЯ ТОМИЛА, МУЧИЛА И ЖГЛА”

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

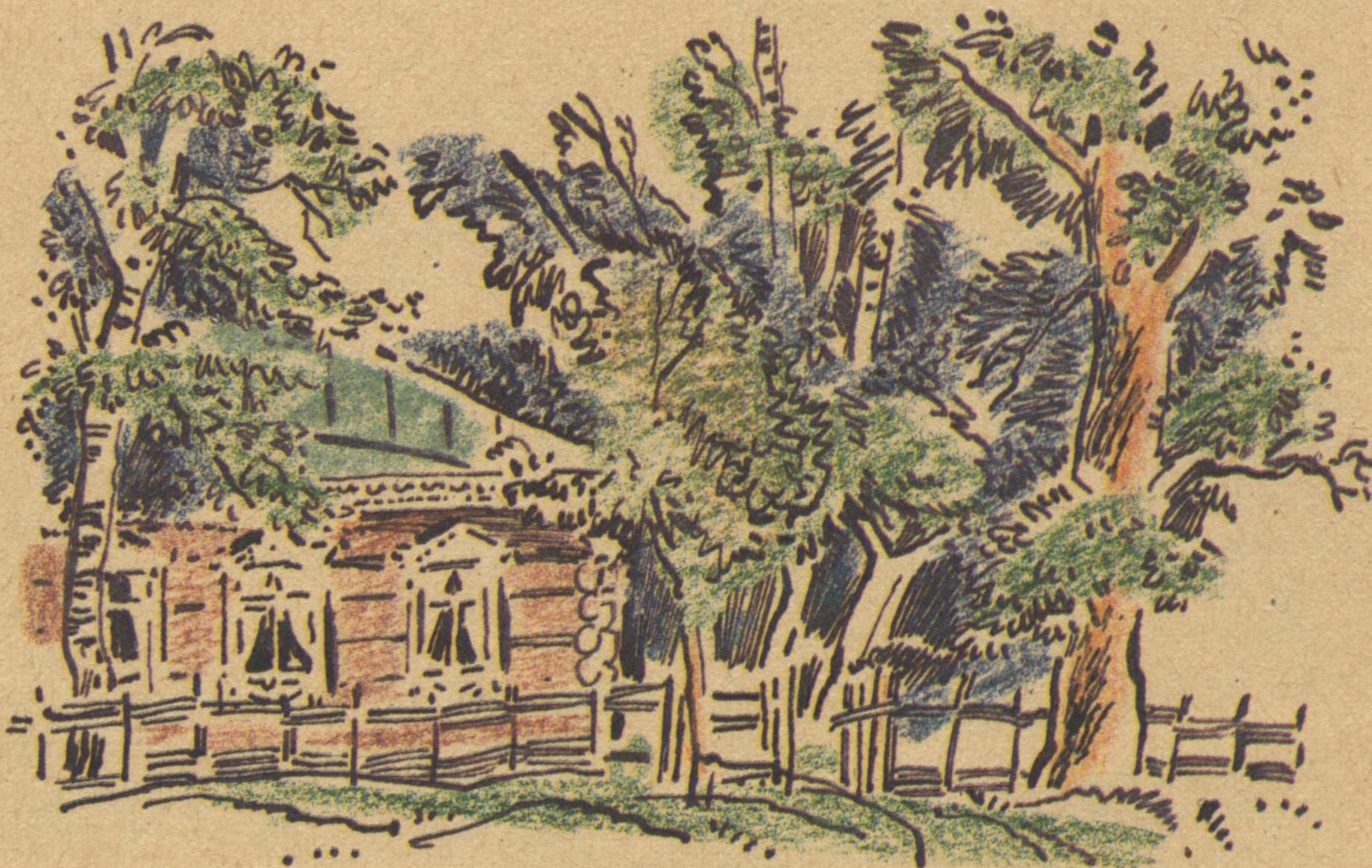
Я иду долиной. На затылке кепи.
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река...

...К черту я снимаю свой костюм
английский.
Что же, дайте косу, я вам покажу —
Я ли вам не свойский,
я ли вам не близкий,
Памятью деревни я ль не дорожу?

Нипочем мне ямы, нипочем мне кочки.
Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные строчки,
Чтобы их читали лошадь да баран.

В этих строчках — песня, в этих
строчках — слово.
Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая корова,
Отдавая плату теплым молоком.

Я стою на берегу Оки. Залив-
ные луга тянутся до самого Ме-
щерского леса у горизонта.
Другой берег крутой, и стоит на
нем село Константиново — ро-
дина поэта Сергея Есенина.
Об этих местах писал он во мно-
гих своих стихах. Сюда любил

приезжать. Вдоль широкой ули-
цы с двух сторон — дома в три-
четыре окна по фасаду. Кру-
гом кудрявые деревья. Одна
сторона улицы — та, что выхо-
дит на Оку, — Приречная, дру-
гая — Полевая. Вот на этой,
Полевой стороне, среди других
таких же домов стоит дом Есе-
нина. На стене доска: «Здесь
родился и жил поэт Сергей Есе-
нин».

Здесь он играл с соседскими
ребятишками в лапту, городки,
«коноводил» вместе со своим
закадычным другом Клавдием

ЕГО СТИХИ И КНИГИ

Книги поэта... Журналы, в которых печатались
его стихи. Альманахи. Книги потолще, и книги
потоньше, и совсем тоненькие — всего-то несколь-
ко страниц... Книги, напечатанные на серой ше-
роховатой бумаге, почти на картоне, и книги,
изданные в лучших типографиях. Выпущенные
немалым тиражом, но никогда не лежавшие по-
долгу на прилавках (на последней странице, где
помещался иногда список «того же автора»,
стояло неизменно «распродано»), и книги, издан-
ные в считанных экземплярах, — не всегда хва-
тало друзьям и знакомым.

Я беру их в Публичной библиотеке. Держу
в руке старую, заботливо переплетенную кем-то
книгу, а сам думаю: вот и он перелистывал та-
кую же, и кому-то дарил с автографом, и читал
из нее стихи, как умел читать только он — разма-
шисто и ярко, — а книга еще пахла типографской
краской...

Журнал «Мирок». Был в начале века такой

детский журнал, тогда малоизвестный, а теперь
и совсем забытый. В январском номере за че-
тырнадцатый год между нравоучительной истори-
ей о крестьянских детях и сказкой про дружных
обезьян читаем стихотворение о березе.

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой...

Подпись таинственная — Аристон. Лишь через
сорок лет, когда обнаружили вырезку из журнала
с правкой, сделанной рукой Есенина, поняли:
это первая публикация семнадцатилетнего поэта.

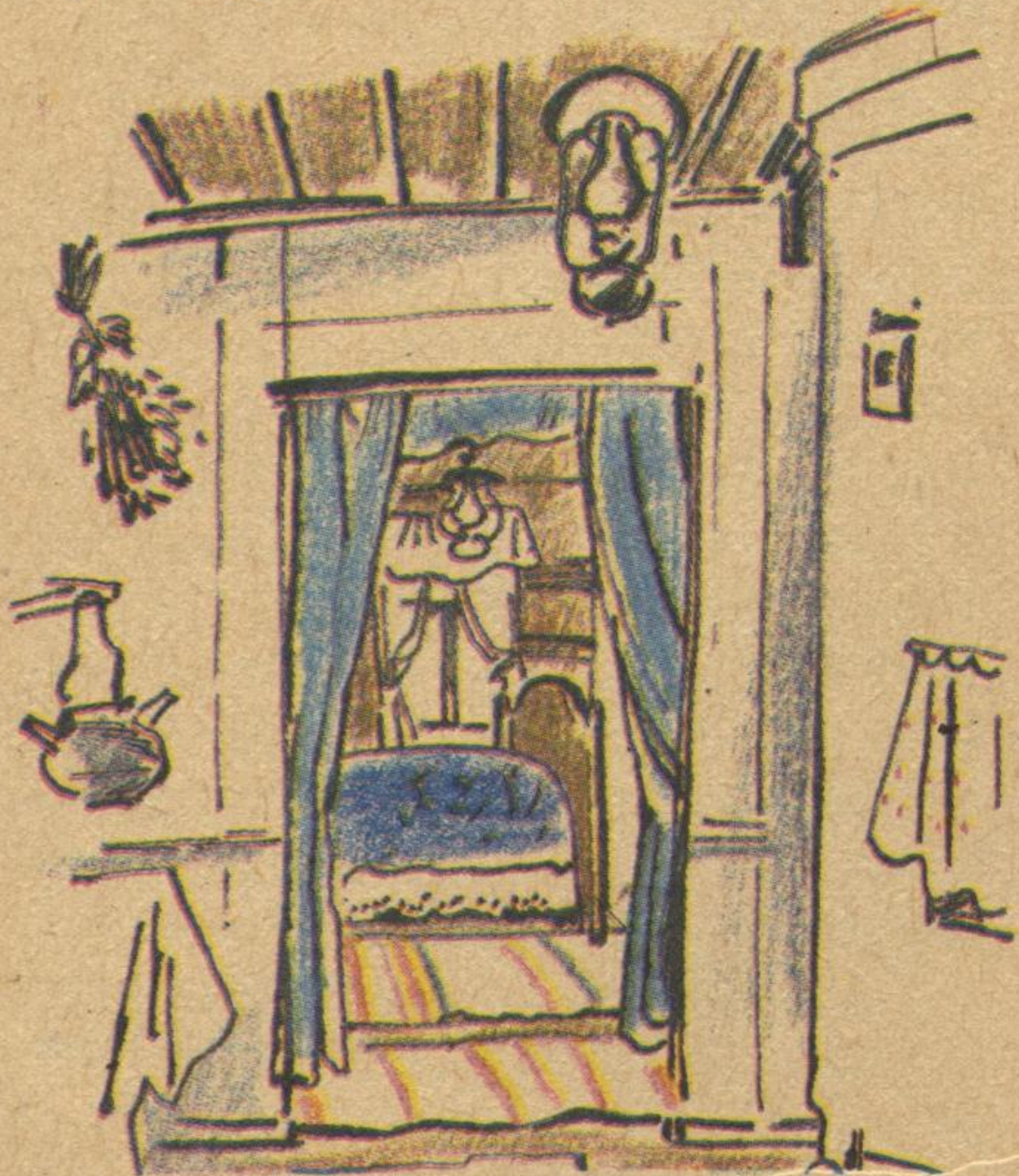
И вот удивились литературоведы: ровно сто
лет назад, в 1814 году был напечатан впервые
лицеист Пушкин! Перевернув согласные своей
фамилии, молодой Пушкин подписался так:
«Александр Н. к. ш. п.».

Мог ли кто догадаться тогда, что с публи-

Воронцовым, здесь начал писать свои первые стихи.

Идут к этому домику люди. Входят в избу, здесь тесно, повернуться негде. Кухонька с печью, стол. На столе самовар. Полки с посудой, по стенам пучки душистых трав. Комнатка

с одним окном. Здесь помещаются лишь кровать да сундучок. С этим сундучком он уехал учиться в Спас-Клепики, а потом в Москву. Вот комната побольше, на полу домотканые половики.

Пахнет рыхлыми драченами;
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Вьется сажа над заслонкою,
В печке нитки попелиц,
А на лавке за солонкою —
Шелуха сырых яиц.

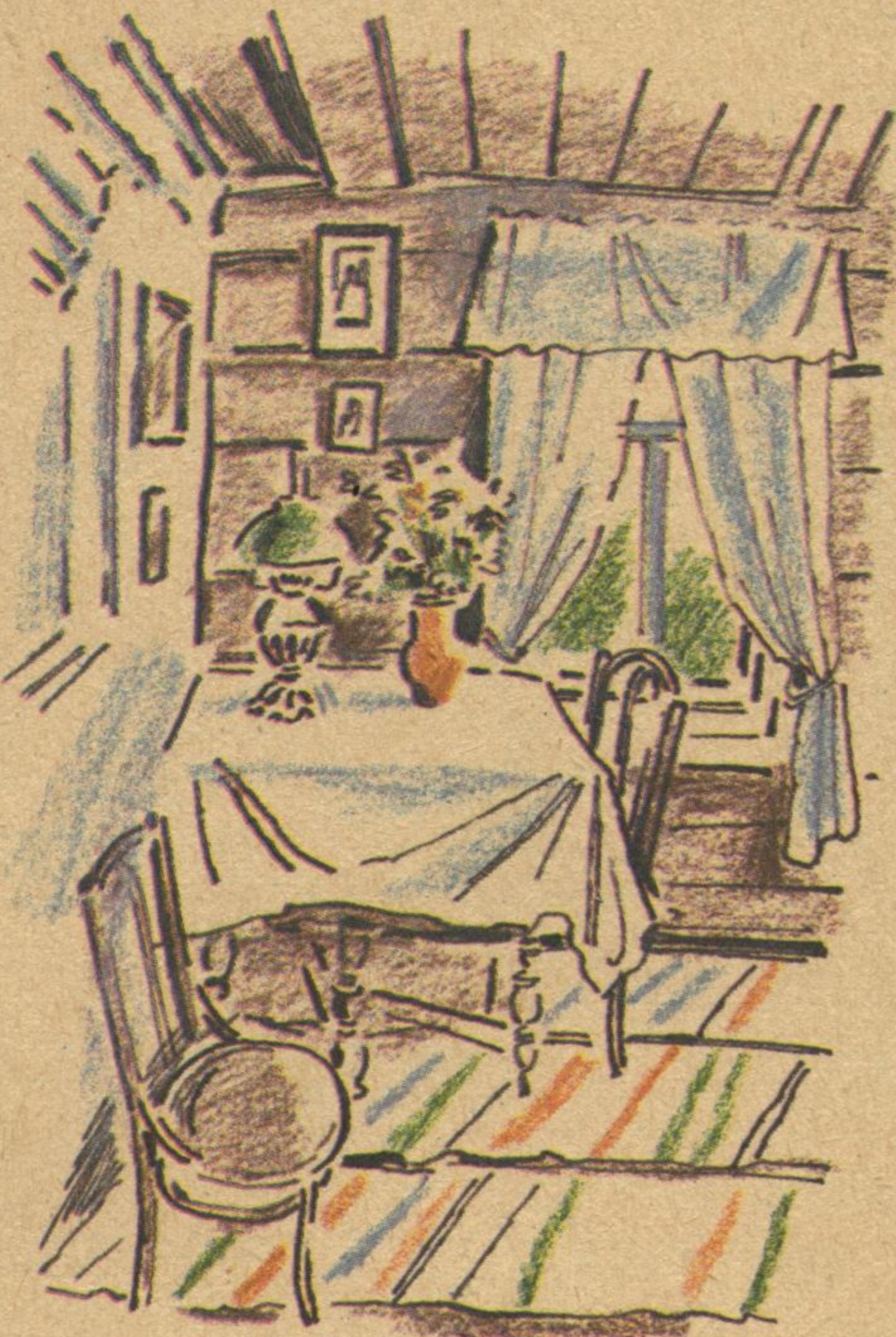
Мать с ухватами не сладится,
Нагибается низко,
Старый кот к махотке крадется
На парное молоко...

...Тикают часы. Стол, комод, венские стулья, на стене фотографии отца и матери, похвальный лист Сергея Есенина, полученный им по окончании четырех классов местной школы. Очень редко выдавался такой похвальный лист рязанским земством за отличные успехи и поведение. Для него отец специально привез рамку из Москвы.

Многое я узнала здесь от Марии Дмитриевны Воробьевой. Она работает в доме-музее экскурсоводом. Мария Дмитриевна всю жизнь прожила по соседству с Есениными. Помнит

мать поэта, Татьяну Федоровну. И с сестрами его была дружна. Слушать ее воспоминания очень интересно: «Тетя Таня была красивой, с темно-русыми волосами; отличалась от всех, было в ней что-то величавое, держалась она с большим достоинством...»

А старики в Константинове помнят и самого Сергея Есенина. По их словам, дом у Есенина все-таки отличался от соседей. Не скамейки, а венские

кации «Н. к. ш. п.» начнется новая эпоха русской культуры? Мог ли подумать юный читатель «Мирка», что, вслед за Пушкиным, автора «Березы» назовут великим национальным поэтом?

Белокурый, голубоглазый, молодой — он будет читать, размахивая руками, стихи на пушкинском юбилее. Он обратится к Пушкину:

Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.

И положит цветы к подножию памятника на Тверском бульваре. А через полтора года на этом месте соберутся тысячи людей, чтобы почтить память уже самого Есенина.

Он умер тридцатилетним. Он на три года пережил Лермонтова. Пушкин погиб в тридцать семь. Люди, которых нельзя представить стариками.

«Памятка о Есенине», год издания 1926. Вот она, траурная, наспех отпечатанная брошюра. Неизвестные фотографии поэта, газетные сообщения о его трагической смерти, описание грандиозного митинга. Предлагается открыть в Москве и Ленинграде приюты для беспризорных детей

имени Сергея Есенина... Стихи, которые не успел напечатать.

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел...

«Меня тянет все ближе к Пушкину», — слова из автобиографии. Список опубликованных при жизни книг — впервые составленный, далеко не полный...

«Преображение», книга стихов и поэм Есенина. Она издана в первые месяцы Советской власти. На обложке читаем: «Московская трудовая артель художников слова», — так в духе времени именовалось издательство. И год издания книги обозначен не просто четырехзначным числом «1918», а по-новому, торжественно: «2-й год I века». Один экземпляр Есенин подарил человеку, у которого многому сумел научиться: «Дорогому Александру Александровичу с любовью и почитанием».

стулья, складной стол, лампа под абажуром на столе, часы с боем, а не ходики. Отец поэта, Александр Никитич, до революции работал в Москве приказчиком в мясной лавке. Отсюда и городская обстановка. В то время было принято мужчинам из села уезжать на заработки в Москву.

На Приречной стороне, наискосок от дома Есениных, стоит красивая, белокаменная Казанская церковь, построенная в 1779 г. Дальше был барский дом, окруженный красивым тенистым парком, —

дом Лидии Ивановны Кашиной. Образованная, умная и чуткая, Лидия Ивановна очень много значила в жизни Сергея Есенина. Она и стала героиней поэмы «Анна Снегина». После революции Лидия Ивановна отдала дом крестьянам. Сейчас в нем литературно-мемориальный музей Есенина. Бережно, с любовью собирают здесь письма, фотографии, книги, документы, год за годом рассказывающие о жизни великого поэта.

Посетители идут и идут к домику Есенина, приносят цветы,

смотрят на тополь, который поэт вместе с сестрой Катей посадил в 1924 году, разглядывают шубу-шушун матери, она висит на стене.

...Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне...

Написал он про эту шубу в стихотворении «Письмо к матери».

Сестры поэта вспоминали, что, когда Сергей Есенин приезжал, все в комнате он переставлял по-своему, везде — на подоконниках, на столе — появлялись книги, писал он всегда карандашом. А летом часто уходил в амбар, там и кровать его стояла, закрывался на сутки и работал.

Много сюда приезжает школьников. Спрашиваю: «Наверно, из Рязани? Из Москвы? Все-таки недалеко, от Рязани — час, от Москвы — 3,5 часа езды». Нет, говорят, из Читы, из Архангельска, из Вологды, с Украины, с Кавказа. На каникулах многие ребята работают, чтобы на заработанные деньги классом приехать сюда, в село Константиново, ставшее святым местом для всех, кто любит стихи Сергея Есенина.

О. ФИЛИПЕНКО
Рисунки автора

Они встретились в пятнадцатом году — лучший поэт России Александр Блок и совсем еще юный, никому не известный, приехавший со стихами, завернутыми в деревенский платок, Сергей Есенин.

Наступала весна. По улицам Петрограда еще мела поземка, была скована льдом река Пряжка, тополя возле дома Блока на ее берегу еще не освободились от снега... Есенин жизнерадостен, весел. Он весь — надежда. Он чувствует прилив сил, ему девятнадцать лет!.. А Блок устал, очень устал; мрачные мысли, на душе — тяжесть, разрыв с друзьями не так далек... Дневниковые записи тех дней: «упадок сил», «тоска», «усталость», «усталость»... И вдруг:

«Днем у меня рязанский парень со стихами».
«Стихи свежие, чистые, голосистые...»

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

.....
Слушают ракиты
Посвист ветряной...

Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

Быть может, эти, быть может, другие стихи он читал в тот день Блоку, а Блок внимательно слушал, а потом подарил свою книгу — «на добрую память» и помог советом. И написал рекомендательное письмо своим знакомым — важное, необходимое письмо — ведь пришел к нему Есенин прямо с вокзала.

Через год вышел первый сборник стихов, за ним — второй, третий, десятый... Вот они. Очень разные книги. Более двадцати книг издается при жизни Есенина. И в каждой главное то, что выразил он однажды простыми словами: «Я люблю родину. Я очень люблю родину!»

...За год до войны стихи и поэмы Есенина выходили в основанной А. М. Горьким серии «Библиотека поэта». В то время не изучали Есенина в школе, и книги его издавали не часто. Но знали, любили... Этот небольшой томик стихов легко помещался в карман гимнастерки. Многие потом уходили на фронт вместе с Есениным.

Такие у него были стихи. Такие книги.

С. НОСОВ

ДЕД ШИШКА

В маленьком домишке
На крутом пригорке
Жили-были гномы
Под зеленой елкой.
Рядом на поляне
Дедка Шишка жил,
С гномами веселыми
Он дружил.
Дедка Шишка — маленький,
Добрый старичок.
Носит он фонарик —
Яркий светлячок.
Ночью у речушки
Слышатся шаги.
Словно звезды яркие
Светят огоньки.

Марина Чернышева,
4 класс,
Пенза

Рисунки Н. Мельниковой

СЕМЬ ПОДВИГОВ ВО ИМЯ ЛЮБВИ

РАССКАЗ

Рюрик ШОРИН

Рисунки А. Борисенко

Тополек прижился, весной на нем зазеленели молодые, клейкие листочки. Саша ухаживал за ним, поливал водой, взрыхлял землю вокруг. Ребята во дворе были заняты другими делами: девочки играли в классы, мальчишки гоняли мяч.

Когда шел дождь, Саша сидел у окна и смотрел во двор: там росло его дерево. Мама звала Сашу обедать, и он шел на кухню, нехотя жевал обед и мечтал о том, как через много лет дерево вырастет и станет таким же большим, как клены в городском саду. А он, взрослый и самостоятельный, будет всем рассказывать, как когда-то взял из питомника молодой саженец и посадил у себя под окном, как укрывал его палыми листьями от зимних холодов и усердно ухаживал за ним весной. Все скажут, что Александр Васильевич хороший и добрый, а он промолчит, как и полагается скромному человеку, и не станет хвастаться.

Через год тополек подрос, он даже отбрасывал небольшую тень на газон. Саша ложился под дерево и смотрел, как ветер играет листьями.

— Сашка, что ты там разлегся, простудишься! — кричал конопатый Витька.

Оля, та, что жила на втором этаже и отличалась от всех девочек длинными косами, прозвала Сашу шизиком. Когда они встречались во дворе и вокруг были ребята, она кричала:

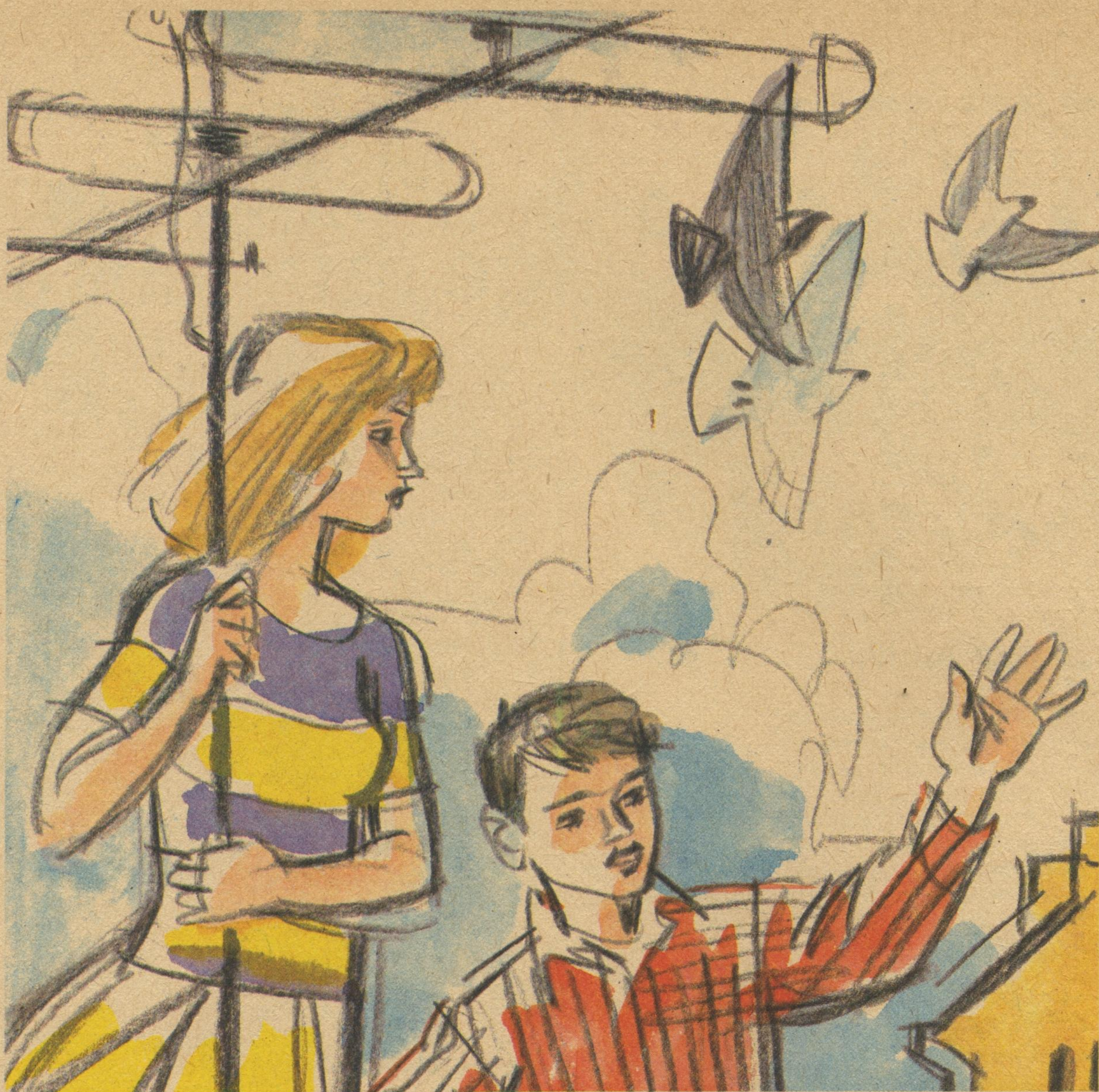
— Смотрите, шизик идет, опять будет загорать под своим кустом!

Сашу дразнили то садоводом, то садовником. Он обижался и лез в драку. Ему несколько раз досталось от большого и толстого Вадика, но зато его перестали дразнить.

Однажды кто-то из ребят повесил на деревце несколько консервных банок. Саша снял их и обмотал изолентой ссадины, оставшиеся от проволоки.

Через три года дерево было уже совсем большое. Весной дворник обрезал у тополя лишние ветви, а летом, когда поливал из шланга тротуары, не забывал брызнуть и на тополь. Лишь иногда, когда во дворе никого не было, Саша подходил к своему дереву, гладил ствол и говорил с усмешкой: «Растешь, глупое? Ну, расти, расти...»

Вечерами Саша приходил в беседку, здесь собирались большие ребята. Они курили, пели под гитару смешные песни и рассказывали о том, как целовались с девочками. Саша мечтал поскорее стать таким же большим.

Все ребята двора были влюблены в Олю со второго этажа, вместо кос у нее теперь по плечам волнились золотые пряди. Саше нравилось любоваться, как ими играет ветер. Саша не толкал ее, не швырял в ее окно камешки, он и глаз не мог поднять, когда она была рядом.

Осенью, глядя в окно, как серый ветер качает струи дождя и шевелит крону тополя, Саша догадался, что любит Олю, и сочинил стихи:

Угас костер и нет огня,
Тепло в душе моей остыло,
Я знаю, что любил тебя,
А ты, я знаю, не любила.

Потом долго смотрелся в зеркало и никак не мог определить, красив он или нет. Глаза большие, серые, нос курносый, рот большой...

Однажды он увидел Олю в беседке. Она сидела у дощатого стола и что-то писала в тетрадке. Саша быстро оделся и выбежал во двор. Когда он подошел и сказал: «Здравствуй, Оля», она испуганно оглянулась и закрыла тетрадку. Он сел рядом, уставился на ее облепленные песком туфли и сказал:

— Я тоже... я тоже люблю гулять один. Хорошо, правда?

— Да, и мальчишек во дворе нет, — ответила она, загибая край тетрадки.

— Может, в кино сходим, у меня деньги есть, — предложил Саша, не поднимая глаз, — рубль с мелочью.

— Давай сходим, — Оля засмеялась.

В кино Саша забыл, что рядом сидит Оля, он смеялся на весь зал, потому что фильм был смешной, и свистел, когда погас экран. Взрослые на него оглядывались, а Оля хихикала, делая вид, будто с ним незнакома. После кино Саша купил два мороженых и они их съели на скамейке городского сада. Теперь он уже не боялся смотреть на нее и говорил не переставая: рассказывал про свою коллекцию спичечных этикеток и про то, как станет поэтом, когда вырастет (совсем недавно он решил, что будет поэтом), и даже решился прочитать свое первое стихотворение.

А вечером после ужина он придумал несколько комплиментов, чтобы сказать их Оле. Больше всего из них ему понравилось два: «Твои волосы напоминают мне колосья пшеницы», «Ты похожа на Афродиту».

В школе Саша получил две двойки, но не расстроился. Ведь сегодня в синих лужах отра-

жалось солнце и облака, золотистый воздух был ленив и ласков, ворошил паутинками и листвою.

Оля пришла с опозданием, села рядом и спросила:

— А сегодня куда пойдем, опять в кино?

— Нет, на чердак.

— Куда?!

— На чердак нашего дома, — пояснил Саша, — оттуда видно парк, и реку, и весь город.

— Мы там испачкаемся.

— Да, но зато... город, реку, парк...

Окно на чердак было заколочено, Саша попробовал отодрать доски, но не смог, и предложил забраться на крышу.

— Там ведь страшно, — сказала Оля.

— Ни капельки.

Ржавая жесть гремела под ногами, из глубины доносился однообразный гул города, а вокруг простирались разноцветные, то крутые, то покатые крыши соседних домов. Саша решил, что настало время произнести один из придуманных вчера комплиментов, но никак не мог вспомнить. Оля стояла посреди крыши, испуганно держась за антенну. Он ходил вокруг, изображая на лице бесстрашие, и наконец произнес торжественно и нараспев:

— Ты похожа на Афродиту.

— Какую еще Афродиту?

— Это женщина была такая, очень хорошая.

— А ты точно шизик, — с усмешкой сказала Оля.

Саша обиделся и пошел к люку.

— Не бросай меня, — сказала Оля, — иди же сюда!

— Ну что еще? — пробурчал Саша.

— Поцелуй меня, — она закрыла глаза.

— Чего?

— Поцелуй меня, — повторила она шепотом. Он клюнул ее в щеку.

— Понравилось?

Она пожала плечами:

— Пойдем во двор. Мне здесь надоело.

На следующий день, вернувшись из школы, на двери своей квартиры он увидел надпись: «Здесь живет Сашка Петров, жених Ольги Лохиной!» Он стер эти слова и пошел к Оле. На ее двери тоже была надпись: «Здесь живет невеста Сашки Петрова!» Он принялся стирать и ее, но не успел, дверь отворилась.

— А я-то думаю, что за кошка ко мне скребется, — сказала Оля с лукавой улыбкой.

— Да вот дверь решил тебе протереть.

— Ну, заходи, музыку послушаем.

Она провела его в свою комнату, усадила в неудобное кресло и поставила пластинку Челентано. Стала танцевать, да так ловко, будто иностранная певица по телевизору. В перерыве между песнями надела темные очки и мазнула по губам перламутровой помадой.

— А ты что сидишь, давай вместе!

Следующая песня была медленная.

— Я не умею медленные, — попытался Саша перекричать Челентано.

— Чего?

Он отрицательно покачал головой. Оля со-

строила кисло-презрительную гримасу, выключила проигрыватель.

— Скучный ты, оказывается. Что же тогда с тобой делать? Чай пить или семейный альбом показывать?

— Покажи.

— Ну, если тебе интересно... — она принесла ему альбом.

Он стал делать вид, что увлекся им, а сам все думал о том, кто же написал на дверях гадкие слова.

— Это мама молодая, — объясняла Оля, — а эту тебе смотреть нельзя, — и закрывала ладонью фото, где была снята в купальнике на фоне моря.

И тут за окном кто-то закричал:

— Сашка, Сашка! Мы знаем, что ты у Ольки, женишок!

— Это Вадик, — сказала Оля, — тихо сиди, покричит и уйдет.

— Ну что же ты, под кровать спрятался?! — не унимался Вадик.

— Сиди! — Оля держала Сашу за руку.

Он вырвался, распахнул окно. Вадик стоял в окружении мальчишек; увидев Сашу, они захохотали.

— Вот он, жених номер один! — воскликнул Вадик.

— Уходи отсюда, а то я выйду... — закричал Саша.

— Ты-то?! Женишок! Выйди, попробуй, — Вадик плюнул на асфальт и растер ногой.

— Ну увидишь сейчас, — Саша захлопнул окно и побежал во двор.

У подъезда его уже поджидали, Вадик стоял, широко расставив ноги и спрятав шею в толстые плечи, руки были в карманах.

— Вылез все-таки, — усмехнулся он и замахнулся рукой. Но Саша увильнул от удара и тоже замахнулся. Теперь Вадик увильнул. Оба они размахивали руками, но не попадали друг по другу.

— Стойте! — закричал кто-то с баскетбольной площадки. Девятиклассник Игорь, огромный, похожий на шерифа из ковбойского фильма, грозил кулаком.

— Вот я вас, боксеров!

Все бросились врассыпную. Только Саша не торопился. Он медленно вошел в парадную и стал не спеша подниматься по лестнице. Оля подхватила его под руки и повела в квартиру.

— Ну ты и дал ему, я из окошка видела. Надо же... — приговаривала она, отпаивая Сашу холодным чаем с кубиками льда из холодильника.

— Ты это ради меня?!

— Да, — сказал он.

— Ты, значит, меня любишь? — спросила она.

— Угу. Наверное...

— Врешь, это ты, чтобы над тобой не смеялись, как тогда, из-за дерева, помнишь, все дрался с Вадькой, а он тебя бил.

— Наверное...

— А вот ради меня, ради любви, ты мог бы совершить подвиг?!

— Конечно. Хоть сто подвигов, — Саша слабо улыбнулся и вытер пот с лица, — налей еще чаю.

Оля побежала на кухню, вылила в пиалу весь оставшийся чай и бросила в него несколько кубиков льда. Поставив пиалу на ладонь, на вытянутой руке понесла Саше.

— Какой подвиг я должен совершить? — поинтересовался он.

— Сейчас придумаем, — Оля посмотрела в потолок, — а можешь ты, к примеру, спуститься по канату из моего окна?

— Спокойно.

— А съесть десять эскимо за раз?

— Хоть двадцать.

— А на руках пройти вокруг дома?

— Не пробовал, но если потренироваться...

— Какой же подвиг выбрать? — задумалась Оля.

— А ты напиши на бумажках все, какие придумаешь, а я вытащу наугад, какой выпадет — тот и совершу.

— Идея! — обрадовалась она. — Я так и сделаю. Нужно нарезать семь бумажек.

— Почему семь?

— Ну, потому что семь — число счастливое. Всегда ведь по семь берут: седьмое небо или семь чудес света...

— Семь так семь, — согласился Саша.

Шесть подвигов Оля придумала сразу, но седьмой, по ее мнению, должен быть невыполнимым. «Спрыгнуть с крыши? — думала она. — Ну, это не подвиг, а самоубийство. Руку мне поцеловать? Нет, это унижение». И тут вспомнила про Сашино дерево. Даже вскрикнула от радости и написала на седьмой бумажке: «Срубить тополь под своим окном». Свернула бумажки трубочкой, бросила в мамину норковую шапку, торжественно преподнесла Саше и объявила:

— Тяни свой жребий!

Поискав в шапке, он вытянул одну из бумажек и, развернув ее, долго читал про себя, шевеля губами.

— Что там? — спросила Оля.

— Я не могу это...

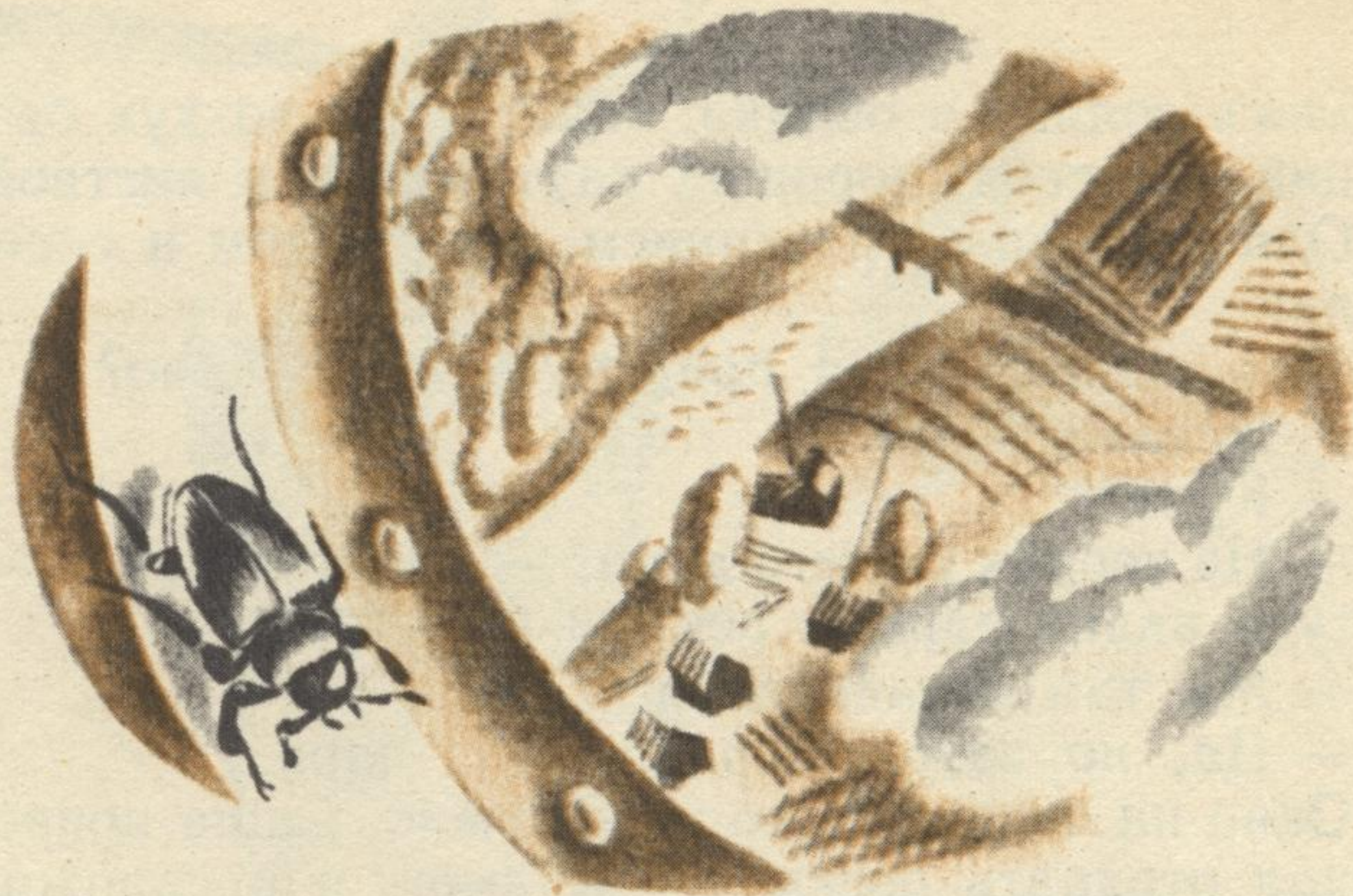
— Не можешь? Ну и не надо. Я не настаиваю. — Оля уселась в кресло, положила ногу на ногу, допила чай из пиалы. Саша заметил, что она покраснела. Он не мог понять, стало ей стыдно или она обиделась.

— Да и рубить нечем, — пробормотал он.

— Есть охотничий топорик. Папин...

Тополек уже совсем голый качался на ветру, и Саше стало жаль его. Он погладил ствол рукою, посмотрел на разлитые кругом лужи, зачем-то расстегнул и опять застегнул ворот рубашки. Поднял глаза к Олиному окну и увидел среди серебристых отражений ее красивое лицо. Оля ждала. Он помахал ей рукой, одним ударом срубил тополе и отбросил в сторону. И несколько раз рубанул по нему, как бы добивая ради Оли то, что когда-то любил и защищал.

...В унылом ноябре Саша увидел, как Оля прогуливается под руку с парнем из соседнего двора. Это был Игорь, похожий на шерифа из ковбойского фильма. Показав на Сашу, она что-то сказала Игорю. Тот смерил Сашу недоумевающим взглядом и повел ее дальше.

В САМОЛЕТЕ

М. ВЕЙЦМАН

Жук — в самолете!

В крылатом — крылатый,
неведомо как

очутившийся тут,
расправивший крылья,
над облачной ватой,
где воют винты

и цветы

не растут.

В летящем — летящий,
в блестящем — блестящий,
над лугом,

над чащей,

над сонной Москвой.

Не очень красивый —

зато настоящий!

Не очень счастливый —

однако живой!

ЧЕРНЫЙ ОМУТ

С. СКАЧЕНКОВ

Черный омут, Черный омут —
Страшно называется.

В этот омут сто черемух

Смело окунаются.

И от этих от черемух

Под весенним ветром

Этот омут, Черный омут,

Делается светлым!

Рисунок К. Почтенной

В ГОРОДКЕ ВСЕ СПОКОЙНО

За контрольно-пропускным пунктом (в армии его называют КПП) небольшая асфальтированная улица. По два с каждой стороны стоят четырехэтажные жилые дома. Невдалеке клуб, магазин, школа. Это городок воинской части. Вокруг — сосновый бор.

На крыльце школы стоит маленький круглолицый, веснучатый мальчишка. В воинской части все друг друга знают. Новые люди появляются не так уж часто. Мальчишке очень интересно, кто я и зачем пришла. Он тут же меня об этом спрашивает и тут же сообщает, что пионервожатая будет через полчаса, что самого его зовут Вовка Бородин, учится он в первом классе, что в бору, за речкой, есть танкодром. Ребятам ходить туда запрещается. Но не все слушаются. Сам он не раз бывал на танкодроме, и не попало ему. Даже на танке катали и управление разрешили потрогать.

Еще я узнала, что Вовка будет танкистом. Что не только отец, но и дед у Вовки военный, но уже демобилизован, то есть на пенсии. А еще Вовка расска-

зал про Диму Маркова, знаменитого школьного политинформатора, который всегда побеждает в районных политконкурсах. И про Юлю Розову, дочку завуча Татьяны Николаевны, Вовкину одноклассницу и соседку. Юлю он уважал за самостоятельность.

Когда Юле было четыре года, а ее сестре годик, мама позвала Юлю и сказала: «На работу выходить пора, а яслей нет, сама знаешь. Управишься с Настей, пока я в школе? На переменках прибегать буду». И Юля управилась. Она со всем управляется.

Одним словом, к приходу пионервожатой я уже много чего знала.

Школа — двухэтажная, просторная — в каждом классе всего человек по десять учатся. Везде цветы, чистота. Мне понравилось, как проходил дружинный сбор: четко и красиво, торжественно и энергично.

— Что же удивительного? — сказала пионервожатая. — Это же дети военных!

Школа работает и после уроков — весь день. В пионерской

я познакомилась с Оксаной Риндой и Димой Марковым — «знаменитым школьным политинформатором». Они оформляли толстенный альбом — «Хронику школьной жизни». Оксана рисовала и наклеивала фотографии, а Дима писал, как прошла «Зарница».

— В некоторых школах «Зарница» проводится в физкультурных залах, — сказал Дима. — А у нас в лесу. Мы делимся на два отряда, ищем по ориентирам пакеты с заданиями и идем разными маршрутами к высоте со знаменем. Нужно преодолеть «зараженную зону» и «минное поле». На привалах разжечь костер, выпустить «Боевой листок», разобрать и собрать оружие. Старшим дают попробовать стрелять из автомата. А потом приезжает полевая кухня с котлами гречневой каши и компотом. Одним словом, настоящая военная игра.

— Видите, это Дима снимает знамя, оно было на елке, — показала мне фотографию Оксана. — Сначала все закричали — «Ура!» — и на елку полезли человек десять. Но май-

ор Бородин сказал: «Отставить! Пусть лезет самый ловкий».

— Любой мог бы забраться, — смутился Дима. — Посмотрите лучше эту фотографию. Это Андрей Петрович Бородин. Это он каждый год зарабатывает этапы «Зарницы». А это Вовка, его сын.

Ну, с Вовкой-то я уже познакомилась.

Потом мы с пионервожатой пошли в зал, где репетировала агитбригада. Лена Логинова сидела за пианино, подбирала музыку к представлению. Несколько человек обклеивали бумагой большие кубы и цилиндры — декорация. А Юра Макушкин кричал: «Где Вовка Бородин? Кто видел Вовку?»

— А зачем вам Бородин? Куда ни приду — везде про Вовку слышу.

— Он Мальчиша-Кибальчиша играет, — объяснил Юра. — А говорят про него, потому что прославился.

Они удивились, что я не знаю, чем «прославился» Вовка, и пионервожатая рассказала:

— Месяц назад пошел Вовка в лес с Максимом Куценко — он второклассник и со Славиком Корном — этому всего пять лет. Ну, и заблудились. Матери их искали, потом побежали к дежурному по части. Тут же послали солдатские патрули дороги осматривать, а отделение — лес прочесывать. В двенадцать часов на поиски вышли все офицеры, не занятые на службе, и рота солдат. А в два ночи по «тревоге» подняли весь гарнизон. На улице был ливень. Восемькилометровая цепь людей шла по лесу с фонарями. И на машинах людей забросили за десять километров — они двинулись навстречу. Утром дождь кончился, а ребят обнаружил капитан Айвазов, он на машине дороги объезжал. Идут по обочине — улыбаются. Сухие. Как ни в чем не бывало! Юра, ты же ходил искать ребят? Как это было?

— Я просился с отцом — мама ни в какую! А отец надевает плащ-палатку. И мне другую дает. Ну, и побежали. Дождь — стеной. Небо от молний на куски разрывается.

Идти тяжело: буреломы непроходимые, малинники. Кругом гремит, воет, стонет. И кажется, дети где-то плачут и кричат. Нашли их уже утром, с солнышком. Но повезло не мне. Не то, чтобы хотелось геройский поступок совершить... Главное было найти побыстрее, страшно было за ребят. А все равно думал: загляну за ту корягу, а они там! Все равно очень здорово, что отец взял меня. Обычно у нас в городке все спокойно, происшествий нет. Бывают учебные «тревоги», но они не для ребят. А эта «тревога» была настоящая. Еще бы — пацаны потерялись...

— У нас в лесу и волки, и кабаны, — добавила Таня, Юрина сестра, — вот еще почему боялись. В прошлом году рысь повадилась вокруг части ходить. Прапорщик у нас есть, Виктор Викторович, он ее неделю по ночам караулил с фонарем и автоматом.

— Да, переполоху они наделали, — сказала пионервожатая. — Но молодцы. Не испугались, в панику не ударились. К ночи шалаш сделали: собрали ветки и шатром поставили к стволу ели. А сверху — зонтик из еловых лап. Дождь туда не попадал, они даже не знали, что гроза была. И тепло, говорят, было: обнялись, прижались друг к другу и спали. Вот такие они, дети военных...

Теперь пионервожатая хотела показать мне кружок макраме Нины Криновой, восьмиклассницы. Кружку уже два года, а увлечению Нины еще больше. Родители ей всякие книжки про макраме достают, вырезки из журналов делают. Сам капитан Кринов, когда в городе бывает, в библиотеку заходит, из немецкого журнала заметки про макраме переводит и для Нины записывает.

В кабинете физики сидели девочки с мотками веревки и шнура. И среди них, плетущих больших и маленьких сов, кашпо для цветочных горшков и коврики, был один мальчишка. Он ничего не плел, а просто смотрел. И был это ни кто иной, как Вовка Бородин.

Дальше по школе пошли с ним вместе.

— Страшно было, когда в лесу заблудились? — спросила я.

— Не-а, — ответил Вовка, ничуть не удивившись вопросу. — Мы пошли дорогу искать.

— А волков не боялись?

— Не-а. Мы про них не думали.

— Есть, наверно, хотелось?

— Ягод поели. Малины, брусники. В лесу не пропадешь.

— И никто не плакал?

— Не-а, — сказал Вовка, помолчал немного, потом уточнил: — Славик плакал. И Максим. Сначала. Потом — нет. А я не плакал. Командиры не плачут.

— Почему же ты был командиром? Максим старше.

— А у меня были погоны. Мама в тот день перешивала отцу, а я почему-то положил в карман старые. Когда Максим заплакал, я достал погоны и сказал, что буду командиром и поведу их.

Из воинской части я уезжала на «газике». На крыльце школы стояли учителя, и пионервожатая, и Дима, и Оксана, и Нина, и Юля с собакой Кляксой, и Вовка. С каждым я прощалась. Когда подошла очередь Вовки, он прошептал:

— Я что-то хочу вам сказать. — Мы отошли к машине, и он снова зашептал: — Вы тогда спрашивали, а я не признался... Я плакал тогда. Ночью. Проснулся — гремело и молнии. Страшно очень было. А ребята спали. Я подумал тогда, что мы никогда не найдем дорогу и заплакал. Но этого никто не видел.

«Газик» мчал меня к городу. Синей лентой летело шоссе в сосновом бору. Месяц назад где-то там, в чаще, блуждал маленький Вовка с товарищами. Терял надежду выбраться из лесу и снова бодрился, нащупывая в кармане отцовские погоны. И не плакал, потому что командиры не плачут. Во всяком случае, никто не видел его слез. А еще я все время вспоминала слова пионервожатой: «Что же удивительного? Дети военных...»

Е. АЛЕКСАНДРОВА
Рисунок А. Лямина

ЧЕМПИОНАТ: 3-Й ТУР ФИНАЛА

Чемпионов и чемпионку АРЧЕБЕКА, а также остальных победителей соревнования разведчиков 1985 года определит этот тур. Каждая из его позиций даст 15 очков. А как исправить промах, допущенный в разрядных турах? За 10 недобранных там очков требуется решить: сдающим на 4-й разряд — четыре позиции, сдающим на 3-й — пять, на 2-й — шесть.

Все ясно? Можно начинать!
ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кре6, Ле1, п. е7; черные: Кре8, Се5.

Б. Белые: Крд2, Лб2, Сф6, п. е4; черные: Крс4, пп. с5, d4, е6.

В. Белые: Крб1, Фа7, Сб5, п. с3; черные: Крп1, пп. g2, h2.

Г. Белые: Крг7, Ла6, Лс6, п. d6; черные: Кре8, Фб7, п. d7.

Д. Белые: Крд1, Ч4; черные: Крб2, Ка4, п. а3.

Е. Белые: Крд2, Са4; черные: Крф2, Кф5, п. h2.

Цель разведки: А, Б, В — выявить, во сколько ходов дается мат; Г, Д, Е — выявить результат белых: выигрыш? ничья? проигрыш?

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: Д. а5, d4, пр. с5; черные: Д. е1, пр. а7, f4.

Б. Белые: b2, b4, е3, h4; черные: с7, е7, f6, h6.

В. Белые: Д. h8, пр. h6; черные: пр. а5, b6, с5, е7.

Г. Белые: пр. а5, е5, f4; черные: Д. а7.

Д. Белые: а3, а7, b4, с3, е3, f4; черные: b8, с5, d6, d8, f6, g7.

Е. Белые: а5, с1, с3, е1, е3, g1, g3; черные: а7, b8, с5, е5, е7, g5, g7.

Цель разведки: А, Б, В, Г, Д, Е — установить, в каких позициях белые могут одержать победу, в каких — нет, и почему.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 26, 28, 32, 37, 40, 41, 42, 45, 47; черные: 2, 7, 8, 9, 13, 16, 20, 30, 31.

Б. Белые: 18, 19, 29, 32, 38, 40, 45, 47; черные: 8, 9, 10, 11, 20, 21, 35, 36.

В. Белые: пр. 21, 24, 45; черные: Д. 7, пр. 6, 8.

Г. Белые: 9, 19, 30, 47; черные: 25, 29, 33, 37.

Д. Белые: Д. 46, пр. 10, 14, 20; черные: Д. 3, пр. 13.

Е. Белые: Д. 41, пр. 15, 37; черные: пр. 5, 22, 26, 27.

Цель разведки: А, Б, В, Г, Д, Е — определить исход игры.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крг1, Сс4, п. d6; черные: Крг6, Сф5. Возьмешься ты провести белую пешку в ферзи? Или считаешь, что черные смогут не допустить этого?

Так как это твое последнее боевое задание, то теперь ты должен: а) отправить рапорт № 10, б) спустя три дня послать просьбу о переводе тебя в разведчики и свой «Листок учета», в) ждать ответа шахмат-адмирала.

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Что такое кооперативный мат? — спрашивает Сережа Крупин.

В обычных задачах черные вступают с белыми в борьбу. А в задачах на кооперативный мат черные не сопротивляются. Наоборот: они помогают белым дать мат черному королю! Здесь обе стороны действуют сообща, кооперативно — отсюда и название «кооперативный мат».

Вот задача (см. диаграмму) на кооперативный мат в 4 хода. Решим ее (в таких задачах всегда начинают черные).

1. Фд2+ Кр!h5 (смысл хода черных и ответа белых раскроется дальше).

2. Крс2! (черный король сам спешит на то поле, где белые смогут объявить ему четвертым ходом мат).

2... Крг4 3. Крд1 Крф3 4. Крел Лh1X.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. Выигрыш — 1.Cd6 Лd4+ 2.Kph5 Лg4 3.Cf4+; 1... Лh1+2.Ch2 Л:h2+ 3.Kpg3. Б. Ничья — 1.Kph1! Кре2 2. Крг2 Кре3 3. Крг3 и т. д.

РШ. А. 1.e5 cb4 2.d6! и 3.a3X. Б. 1.d4! 2.c5! 3.f2 4.c3 5.d2X.

МШ. А. 41! 2.32!X. Б. 1.22 2.2 3.38!X. Резерву. 1.Ла8!

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

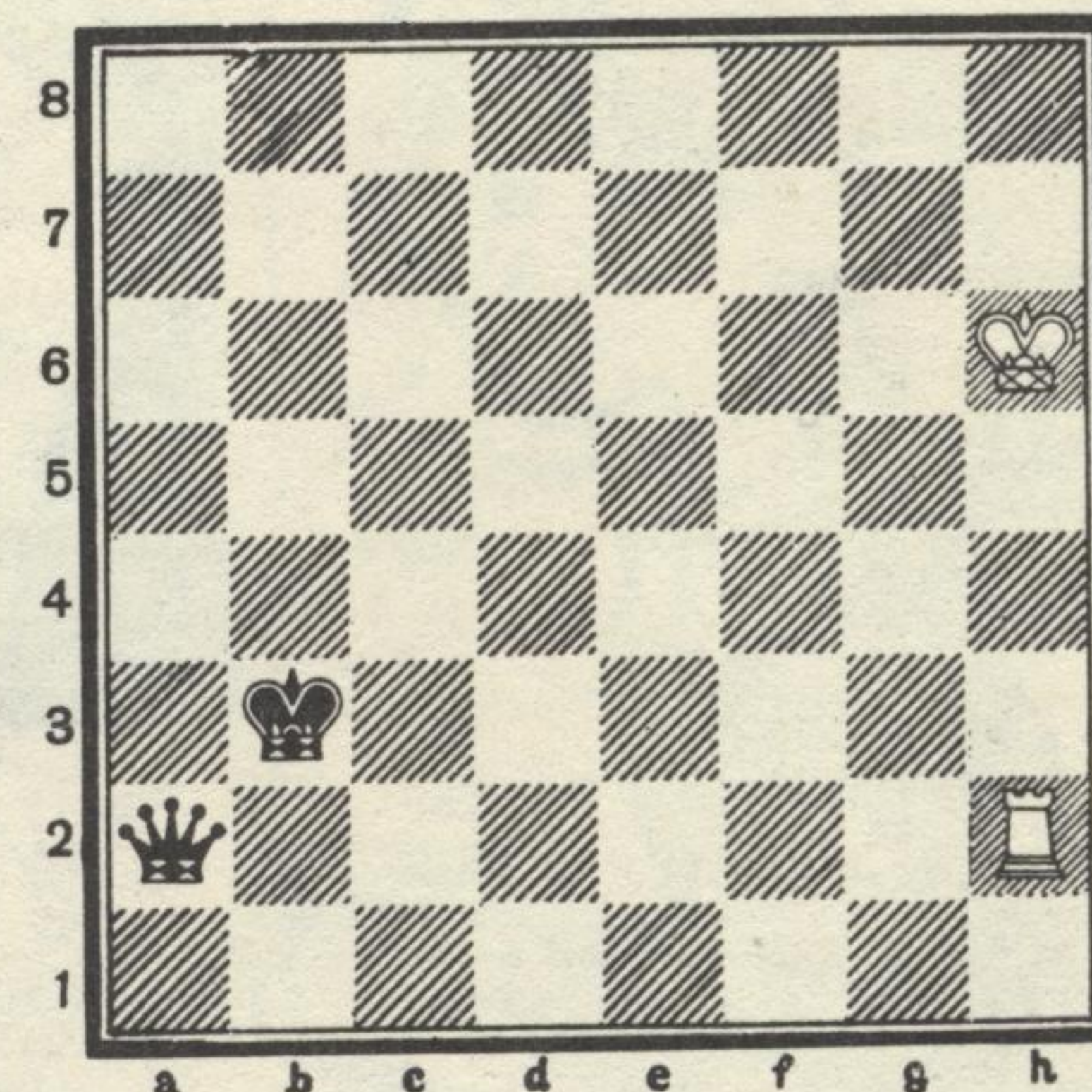
§ 1. Всем архебековцам отправить рапорты в любой (на выбор) из сроков: а) до 1 января, б) в течение двух недель со дня получения журнала по подписке.

§ 2. Итоги Чемпионата-85 объявить в «Костре» № 5, 1986 года.

§ 3. Выполнявших классификационные нормы представить к присвоению спортивных разрядов, а победителей Чемпионата наградить.

§ 4. Всем доблестным разведчикам — участникам Чемпионата-85 и всему личному составу Отряда резерва объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ВЕСЁЛЫЙ ЗВОНКО

Составил и оформил Л. Каминский

Позавчера меня не спрашивали, вчера — тоже, а сегодня уже запросто могут спросить. Внеклассное чтение, например, могут спросить. Я сидел и гадал: кого спросят — меня или Антонова. Если Элла Петровна сверху по списку начнет, тогда Антонова, а если снизу — то меня. Потому что моя фамилия на «Щ» начинается — Щукин. А после меня уже никого по списку и нет.

Но Элла Петровна ни меня, ни Антонова не вызвала. И вообще журнал не открывала. А велела нам приготовить тетради и писать сочинение на тему «Как я провел лето».

Я открыл тетрадь, написал название «Как я провел лето» и задумался. А, собственно, как

я провел лето? Так сразу и не скажешь! Это надо вспомнить как следует, чего было больше — хорошего или плохого.

Первую смену я в лагере провел. Так? Так. Там мы в поход на два дня ходили. Это хорошо. Правда я в походе простудился и остаток смены в постели провел. Это плохо. Но все-таки хорошо, что я в походе простудился, а то вон Юрка Соколов, тот еще до похода простудился и вообще в поход не ходил.

Потом мы с мамой на юг к морю ездили. Это хорошо. Вот только у меня там надувной круг волнами за горизонт унесло, и я чуть не утонул. Это плохо, но зато я потом без круга плавать научился и теперь могу сам за горизонт сплывать. Это, по-моему, очень хорошо.

А потом я на даче с бабушкой жил. Это хоть и не юг, но тоже ничего. Там ребят было много. У нас даже футбольная команда была. «Мечта» называлась. Мы с соседним пионерлагерем играли. 8:1 проиграли. Это плохо, конечно, но один гол я забил! Меня все обнимали и целовали, как настоящие футболисты. Это хорошо.

А потом бабушка варила варенье. Это уж и вовсе хорошо. Даже отлично. Потому что вкусно. И уж когда я про варенье вспомнил, так сразу взял ручку и написал: «Лето я провел хорошо».

И поставил точку. А потом подумал и над точкой палочку поставил. Чтобы получился восклицательный знак.

Михаил БАРТЕНЕВ

Небо. Деревья. Седая старушка
С сеткой в руках. Там батон и ватрушка.
Остановилась зеленая «Волга».
Люди автобуса ждут очень долго.
Солнце. Ребята из детского сада
Вышли гулять — им учиться не надо.
Влезла на дерево рыжая кошка.
...Жаль, отсадили меня от окошка!

Елена Дюк

Конкурс

„И все засмеялись!“

Уважительная причина

Анна Григорьевна вошла в класс и спросила у дежурного Вовы:

— А почему отсутствует Курочкина? Ты не в курсе дела?

— У нее уважительная причина, — ответил Вова. — Вот, она даже записку прислала.

Учительница развернула записку и прочла:

«У меня болит голова и проболит до понедельника».

И все засмеялись!

Вася Бобров,
5 класс,
Грязовец
Вологодской области.

Неразлучные друзья

Шел урок литературы. Учительница вызвала Васю Горюнова и сказала:

— Приведи нам, пожалуйста, пример преданной, искренней дружбы между двумя литературными героями.

Вася некоторое время стоял, уставясь в потолок, потом нерешительно произнес:

— Эти, как их, Кот Базилио и Лиса Алиса...

И все засмеялись!

Лена Скрипкина,
8 класс,
п/о Никитиха
Витебской области

Удивительная няня

Вот как одна наша одноклассница рассказывала о детстве А. С. Пушкина:

— У маленького Саши была очень хорошая, добрая няня Арина Родионовна. По вечерам она рассказывала Саше стихи и сказки Пушкина.

И все засмеялись!

Е. Кириллова
и Н. Иванова,
Вологда

На уроке немецкого

Учительница вызвала Грекова Мишу и спросила:

— Как будет по-немецки «зимнее пальто»?

— Я не помню, как по-немецки «зима», — сказал Миша.

— «Винтер», «винтер», — стали подсказывать сзади.

— «Винтерпальто!» — бодро выпалил Греков.

И все засмеялись.

Света Беттигер,
6 класс,
Тосно
Ленинградской области

Немного напутал

Это произошло во втором классе. Валентина Ивановна зачитывала оценки учеников и рассказывала, какие ошибки допустили ребята в словарном диктанте. Оказалось, что один ученик вместо слов «утренняя почта» написал «внутренняя почка»!

И все засмеялись.

Маша Каминская
и Яна Усова,
3 класс,
Ленинград

ИЗ НЕПОЛНОГО СОБРАНИЯ ШКОЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ

Из-за шума падающего дождя ничего не было видно.

У дедушки Кашкина была борода с морщинками.

Табрик был худощавого роста.

Мальчик бросил камень в корову и попал в крыло.

ОТРЫВКИ ИЗ СОЧИНЕНИЙ ПРИСЛАТИ:

ВАНЯ АЛЕКСАНДРОВ (г. ЧЕЛЯБИНСК),
САША ЖОЛУДЕВ (пос. СПЛАВНОЙ КРАСНОЯРСКОГО КР.),
ОКСАНА ПАСИЧНИК (ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛ.),
АНДРЕЙ ГАЙДУКОВ (г. КИЕВ).

Выходит
под редакцией писателя
Н. СЛАДКОВА

ОКТАБРЬ

Лес опустел. Ветер обрывает последнюю пожелтевшую листву. Ветер гонит золотую поземку по тропинкам, намечает золотые сугробы под кусты и ели. Скоро, скоро ударят и первые заморозки. А пока еще стоит затихший лес, словно отдыхая от долгого и жаркого лета, от шума и гомона птичьих голосов, от грибников и ягодников...

ЛИСТОЧЕК

Раньше я не задумывался, отчего издревле на Руси бруснику настаивали. Иной раз целыми бочонками. Полагал, что просто вместо кваса. Одно только удивляло — на сырой воде настояна ягода, а месяцами не киснет.

И так бы я остался в неведении, когда бы однажды не забрел на лесное болотце, где осенью, помню, было красно от брусники. Забрел и погрузился немного. С осени круто изменился лес. Лиственные деревья траурно чернели стволами. Хвойные укутались в снежные шубы. Оно, конечно, по-своему красиво, но мертво. И тишина кругом, как на кладбище. А под снегом — я хорошо себе представил — похоронена прошлогодняя трава. Опечаленный картиной этой, я уже обратно повернул, когда заметил под ногами зеленое блестящее пятнышко. Наклонился — листочек. Притянул я его к себе, а он на упругой веточке. Не дается! Из любопытства разгреб я снег и ахнул. На веточке-то все листочки зеленые! Будто на дворе не зима, не весна даже, а макушка лета — июль. Чей бы вы думали, листочек? Брусничка! Легко быть вечнозеленым в субтропиках. Там все помогает: солнце, дожди, земля. А тут, в северных снегах, какую для этого силу надо иметь? Древние-то предки наши не зря, выходит, брусничные настои пили. Большая жизненная сила в этой ягоде накоплена. Недаром даже под снегом листья у нее — зеленые.

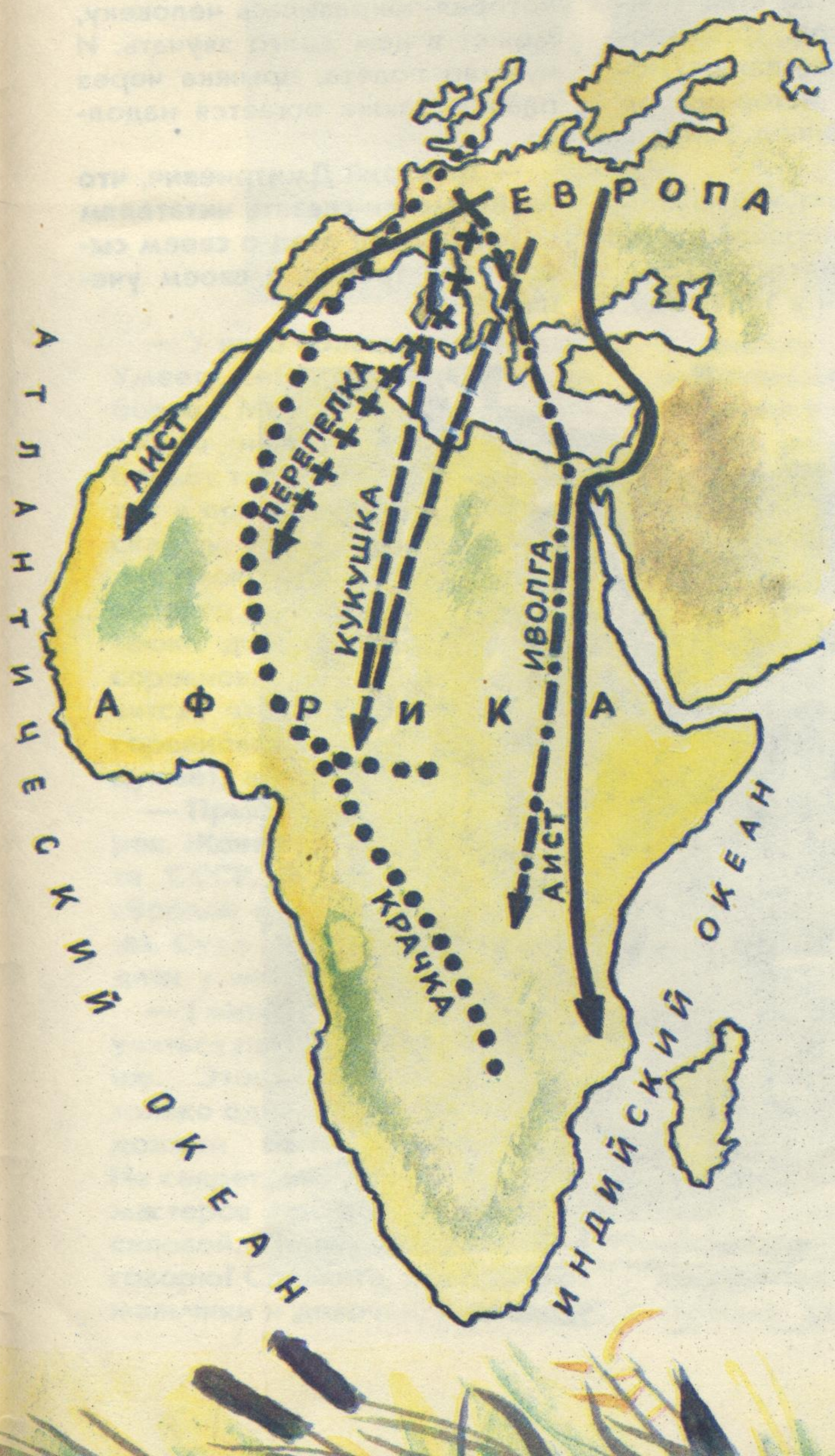
Ю. КАЛИНИН

Оформление Т. Панкевич

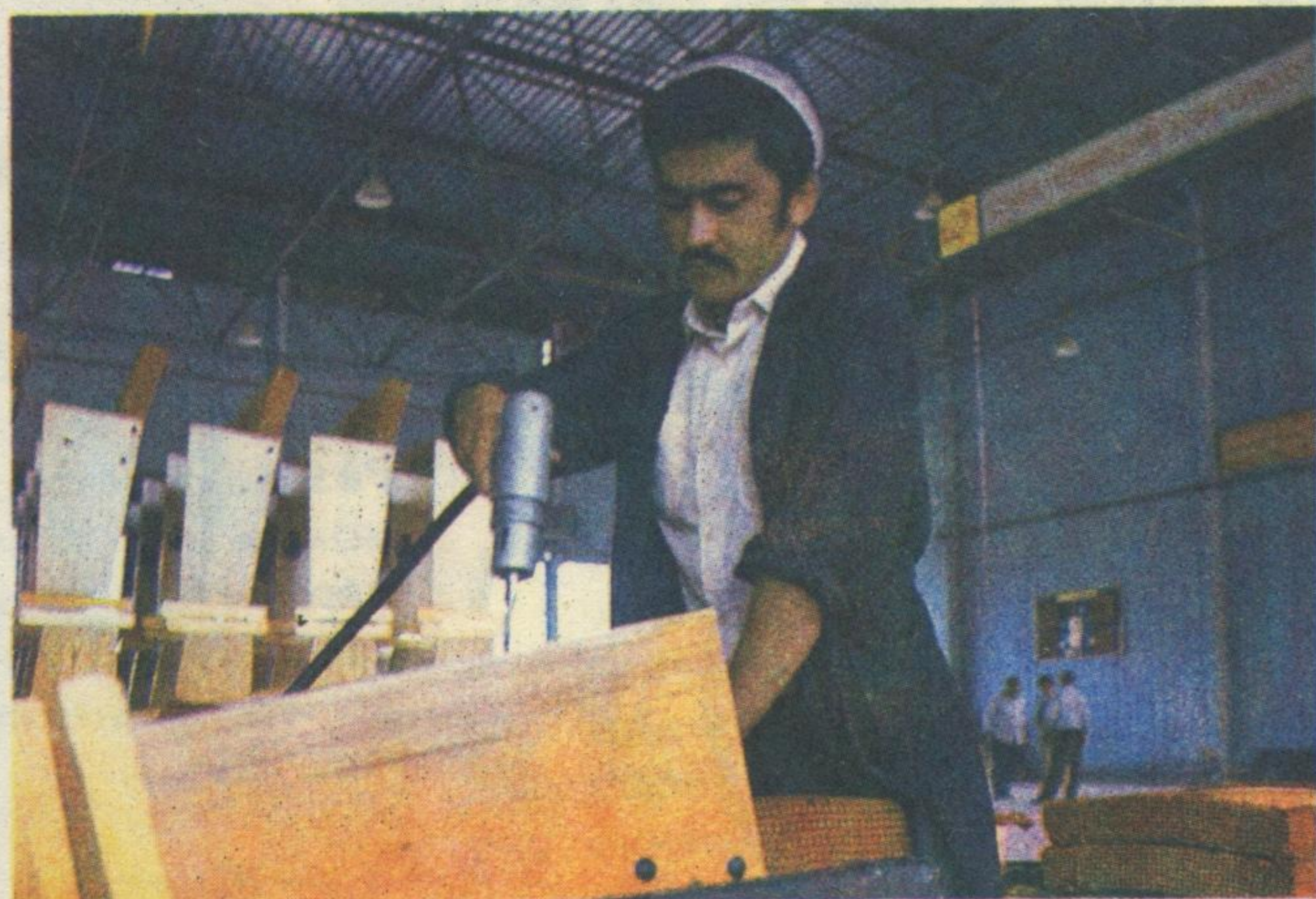
„Птичья карта“

Конечно, это не карта, которой пользуются птицы. Хотя ученые считают, что общие очертания суши, морских берегов, озер, рек — словом, «птичья карта», по которой перелетные путешествуют на юг и обратно тысячи и тысячи лет, — хранится в птичьей памяти...

Карту с маршрутами перелетов аиста, перепелки, кукушки, иволги, крачки составили ученые. Зачем она нужна? Чтобы помочь выжить птицам на их, подчас нелегком, пути. Птичьи маршруты должны знать и пилоты самолетов, и конструкторы телевизионных башен и прочих сооружений. И даже строители газовых и нефтяных вышек: птицы часто гибнут в газовых факелах, разбиваются об ажурные конструкции башен, сталкиваются с взлетающими самолетами. Кроме того, на маршрутах птичьих стай запрещают охоту и стараются охранять места кормежки и отдыха пернатых.

29 октября — День рождения комсомола

Кто с металлом любит работать, кто с глиной, кто со стеклом... Мухамеджан Таджибаев предпочел дерево. Станочники настрогают заготовок: бруски, рейки, боковинки, планки... А столяр Мухамеджан соберет из них книжную полку. Или целый книжный шкаф. Еще у них в Куве на мебельной фабрике делают школьные парты и многое другое.

Зухра хорошо помнит, как пришла первый раз на ферму. Она была маленькой — еще в школу тогда не ходила — и коровы показались ей очень большими. И страшными — какие у них рога! А одна — самая большая! — повернула голову и стала пристально рассматривать Зухру. Зухра схватилась за мамину руку. А мама засмеялась: — Не бойся.

Зухра осмелела:

— А можно мне подоить ее?

Вся ферма сбежалась смотреть, как маленькая Зухра будет доить большую корову.

Сегодня Зухра Ниязова — лучшая доярка в колхозе. Хорошо работает, ловко, быстро — быстрее всех. В чем секрет, Зухра? Она пожимает плечами: никакого секрета нет. Ее мама так работала.

Столяр Кувинской мебельной фабрики Мухамеджан Таджибаев и доярка Зухра Ниязова из колхоза имени Калинина недавно стали лауреатами премии Ленинского комсомола Узбекистана.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

НАШИ НОВОСТИ

Управление легкой атлетики Спорткомитета СССР, Совет спортивного клуба «Кузнечик» и редколлегия журнала «Костер» приняли решение о проведении VII Всесоюзных соревнований юных прыгунов и спринтеров.

По традиции очередные финальные соревнования членов СК «Кузнечик» будут проведены в Ленинграде, во время зимних каникул, 4 и 5 января 1986 года.

Согласно «Положению о соревнованиях СК «Кузнечик» в них смогут принять участие команды школ-победителей всесоюзного конкурса на лучшую команду по прыжкам в длину и высоту и в беге на 60 метров, а также лучшие юные спортсмены — члены СК «Кузнечик».

Соревнования будут проходить по трем возрастным группам: 1969—70, 71—72 и 73—74 гг. рождения.

Юные спортсмены, ставшие чемпионами и призерами в своих возрастных группах, получают призы и награды Спорткомитета СССР и редакции журнала «Костер».

ХОЧЕТСЯ ПРЫГАТЬ ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ

Многие юные спортсмены спрашивают, как живет и тренируется чемпион «Кузнечика» Женя Танага.

По заданию Совета спортклуба наш корреспондент Герман Разумов встретился с чемпионом и его тренером Д. Д. Танагой (Дмитрий Дмитриевич — отец Жени) и попросил их ответить на несколько вопросов:

— Женя, когда ты стал увлекаться прыжками в высоту?

— Сравнительно недавно. Когда мои ровесники уже ходили в спортивную секцию и учились прыгать, я ходил в музыкальную школу и только после окончания ее решил заняться спортом.

— В этом году ты стал чемпионом спортклуба. Для многих это было неожиданно. Получилось, как в истории про Юлия Цезаря: Пришел. Увидел. Победил.

— Да, все говорят, что чемпионом я стал с первого раза. Но в соревнованиях «Кузнечика» я участвовал и в 1984 году.

Но тогда я показал посредственный результат, занял только 4-е место, поэтому на меня никто не обратил внимания.

— После «Кузнечика» ты стал победителем многих всесоюзных и международных соревнований. Как ты думаешь, в чем причина твоих успехов?

— Наверное, они пришли потому, что я люблю прыгать и на тренировках, и на соревнованиях. Даже, когда ложусь спать и закрываю глаза, вижу, как лечу через планку.

— Но спорт и музыка — это такие разные вещи.

— Почему разные? Музыка, которая понравилась человеку, может в нем долго звучать. И чувство полета, прыжка через планку, также остается надолго.

— Дмитрий Дмитриевич, что бы Вы могли сказать читателям «Костра», как отец о своем сыне и как тренер о своем ученике?

— У него большая сила воли. Умеет себя настраивать на борьбу. Многие думают, спортсмены настраивают себя на борьбу только тогда, когда входят в прыжковый сектор. Могу сказать, что у Жени на это уходит несколько недель, то есть задолго до его выступления. И также долго он «отходит» от соревнований. А еще мне нравится, что на тренировках и соревнованиях он постоянно думает, анализирует.

— Прыгнув на 216 сантиметров, Женя стал мастером спорта СССР, членом юниорской сборной команды нашей страны. Судя по всему, планы и задачи у него большие.

— Главная задача — научиться прыгать все выше и выше. Этого можно добиться только одним путем — прыжок должен быть естественным. Не секрет, что даже у ведущих мастеров прыжок чаще всего силовой. Понимаете, о чем я говорю? Сравните, как прыгают мальчики и девочки, и придете

к выводу: девочки прыгают естественней. Поэтому и результаты у них растут быстрее. В этом легко убедиться, если вспомнить о рекордах «Кузнечика» за последние годы.

ТРИ МОНОЛОГА О ТРЕНЕРЕ

На VI Всесоюзных финальных соревнованиях спортклуба «Кузнечик» ребята из Белгорода завоевали приз «Лучшей школьной команде». Мы попросили их рассказать о себе. Но ребята почему-то начинали говорить не о себе, а о своем тренере Николае Васильевиче Логвинове.

Надя Ладченко: — Я раньше не думала, что буду заниматься легкой атлетикой. Но Николай Васильевич «заразил» всех нас своей энергией. Обычную школьную спортплощадку он предложил переделать в настоящий стадион. Все ребята

работали на стадионе, и Николай Васильевич с нами. Всегда улыбается, шутит. С ним всегда интересно, весело.

Света Каменева: — Он всегда вместе с ребятами. Организует походы, встречи с известными белгородскими спортсменами, побеждавшими в международных соревнованиях. Если нас посылают в совхоз на уборку моркови, то и Николай Васильевич с нами едет. И тут же организует соревнование между пионерскими бригадами.

Еще он предложил на базе нашего школьного спортклуба проводить неофициальные областные соревнования на приз «Кузнечика». В декабре и марте к нам съезжаются юные легкоатлеты со всей области.

Сергея Письменный: — У Николая Васильевича интересная судьба. Он начал заниматься спортом в трудное послевоенное время. На первенстве школьников в Курске он даже бежал свою дистанцию босиком, потому что не всем хватало кроссовок. А когда перед Мельбурнской Олимпиадой в Тбилиси проводилось первенство СССР по легкой атлетике, Николай Васильевич, чтобы увидеть выступление лучших советских спортсменов, добирался до грузинской столицы на крыше вагона пассажирского поезда. Ночевал на стадионе. А днем добился права выступить на первенстве страны.

Когда прозвучал призыв ЦК комсомола «Сибири и Дальнему Востоку нашу комсомольскую, трудовую и спортивную закалку!», Николай Васильевич уехал тренером в Читу. Работал там много лет, а потом вернулся к нам в Белгород.

Вместе с Николаем Васильевичем мы составили Клятву членов нашего спортклуба. Там есть такие слова: «Клянемся бороться в соревнованиях за честь клуба до победного конца, активно участвовать в жизни клуба, хорошо учиться, быть примером для вступающих в клуб». И мы стараемся ни в чем не отступать от данной клятвы. Ведь Николай Васильевич верит в нас, и его подводить нам тоже никак нельзя.

Необыкновенные приключения в космосе

Рисунки Г. Ясинского

Приближался Марс. Ребята смотрели в иллюминаторы. Им уже порядком наскучили эти чернильные пейзажи. Пьетро даже начал поговаривать о школе, а Даниэла о своих подругах по классу.

Но что это? Вдали появились четыре крохотные яркие звездочки.

— Странно, — сказал профессор Карлоне. — Насколько мне известно, в этой части Вселенной таких звезд быть не должно...

— Смотрите, профессор! — воскликнул Пьетро. — Они окружают нас!

— Ой-ой! — захныкала Даниэла. — Лучше бы нам держаться от них подальше.

Летающая тарелка рванулась так, что шапочка профессора слетела с головы, а очки свалились с носа и поплыли в невесомости.

— Отстают! — крикнула Даниэла. Но в то же время из динамика раздался странный голос — словно заскрипела старая дверь:

— Эй, на космической посудине! Напрасно торопитесь! Все равно вам не уйти! Вы на прицеле четырех сверхпушек!

Делать нечего. Пришлось летающей тарелке вместо Марса следовать за грозными незна-

комцами и опуститься на неведомую планету.

Наши путешественники уже привыкли к тому, что их всюду ожидают чудеса. Но на этот раз... На этот раз их удивлению не было предела. Потому что первым, кого они увидели, был землянин! Старичок с седыми волосами.

Его звали Леонардо. Он рассказал, что очень давно с друзьями улетел с Земли.

— Вы нашли на планете признаки жизни? — спросил профессор.

— Ни малейших! Но здесь — огромные залежи золота и алмазов...

— Но кто же взял нас в плен?

— О, слушайте, слушайте... Мои спутники были отличными инженерами. Да и я кое-что смыслю в машинах. Мы начали строить роботов. Из чистого золота. А шарниры рук и ног — алмазы! Роботы помогали выполнять нам тяжелую работу...

— Вот здорово! — сказал Пьетро. — Мне бы такого робота. Он бы все делал за меня дома.

— И еще бы готовил уроки, — прибавил Бенъямино, который был известным лентяем.

— Роботы, — продолжал Леонардо, — научились даже конструировать и изготовлять себе подобных. И сейчас их на планете — сто тысяч! Одно плохо: мои друзья умерли, а роботы отбились от рук. Перестали слушаться! И даже, — Леонардо перешел на шепот, — кое-что затевают. Неподаром же они, как настоящие пираты, захватили и доставили вас сюда...

— Я боюсь! — заплакала Даниэла.

— Ничего! Наш марсианин им задаст! — сказал Пьетро.

Но марсианин покачал своей грушевидной головой: его смертоносный для всяких чудовищ луч был бессилен против роботов из золота и алмазов... Вдруг раздался грохот и звон. И появились сверкающие на солнце золотые роботы. Двое из них

ташили большую золотую клетку. Главный робот дал команду, и несколько золотых механических рук схватили Леонардо и наших друзей вместе с марсианином и бросили в клетку.

— Что вам нужно от нас, уважаемые? — спросил профессор, пытаясь как всегда быть вежливым.

— Что нам нужно? — отвечал главный робот. — Только одно... Мы — всеильны! Мы — бессмертны! Но у нас нет того, что есть у вас. Нам нужен мозг! И хотя мы не очень-то понимаем, что такое мозг, но уж наверное — это неплохая и нужная штука. Недаром мастер Леонардо, когда он не в духе, называет нас — безмозглыми... Вот мы и возьмем ваш мозг. Наши-то головы совсем пустые...

— Но это же бесчеловечно! — воскликнул Леонардо.

— Конечно! Мы же — не люди... Короче — приготовьтесь...

И сто тысяч роботов запрыгали вокруг клетки от радости,

что каждому достанется хотя бы немножечко человеческих мозгов...

Глядя на нелепо приплясывающих и звенящих роботов, Карлоне задумался.

— Что же делать? Что делать? — причитал Леонардо. — Прежде они были такими хорошими и исполнительными. Я любил их как своих детей! И вот — на тебе!

— Да, уж постарались вы... — сказал Пьетро. — Но не мешайте профессору думать...

— Эврика! — воскликнул Карлоне. — Нашел! Где ваш граммофон и пластинки, мастер Леонардо?

— В моем домике...

— А вы можете приказать роботам принести их?

— Попробую. Возможно, в этом они мне не откажут...

— Тогда скорее! Пусть несут граммофон и пластинки: танго и прочее!

Но главный робот насторожился:

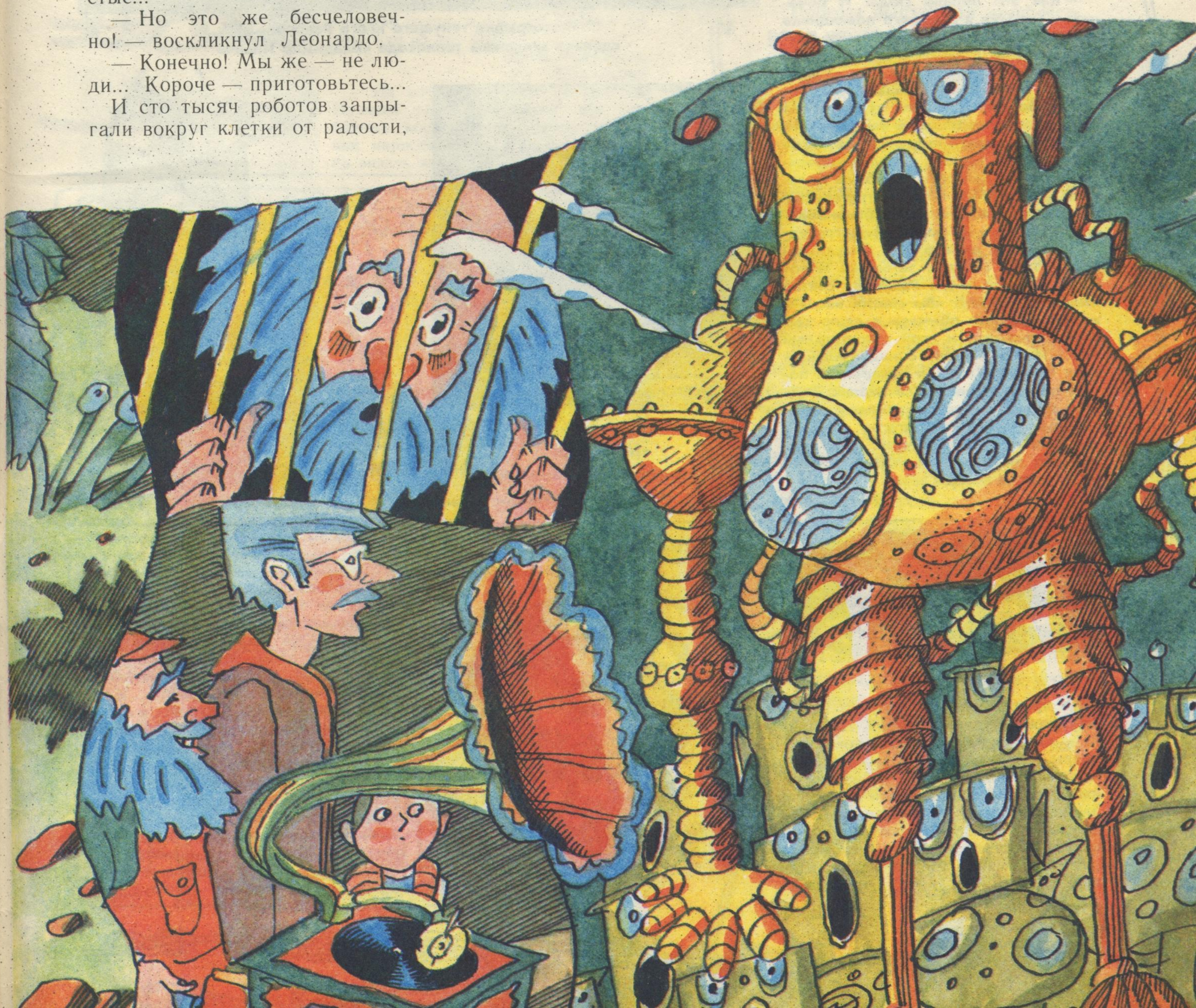
— Зачем вам граммофон?

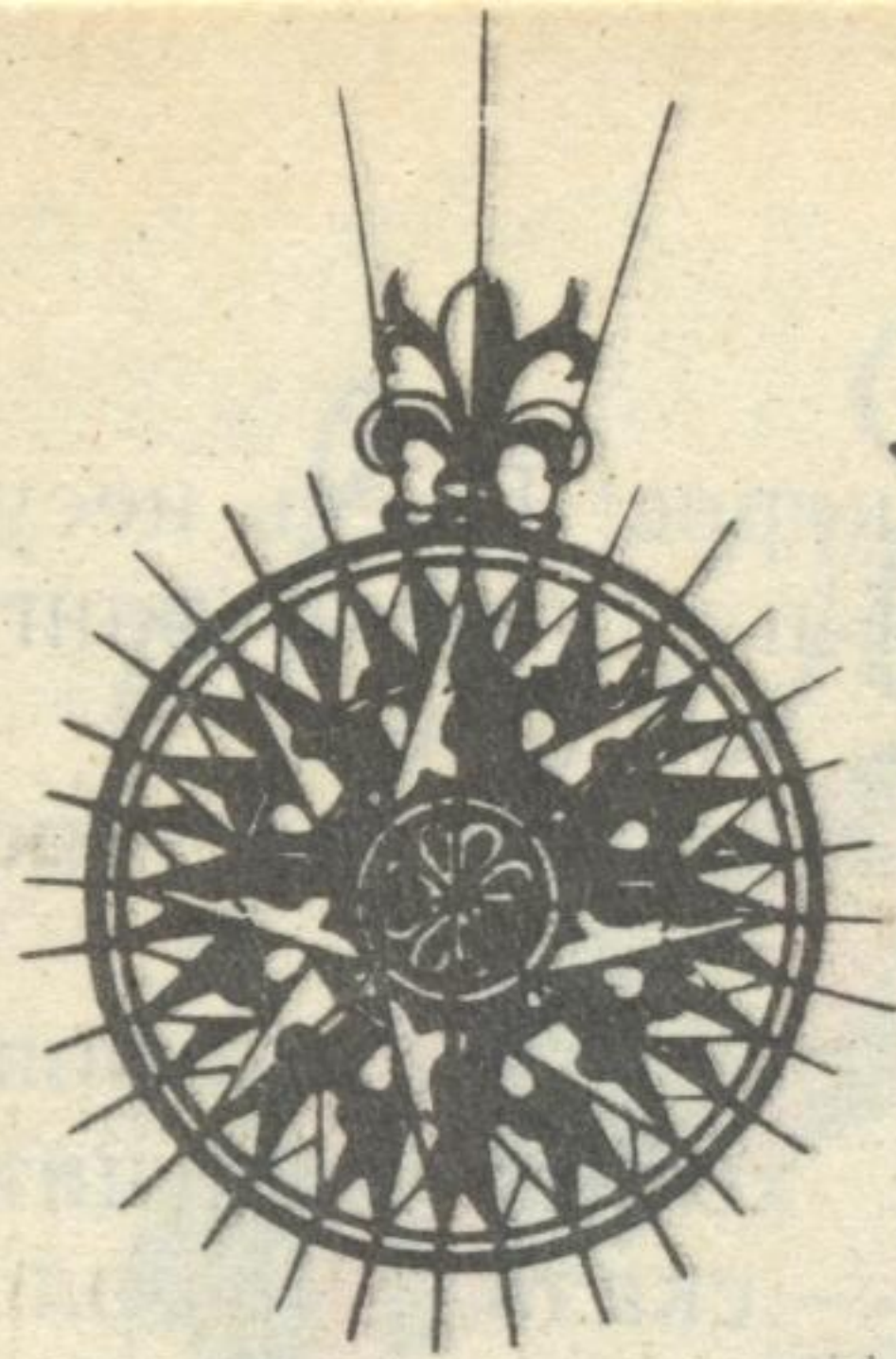
— Вы же хотите получить наш мозг, — сказал Карлоне. — И стать людьми. А стать людьми невозможно, не умея танцевать. И еще нужно научиться петь — хотя бы самую нехитрую мелодию... Иначе наши мозги будут просто вам ни к чему...

— Ах так, — сказал простодушный главный робот. — Тогда мы сейчас принесем все, что нужно...

Через минуту вся золотая орава распевала под музыку

Окончание на стр. 47

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Оформление
А. Януса

Год издания — 29-й

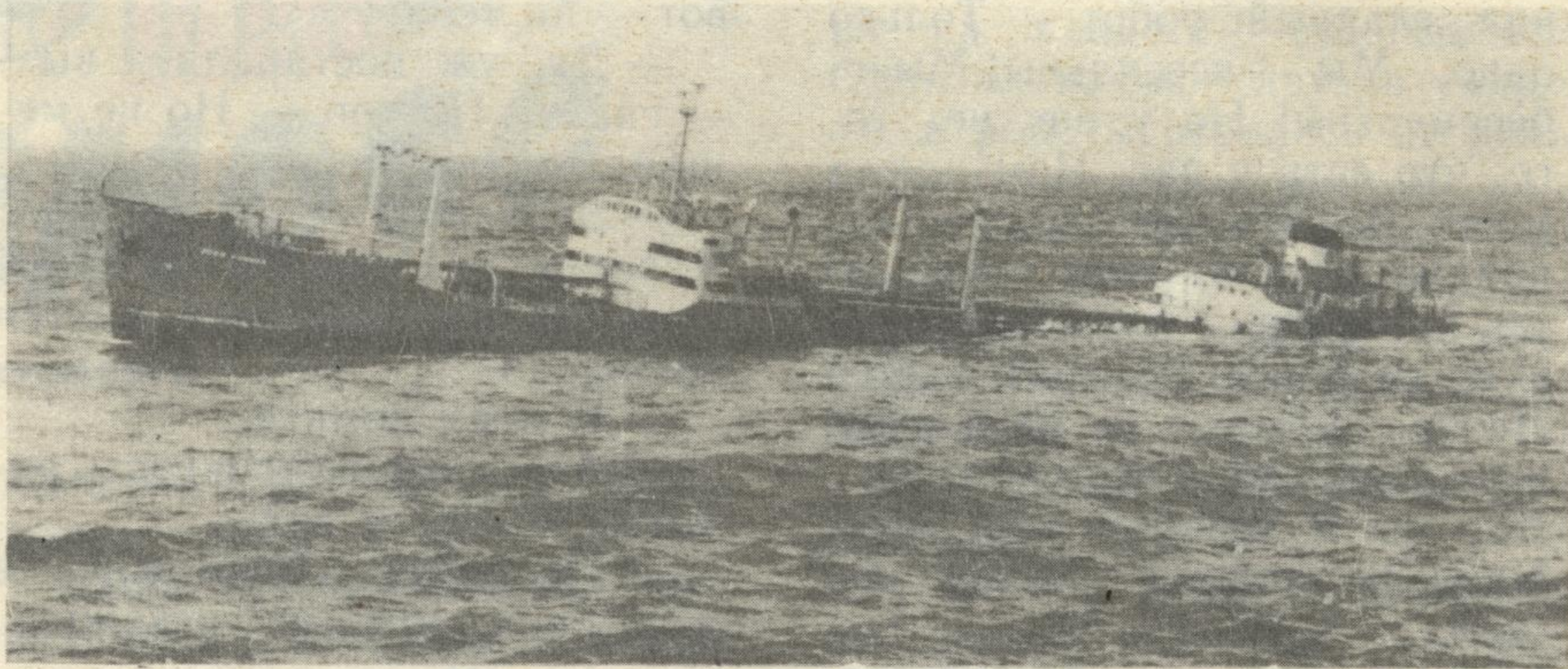
СТРАННЫЙ ЭКСПОНАТ

На теплоходе «Владимир Ильич» в одной из кают — музей, посвященный Ленину. Много лет экипаж собирает материалы о великом вожде. Когда я осматривал музей, я вдруг увидел спасательный пояс с иностранного судна и английский хронометр.

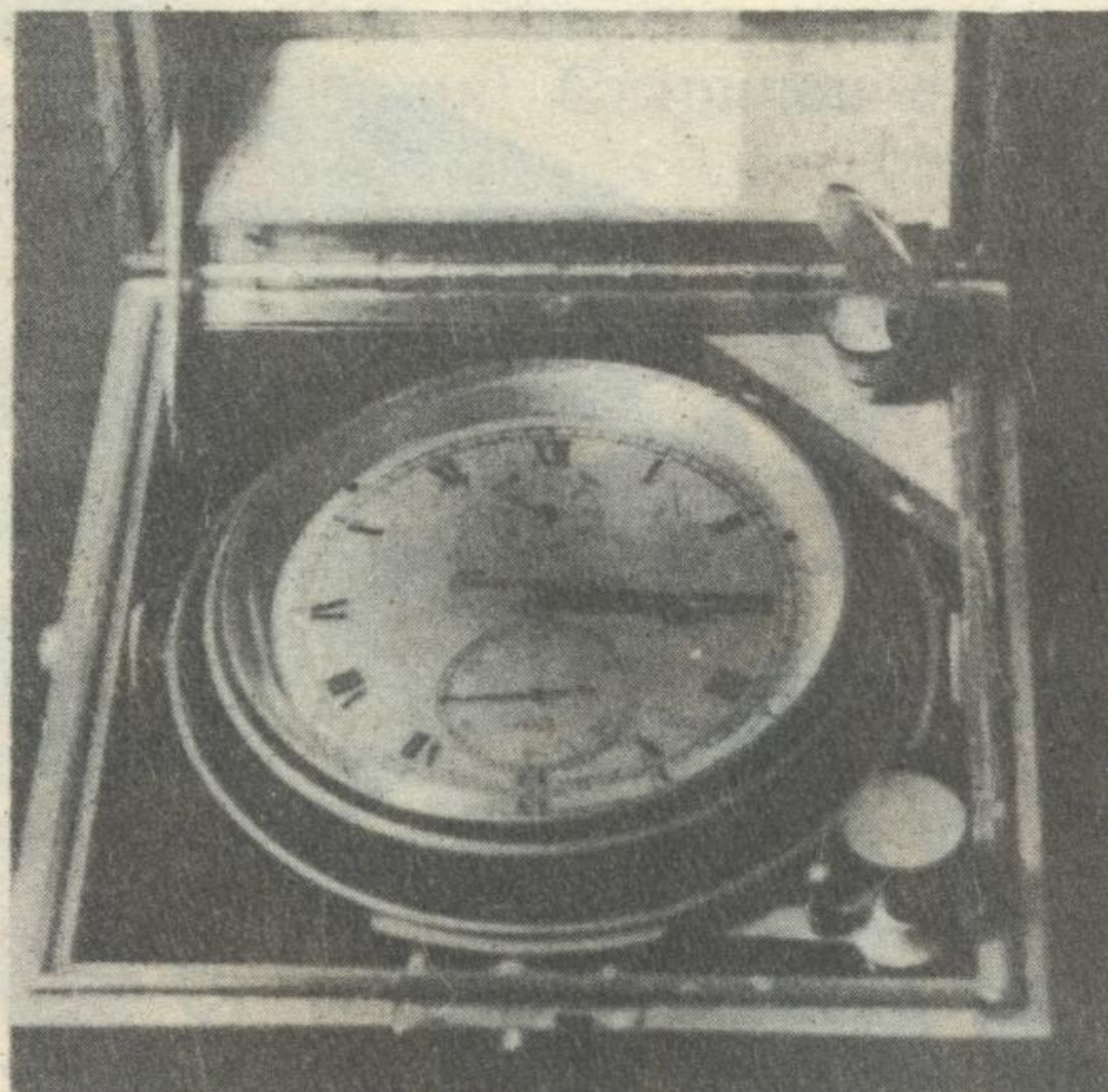
— Как это попало сюда? И почему? — спросил я старшего помощника капитана Владимира Васильевича Трусова.

— История... — отвечал он. — Шли мы из Мапуту и услышали SOS — сигнал бедствия. Тонуло судно «Гого Раннер». Мы подошли и увидели, что волны уже гуляют по его палубе. Надо было спасти экипаж. С судна спросили: «Есть ли доктор?» Там были больные. Доктор у нас был. Быстро спустили шлюпку и пошли. Волны были большие. Первыми на борт тонущего судна поднялись доктор и я. Спасли мы всех людей, а судно затонуло. И вот тогда капитан «Гого Раннера» сказал нашему капитану: «Вы спасли нас. По нашим морским обычаям я дарю вам свой хронометр и свой спасательный пояс». И наш капитан, Геннадий Алексеевич Митенев, принял подарок. А потом решил поместить в музей. Ведь этот подарок — всему экипажу «Владимира Ильича». И пусть каждый, кто посетит судовой музей, знает: какой это экипаж... Никогда и никого не оставит в беде.

Б. ГЕССЕЛЬ

Фотография тонущего «Гого Раннера»
сделана экипажем теплохода «Владимир Ильич»

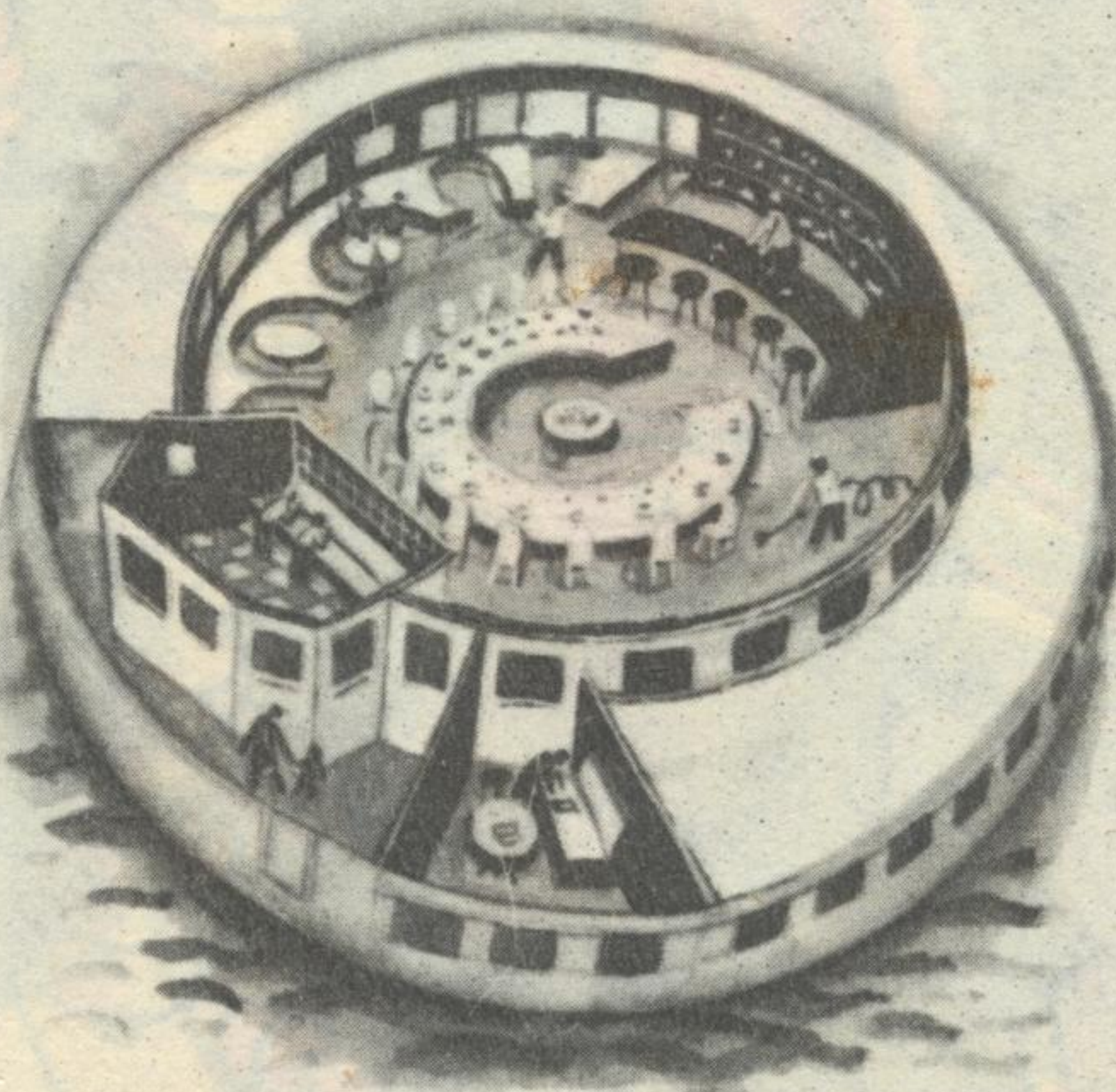
Фотографии
хронометра
и спасательного жилета
сделаны автором

ЧУДО-КАРТА

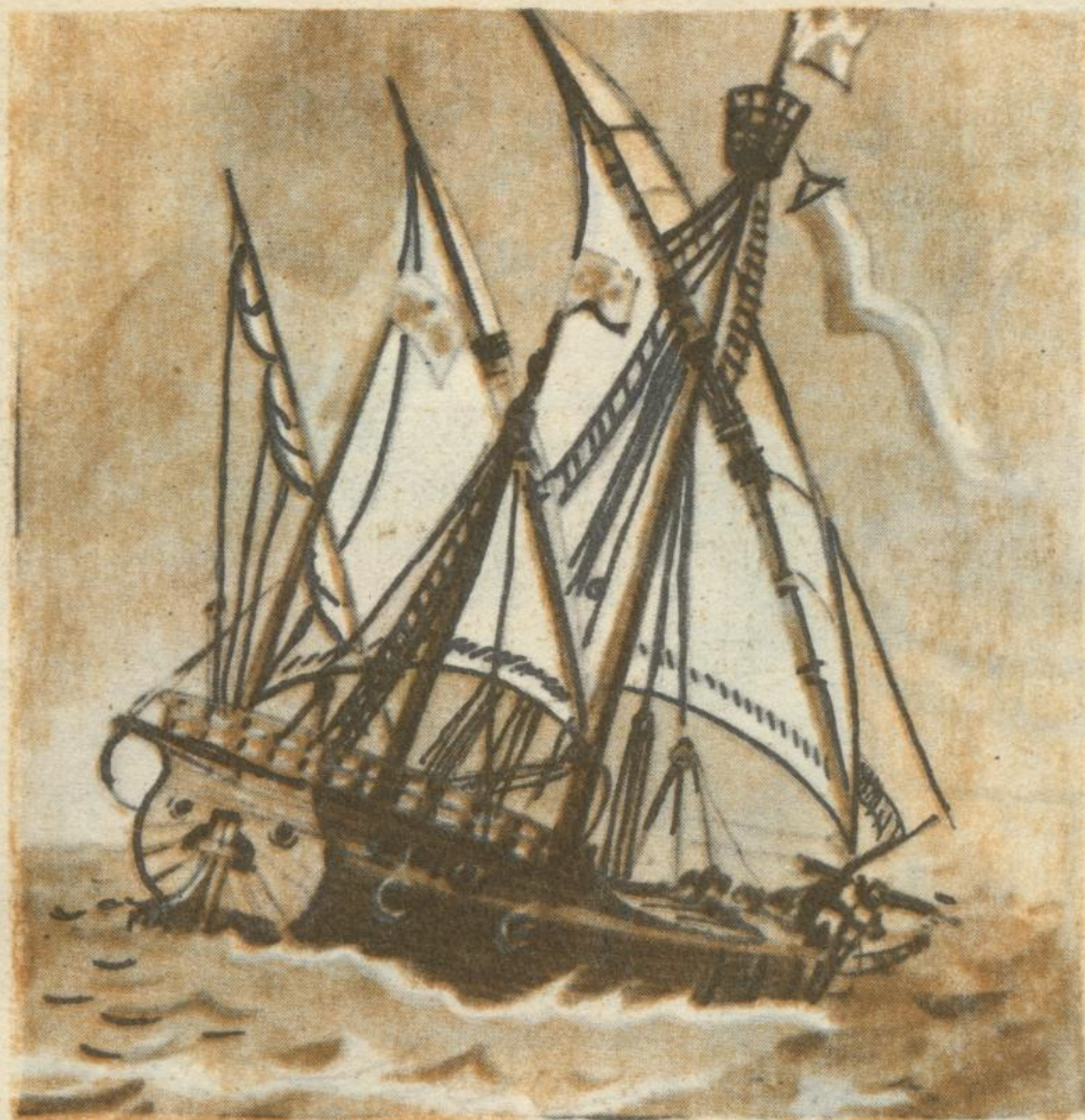
Ее придумали конструкторы. Перед штурманом — цветной экран. На экране — электронная карта. И мели на ней видны и рифы. И корабль изображен — небольшим пятнышком. Продвинется настоящий корабль влево, и пятнышко двинется влево. Двигается корабль дальше и дальше — меняются и части карты — соответственно тем местам моря или океана, где проходит плавание. Очень удобная и точная электронная карта.

Кому некуда спешить

В истории судостроения известны «круглые» корабли. Это — «поповки», круглые как тарелки корабли береговой обороны. Они были неуклюжи, плавали очень плохо. И хуже всего, что имели тихий ход... От строительства круглых кораблей отказались...

Но оказывается, и тихий ход, и форма корпуса в виде тарелки может пригодиться. Кому же? Туристам, которые любят не спеша разглядывать красоты морских берегов. Инженеры решили, что для таких пассажиров ничего кроме «тарелки» лучше и не придумаешь... К тому же круглое судно может крутиться на одном месте — смотри себе сколько влезет... А туристские каюты с большими окнами — вдоль всего борта «тарелки».

ВЫСТАВКА
ПИНГВИНА

ПАРУСНЫЕ ГОНКИ
Валерий Миронычев,
Пермь

СПРАШИВАЙТЕ-ОТВЕЧАЕМ

— Мы с приятелем поспорили. Он говорит, что якорь нужно привязывать простым узлом, а я — что прямым узлом. Кто из нас прав?

Дима Карабанов,
Архангельск

— Ни тот ни другой — не годятся. Прямым узлом связывают два свободных конца каната. Наш художник нарисовал два надежных способа вязать якорные узлы.

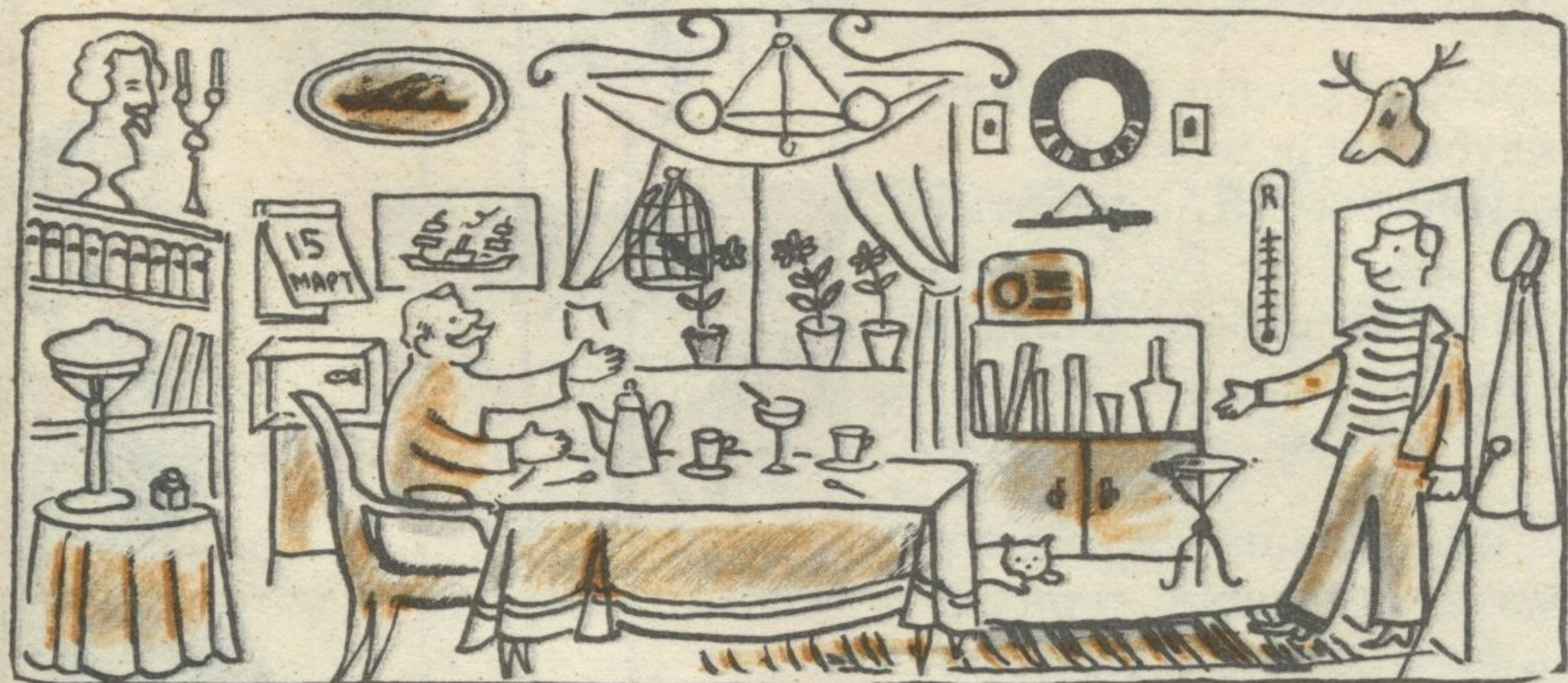
ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Боцман Румпель вернулся из долгого плавания и навестил старого знакомого, капитана Быстроходова.

— В вашем кабинете — все на старых местах и ничего не изменилось... — сказал боцман капитану.

— Как сказать... — отвечал капитан. — Если внимательно приглядеться, то кое-что и изменилось...

Что изменилось в кабинете капитана в отсутствие боцмана?

граммофона и покачивалась в такт. Фальшивили роботы невероятно...

— Вы и танцуете плохо, — сказал Карлоне. — Выпустите меня из клетки, хотя бы одного, и я научу вас танцевать фокстрот...

Роботы выпустили профессора, и он, припомнив молодость, сделал несколько изящных шажков. Сто тысяч роботов закружились и затопали. Можно было подумать, что началось небольшое землетрясение...

— Еще, еще! — кричали они. Впрочем, главный робот уже отеснил Карлоне от граммофона. Кроме музыки и танцев для золотых роботов уже ничего больше на свете не существовало... Миг — и Карлоне открыл дверцу клетки. Еще миг — и пленники побежали к своей летающей тарелке. Леонардо — с ними. Никто из роботов не обратил на них никакого внимания — вот что значит истинное увлечение танцами!

Но тут мастер Леонардо отказался лететь...

— Я привык все-таки к ним... А теперь-то уж они будут меня слушаться... Нет, нет, я не могу их бросить... Я остаюсь...

— Что передать от вас землянам? — спросил Карлоне.

— Только одно: пусть земные ученые выдумывают какие угодно автоматы и машины, но ни в коем случае не допускают, чтобы они вышли из повиновения человеку!

И летающая тарелка понеслась по небесным путям — дальше...

Пересказ с итальянского
по книге Сильвио Джильи
И. КОНСТАНТИНОВОЙ

На платье посажено пятно — обидно до слез. Об этом пишут многие девочки. Попробуем помочь беде, даже если у вас нет пятновыводителя. Чем скорее вы возьметесь за дело, тем больше надежды на успех. У каждой хорошей хозяйки в доме есть бутылочки с ацетоном и бензином (осторожно — легко воспламенимы!), скипидаром, нашатырем, глицерином.

Ими и будем пользоваться. Чтобы не испортить ткань и ее цвет, лучше всего испытать средство у швов с изнанки. Пятно трите по направлению волокон ткани ватным тампоном или чистой тряпочкой, подложив под него кусок плотной материи. Средство для выведения пятен не оставляйте на ткани — выполощите.

Бензин: пятна от масла (жира), лейкопластыря, копировальной бумаги. Пятна смолы покрыть толстым слоем масла, потом снимать вместе с ним, смыть теплой мыльной водой. Пятна жевательной резинки (сначала соскоблить ножом).

Ацетон: пятна лака, йода (затем стирать с мылом). Ацетатный шелк ацетон растворяет.

Скипидар: пятна мастики, древесной смолы, масляной краски (разведите пополам с нашатырем), сажи (потом выстирать с мылом). Снимает грязь с бархата (протрите по ворсу).

Нашатырный спирт: пятна от машинного масла (сначала намочи в теплой воде), от фруктов (разбавить водой); травяные пятна, свежие (сначала немного замочить в теплой мыльной воде).

Глицерин: пятна от духов (глицерин чуть нагреть, втереть в пятно, смыть теплой водой), от чая (4 части глицерина — 1 часть нашатыря), кофе, какао, шоколада (пополам с водой, добавить немного нашатыря).

На рисунке вы видите игольницу «Кактус», сшитую из трех клиньев, и поделки из разных бусинок.

Рисунок Т. Петуховой

Рисунки
Ю. Беломлинской

И сейчас в Исландии деревья наперечет. А сто лет тому назад там при въезде в город Акурейри

приезжих встречал плакат: «Берегите наше дерево!»

В городе росло единственное деревце в стране.

На Западе ювелирам так надоели грабители, что они стали привлекать к охране драгоценностей животных.

В Дарвине (Австралия) в подвале банка дирекция поселила крокодила.

В Скарборо (Англия) призы в спортклубе стережет лев.

В Нью-Йорке (США) золотые монеты на выставке были положены в бак с водой, где плавали хищные рыбы.

В токийском зоопарке из клетки убежала огромная горилла. Сторожа быстро удалили публи-

ку и вызвали стрелка с духовым ружьем. Он выстрелил в обезьяну шприцем со снотворным. Но прежде чем уснуть, обезьяна... сняла с себя голову и долго ругалась. Это был человек, нанятый дирекцией с целью проверить бдительность и расторопность сторожей.

КРИПТОГРАММА

В этом номере мы хотим познакомить вас с очень интересным видом головоломки — криптограммой.

Криптограмма — это зашифрованное письмо. Чтобы разгадать слова криптограммы, нужно расшифровать ключевые слова. Затем каждое найденное слово надо написать под цифрами данного ряда так, чтобы под каждой цифрой была одна буква. Теперь остается только отыскать в криптограмме такие же цифры и заменить их соответствующими буквами. Задачу облегчает то, что и в ключевых словах и в криптограмме могут попадаться одинаковые цифры.

А теперь за дело, любители головоломок, решите эту криптограмму, в которой зашифрована народная пословица!

Значения слов:

- I. — 18, 13, 7 — согласие, мир.
- II. — 16, 5, 11 — устройство для проходки туннеля.
- III. — 4, 13, 9 — движение ног при ходьбе.
- IV. — 10, 1, 2 — отражение звука.
- V. — 14, 2, 15 — однолетнее растение семейства бобовых.
- VI. — 14, 8, 17 — крупный боковой отросток от ствола.
- VII. — 3, 2, 6 — семья пчел.
- VIII. — 9, 12, 8 — вид антилоп, распространенный в Африке.

БЕЛКА НА ДЕРЕВЕ

Белка взбирается на ствол дерева по спирали, поднимаясь за один виток на 2 метра.

Сколько метров она преодолеет, добравшись до вершины, если высота дерева равна 8 метрам, а окружность 1,5?

ЗА СЕБЬ ПЕЧАТЯМИ

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЛОВ

Попробуйте из слова «Луна» сделать «Марс», меняя в каждом последующем слове по одной букве.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 9

Конкурс на лучший кроссворд.
1. Агава. 2. Анис. 3. Сфагнум. 4. Мятлик. 5. Кизил. 6. Лиана. 7. Ареал. 8. Ликоподиум. 9. Мак. 10. Колокольчик. 11. Кокос. 12. Сорт. 13. Тычинка. 14. Аконит. 15. Трутовик. 16. Камелия. 17. Ядро. 18. Олива. 19. Астра. 20. Алыча.

Самый простой способ путешествовать. Дело в том, что, поднявшись в воздух, мы в сущности не отделяемся от земного шара. Мы остаемся в атмосфере, которая тоже участвует во вращении Земли. Это подобно тому, как, подпрыгнув в вагоне движущегося поезда, мы опускаемся на прежнее место.

1	2	3	2	4	5	6	7	3	8	9	
10	11	2	12	13	14	11	2	15	16	5	6
				17	18	13	7				

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-17121. Сдано в набор 05.07.85. Подписано к печати 04.09.85. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,9. Печать офсетная. Тираж 981 000 экз. Заказ 4739. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

16-81

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

30 к.
Индекс 70445

..... (1844—1930). Член Товарищества передвижных выставок. Автор портрета Мусоргского и картины «Запорожцы пишут письмо». Фрагмент картины «.....»

.....Карл.....(.....—1852) — сторонник академического направления в живописи. Много жил в Италии. Фрагмент картины «.....»

.....Валентин (.....—1911). Передвижник. Портрет Ермоловой, историческая серия «Петр I», картина «Девушка, освещенная солнцем». Фрагмент картины «.....»

.....Иван Николаевич (1837—.....). Один из основателей Товарищества передвижных выставок. Автор портретов Л. Толстого, Н. Некрасова. Фрагмент картины «.....»

.....Михаил Александрович (.....—.....) Автор рисунков к лермонтовскому «.....», портретов, росписи в Киеве. Фрагмент картины «.....»

Кустодиев (.....—.....) Автор портрета Шаляпина, сцен из жизни купечества. Фрагмент картины «.....»

Перепишите подписи, заполнив в них пропуски.

Пришлите ответы по адресу:

193024, Ленинград, Мытнинская ул., д. 1/20 «Костер» — «Викторина».

Победители будут награждены подарками.